

МГППУ

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**
Факультет экстремальной психологии

ЕВРОПЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ
Международный Центр образования и научной информации
Interkulturelle Weiterbildungsgesellschaft e.V.
(Дюссельдорф, Германия)

**БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М. ТАНКА**
Кафедра социальной и семейной психологии
(Республика Беларусь)

**ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени С. АМАНЖОЛОВА**
Кафедра психологии и коррекционной педагогики
(Республика Казахстан)

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И БЕЗОПАСНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОСТРЕБОВАННОСТИ ДОСТИЖЕНИЙ ПСИХОЛОГИИ

Материалы
Международной научно-практической
конференции

25 ноября 2022 года

г. Москва
2023

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет «Экстремальная психология»

ЕВРОПЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ
Международный Центр образования и научной информации
Interkulturelle Weiterbildungsgesellschaft e.V.
(Дюссельдорф, Германия)

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. ТАНКА
Кафедра социальной и семейной психологии
(Республика Беларусь)

ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени С. АМАНЖОЛОВА
Кафедра психологии и коррекционной педагогики
(Республика Казахстан)

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И БЕЗОПАСНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОСТРЕБОВАННОСТИ ДОСТИЖЕНИЙ ПСИХОЛОГИИ

Материалы Международной научно-практической конференции

25 ноября 2022 года

г. Москва

2023

УДК 159.9
ББК 88.4
П84

Рецензенты:

Ю.А. Шаранов – профессор Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы;

С.В. Горностаев – профессор Академии ФСИН России, доктор психологических наук, доцент

П84 Профессионализм и безопасность: состояние и перспективы востребованности достижений психологии. Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. В.М. Позднякова, В.Е. Петрова. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. – 221 с.

ISBN 978-5-94051-292-9

В настоящем издании представлены материалы выступлений участников Международной научно-практической конференции «Профессионализм и безопасность: состояние и перспективы востребованности достижений психологии», проведенной 25 ноября 2022 года на базе факультета экстремальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

В сборник включены статьи и тезисы выступлений участников, посвященные наиболее актуальным проблемам экстремальности в жизнедеятельности человека и профессиональной деятельности специалистов особого риска, оказания психологической помощи в экстремальных ситуациях, а также по направлениям обеспечения безопасности в современном мире.

Материалы предназначены для научных сотрудников, преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов, студентов вузов, специалистов органов управления образованием, руководителей и психологов силовых ведомств и правоохранительных органов.

ББК 88.4

ISBN 978-5-94051-292-9

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2023

© Коллектив авторов, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Материалы пленарного заседания

Поздняков В.М. Проблема психологического мониторинга безопасности личности и субъективного благополучия у сотрудников силовых структур и правоохранительных органов.....	6
Пергаменщик Л.А. Событийно-биографический подход как базовая методология кризисной психологии.....	13
Ульянина О.А., Хайрова З.Р., Гаврилова Е.В. Особенности оказания психологической помощи вынужденным переселенцам в пунктах временного размещения на приграничных территориях Российской Федерации.....	17
Кукина Ю.Е. Инклюзивная компетентность педагога как условие безопасности образовательной среды.....	23
Марьин М.И. Научная специальность «Юридическая психология и психология безопасности»: формирование и перспективы развития.....	28

Секция 1. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников силовых структур и правоохранительных органов

Анцибор Ю.А. Психолого-педагогические аспекты деятельности воспитателей по повышению психологической устойчивости обучающихся суворовского военного училища	34
Арефьева О.В. Некоторые аспекты истории становления и развития методологии выявления лжи.....	39
Волков А.А. Взаимосвязь жизнестойкости и копинг-стратегий военнослужащих Министерства обороны Российской Федерации.....	44
Гладкая Н.А. Профессионально-саногенная безопасность сотрудников органов внутренних дел	48
Дебольский М.Г. Служба в уголовно-исполнительной системе как экстремальная деятельность	52
Ерохина Е.И. Индивидуальный стиль служебной деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции.....	58
Жестков А.А. Психологическая безопасность личности как основа устойчивости от информационно-психологического воздействия из вне на сотрудника силовых структур	63
Князева Л.В. Возрастные особенности жизненных ценностей специалистов опасных профессий	67
Костина Л.Н., Егоров А.А. Развитие произвольной психической саморегуляции сотрудников полиции как профессионально-психологического действия.....	73
Петров В.Е. Влияние виктимности к информационно-психологическому воздействию на принятие решения о миротворчестве у военнослужащих.....	77

Петров В.Е., Пахалкова А.А., Омаров М.А. Особенности психометрической адаптации методики диагностики склонности к эйджизму в Вооружённых силах Республики Кыргызстан.....	82
Петрова Н.Н., Шокот К.А. Проблема психологической совместимости летных экипажей гражданской авиации.....	88
Сечко А.В. Человеческий фактор и аварийность в современной авиации..	93
Сиворонова М.С. Рефлексивность и профессиональное выгорание психологов органов внутренних дел	98
Токарева М.Н. Проблема изучения саногенного мышления сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: состояние и перспективы исследования.....	102
Шашкова И.А. Профилактика внутриличностного конфликта курсантов как условие обеспечения психологической безопасности образовательной среды вузов МВД России.....	105

Секция 2. Психология безопасности личности и социальной среды в транзитивном мире

Аникеева Н.В. К вопросу о развитии рефлексии у будущих психологов в процессе обучения в образовательной организации высшего образования....	109
Боган В.А. Особенности психологического воздействия виртуально моделируемых экстремальных ситуаций в подростковом и юношеском возрасте..	113
Быкова Т.И., Сударик А.Н. Сознание и бессознательная сфера подростка: проблемные вопросы в рамках практической деятельности сотрудника подразделений по делам несовершеннолетних.....	119
Галяутдинова Н.А. Рефлексия и мотивация к риску у представителей молодежных субкультур	123
Деулин Д.В. Развитие профессионально важных качеств у экстремальных психологов в условиях кризисных явлений в мире	128
Дубченко М.А. Проблемы реализованности фундаментальных экзистенциальных мотиваций в межличностных отношениях юношей и девушек.....	132
Загадская Д.Р. Психологические особенности формирования патриотизма у старшеклассников.....	134
Козлова А.Б. Кибербуллинг в подростковой среде: обзор зарубежных исследований.....	139
Литвинова А.В., Березина Т.Н. Взаимосвязь социального интеллекта с маркерами здоровья.....	143
Милованова С.В. Профайлинг как метод обеспечения безопасности и повышение профессионализма специалиста.....	148
Сбитнева О.Ю. Эффективная саморегуляция – важнейший элемент личной безопасности.....	153
Симонян М.В. Особенности копинг-стратегий, как фактора психологического благополучия подростков в образовательной среде.....	156

Секция 3. Проблемы в оказании психологической помощи: модели и технологии интервенции

Аксенова М.А. Особенности профессионального самоопределения старшеклассников из проблемных семей	164
Андреева М.М. Особенности стиля саморегуляции у подростков, склонных к агрессивному поведению.....	169
Белая М.А. Особенности профессионального самоопределения старшеклассников из семей разных типов.....	173
Демидова Л.Н. Особенности адаптации младших школьников к образовательной среде.....	178
Качанкина Л.В. Нужен ли гендерный подход к психологической профилактике суицидального поведения в подростковой среде?.....	183
Кожина Т.Д. Особенности стратегий совладания у подростков с девиантным поведением.....	187
Кузьмина Т.И., Матковская Е.Н. К вопросу создания центров экстремально-кризисной подготовки и реабилитации.....	192
Пронякина А.А. Влияние детско-родительских отношений на эмоционально-личностное развитие дошкольника.....	197
Розенова М.И., Гукешокова З.Р. Социальные и профессиональные страхи в контексте профессиональной подготовки.....	201
Рябова А.И. Особенности психологического портрета семьи, в которой воспитывается ребенок с ограниченными возможностями здоровья.....	207
Семина Ю.В. Возрастные и учебные страхи младших подростков в период пандемии Covid-19.....	211
Хазеева Г.И. Саногенное мышление старших подростков и его взаимосвязь со стрессоустойчивостью.....	216

Материалы пленарного заседания

Поздняков Вячеслав Михайлович,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), заместитель декана по научной работе факультета «Экстремальная психология», профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, доктор психологических наук, профессор
e-mail: pozdnyakov53@mail.ru

Pozdnyakov Vyacheslav Mikhailovich,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Deputy Dean for Scientific Work of the Faculty «Extreme Psychology», Professor of the Department of scientific foundations of extreme psychology, Doctor of Psychological Sciences, Professor

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ У СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

THE PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL MONITORING OF PERSONAL SECURITY AND SUBJECTIVE WELL-BEING IN LAW ENFORCEMENT OFFICERS AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Аннотация. С учетом расширения в последнее семилетие участия сотрудников отечественных силовых структур в специальных военных операциях и личного состава правоохранительных органов в поддержании порядка в экстремальных условиях обосновывается актуальность реализации психологического мониторинга безопасности личности и субъективного благополучия личного состава. Раскрываются методолого-теоретические ориентиры в разработке психотехнологии мониторинга и пути ее практической реализации.

Ключевые слова: астенизация, безопасность личности, боевой стресс, комбатанты, психологический мониторинг, психотравматизация, реабилитация, субъективное благополучие.

Abstract. Taking into account the expansion in the last seven years of participation of employees of domestic law enforcement agencies in special military operations and personnel of law enforcement agencies to maintain order in extreme conditions, the relevance of the implementation of psychological monitoring of personal security and subjective well-being of personnel is substantiated. Methodological and theoretical guidelines in the development of psychotechnology of monitoring and ways of its practical implementation are revealed.

Keywords: asthenia, personal safety, combat stress, combatants, psychological monitoring, psychotraumatization, rehabilitation, subjective well-being.

Известному отечественному ученому К.К. Платонову, являвшемуся доктором психологических и медицинских наук, принадлежит высказывание: «Каждой науке что-то дано, а что-то и задано». Впервые его услышав при личной встрече в 1984 году, в последующем неоднократно убеждался в важности рефлексии психологами изменяющегося проблемного поля, чтобы оперативно реагировать и на запросы от общества и государства.

Продолжающаяся вот уже 9 месяцев специальная военная операция на Украине и осуществленная 300-тысячная мобилизация актуализируют выход

психологов на расширенные исследования по проблемам готовности и проявления стрессоустойчивости в новой реальности различными категориями сотрудников силовых структур и правоохранительных органов. Необходимо учесть, что сегодня психотравматизация у личного состава может быть более многообразной, чем традиционно изучаемая специалистами посттравматическая симптоматика, т.к. ведутся и целевые деструктивные информационные воздействия через социальные сети Интернет. В связи с этим представляется важным провести исследования, прежде всего по проблеме совершенствования психологического сопровождения комбатантов, а с их учетом обосновать научную модель и экспериментально апробировать психотехнологию мониторинга безопасности личности и субъективного благополучия среди сотрудников силовых структур, участвовавших в СВО, и личного состава правоохранительных органов, выезжавшего в служебные командировки в республики и области Украины, присоединенные к России.

Методолого-концептуальные ориентиры востребованной научной работы по совершенствованию психологического сопровождения комбатантов, на наш взгляд, могут базироваться на позиции ряда ученых. Прежде всего, следует учесть выводы профессора Леонида Александровича Китаева-Смыка, побывавшего в зоне боев на первой и второй чеченских войнах, а в итоге в книге «Стресс войны. Фронтовые записки врача-психолога» (2001) раскрывшего особенности развития трёх рангов боевого стресса у военнослужащих, причем со спецификой у лиц, активно или пассивно реагирующих на него [5]. В последующем предрасположенность сотрудников силовых структур и правоохранительных органов к психотравматизации или к повышению жизнестойкости в экстремальных условиях в зависимости от особенностей их личности многопланово исследовалась психологами (П.Н. Казберов, 2006; Д.Ю. Кузнецов, 2011; Н.Е. Харламенкова, 2015; А.Г. Караяни, Э.П. Утлик, 2018; Е.О. Ермолова, С.С. Бурлакова, 2020; М.Ш. Магомед-Эминов, 2021 и др.), а также учеными из смежных наук (Л.В. Смирнова, 2003; С.В. Литвинцев, Е.В. Снедков, А.М. Резник, 2005; М.Ю. Наров, 2007; Е.Г. Ичитовкина, 2011; В.М. Звонников, 2019; А.Г. Васюк, 2021 и др.). Сегодня необходимо комплексное изучение у комбатантов связи психотравматизации личности с переживаниями безопасности и субъективного благополучия, в том числе с учетом особенностей и времени их нахождения в экстремальных условиях, отношения к ним в социуме как участникам войны.

На значимость учета в модели мониторинга времени нахождения личного состава в экстремальных условиях указывают данные докторской диссертации психиатра Е.В. Снедкова, раскрывающие динамику психотравматизации военнослужащих в ходе войны в Афганистане. Им установлено, что «стойкая социально-психологическая дезадаптация» обнаруживается у 61,1 % лиц, находившихся на войне более 7 месяцев, а в период спустя год уже у 83,3 %. При этом тяжесть психических деструкций обусловлена как продолжительностью пребывания в условиях театра военных действий и интенсивностью стрессогенного

воздействия, так и конституциональными и личностными особенностями личного состава [13, С. 6].

В уточнение данных диссертации Е.В. Снедкова, касающихся влияния стрессогенных условий, сошлюсь на результаты своего исследования. Мне, как офицеру МВД СССР, пришлось в 1990-м году в течение почти четырех месяцев вместе с курсантами участвовать в миротворческой операции в Нагорном Карабахе, причем сразу после «сумгаитской резни». Являясь заместителем командира батальона по воспитательной работе, в тех условиях постарался оставаться и психологом, т.е. вести дневник наблюдений по подчиненным и проводить психодиагностику. Обнаружил, что после 40 суток у личного состава возросла астенизация. Она вела к деструкциям в поведении и к ухудшению социально-психологического климата в подразделениях. Учитывая данное обстоятельство, с согласия комбата экспериментально начал апробацию на одной из 2-х рот сразу двух программ – аутогенной тренировки (цель – релаксация личного состава после прибытия с двухсуточной службы на базу батальона) и эмоционально-волевой тренировки (цель – мобилизация при заступлении на службу на блокпостах). Психотехнической основой программ выступили аудиослайдовые комплекты, которые были созданы в рамках инициативной НИР кафедры психологии и педагогики Рязанской высшей школы МВД СССР. Отмечу, что с запуском указанных программ осуществлялась психодиагностика, велось отслеживание разноплановых изменений в поведении среди курсантов экспериментальной роты, причем их сравнение с особенностями по контрольной роте.

На основе эксперимента, проведенного в течение двух месяцев, было установлено, что программы обеспечивали поддержание стенических переживаний и способствовали конструктивности поведения личного состава экспериментальной роты. Об этом свидетельствовали как данные психодиагностики, так и результаты посещений-проверок руководством батальона данной роты, как в дневное, так и в ночное время. В тоже время по личному составу контрольной роты зафиксирован рост замечаний по служебной дисциплине и по несению режимно-пропускной службы на блокпостах (особенно при контроле в ночное время). Дополнительно замечу, что в воспитательной работе в обеих ротах акценты были едины: оперативное информирование об обстановке в Закавказье, обсуждение групповой и персональной успешности службы, постоянное раскрытие нюансов по истории, ментальности и возможностям диалогичности во взаимодействии с гражданами разных национальностей на контролируемой территории.

В целом, по проведенному тогда эксперименту зафиксировано, что для преодоления кумуляции у личного состава стресса, накапливаемого при выполнении служебно-боевых задач, необходимо сочетание воздействий релаксационного и мобилизационного характера, чтобы шло оптимальное задействование потенциала личности, причем одновременно в аспекте мотивационного, когнитивного, эмоционального и волевого ресурсов.

О содержании и результатах эксперимента во время несения военно-миротворческой службы офицеров и курсантов Рязанской высшей школы МВД

СССР в Нагорном Карабахе изложил в статье, вышедшей в Сборнике научных трудов в Минске [10]. Каково же было мое удивление, когда через 11 лет меня в Москве (в то время я был уже начальником кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России) разыскал профессор Владимир Иванович Лебедев. Напомню, что это знаковый ученый для развития экстремальной психологии. Он в 1960-1971 годах возглавлял службу медико-психологической подготовки космонавтов, защитил, будучи кандидатом медицинских наук, в 1984 г. докторскую диссертацию по психологии на тему «Особенности психической деятельности в измененных условиях существования». Он первым начал читать в МГУ авторский спецкурс «Личность в экстремальных условиях» (Учебное пособие с аналогичным названием им было издано массовым тиражом в 1989 г.).

Профессора В.И. Лебедева при встрече интересовали, во-первых, факт выявления роста астенизации и проявлений деструкций у правоохранителей после 40-дневного нахождения в условиях военизированной службы в этнически сложном регионе, а во-вторых, особенности использованных авторских психотехнических средств воздействия. Научный интерес ученого по первому вопросу был связан с тем, что им резкий рост астенизации после такого же срока нахождения в стрессогенных условиях зафиксирован у подводников в долгосрочном плавании, а также у космонавтов и полярников в условиях изоляции. По мнению профессора В.И. Лебедева, полноценное научное доказательство данного явления позволит психологам грамотно ставить вопрос о нормативности срока пребывания специалистов в условиях интенсивного стресса. Интерес же к психотехнической стороне нашего эксперимента обуславливался тем, что специалистами из ИМБП РАН доказано, что «использование комплекса методов коррекции предикторов травматического стресса непосредственно в боевых условиях обеспечивает их максимальную эффективность по сравнению с их отсроченным использованием» [3, С. 12].

К настоящему времени как отечественными, так и зарубежными учеными убедительно доказано, что психотравматизацию среди личного состава силовых структур в условиях войны надо целенаправленно профилактировать, причем ориентируясь на то, что психотравма – это всегда «индивидуальная реакция на событие трагическое или чрезвычайно значимое для личности, а поэтому и вызывает чрезмерное психическое напряжение и последующие негативные переживания, которые не могут быть преодолены самостоятельно и оказывают устойчивые изменения состояния и поведения» [6]. В превенции эскалации психотравматизации у сотрудников силовых структур и правоохранительных органов, побывавших в чрезвычайных ситуациях, необходимо также учитывать отношения со стороны руководства и коллег по службе, в семье и ближайшем окружении [7]. В современных условиях психотравматизация из-за того, что приходится быть на войне с этнически близкими людьми, по мнению профессора М.М. Решетникова, «будет иметь значительную специфику, т.к. запускаются качественно иные психологические механизмы, действие которых может растягиваться и на десятилетия» [12].

Выбор в качестве базовых мишеней в психологическом мониторинге конструктов «психологическая безопасность личности» и «субъективное благополучие» обусловлен выводами из проведенной психологами в последнее десятилетие значительной исследовательской работы, а также авторской разработкой разнопланового методического инструментария или адаптации зарубежного. Так, в Институте психологии РАН в лаборатории, возглавляемой профессором Н.Е. Харламенковой, в 2017 г. подготовлены сразу две монографии, посвященные проблематике психологической безопасности личности [14; 15]. Конструктивным следует признать подход к изучению взаимосвязи безопасности личности с профессиональным менталитетом и субъективным благополучием представителей опасных профессий, раскрытый в публикациях Ю.В. Бессоновой, ведущего научного сотрудника Института психологии РАН [1; 2]. Следует отметить актуальность выхода на комплексный подход к психологической безопасности личности, который содержится в монографии А.В. Молокоедова, И.М. Слободчикова, С.В. Франц [9], а также на важность обоснования субъективного прогнозирования практик безопасности в экстремальных ситуациях, осуществленного докторами психологических наук Т.М. Краснянской и Г.В. Тылец [8].

Анализ публикаций и диссертационных исследований по феномену субъективного благополучия свидетельствует, что его различные компоненты, во-первых, связаны с психологическим здоровьем (С.К. Нартова-Бочавер, А.А. Волочков, А.Б. Серых и др.), с самоактуализацией и жизнеспособностью личности (Г.Л. Пучкова, Е.А. Рыльская), процессами адаптации к стрессовым ситуациям (Е.Н. Панина, О.Ю. Зотова, Л.В. Карапетян и др.); во-вторых, существуют возможности их многопланового изучения, причем на основе валидного и надежного методического инструментария.

При изучении особенностей переживания субъективного благополучия у сотрудников силовых структур и правоохранительных органов, на наш взгляд, надо обратить особое внимание на усилившиеся на них в последнее время массивные информационно-психологические воздействия через СМИ и социальные сети в Интернет. Как отмечается А.Г. Караяни, осуществляемые целевые негативные информационно-психологические воздействия на силовиков и правоохранителей сказываются на психическом состоянии и уровне профессиональной активности [4]. При этом сегодня у части личного состава имеется и обеспокоенность за судьбы своих близких, т.к. в случаях участия в специальной военной операции на Украине или выезда в служебную командировку в присоединенные территории к России, в созданный украинский сайт «Миротворец» вносятся их домашние адреса.

В психодиагностическую составляющую мониторинга представляется важным включить расширенный перечень методик изучения личностных деликторов и, в частности, по таким важным компонентам психологического потенциала, как жизнестойкость, толерантность к неопределенности и оптимизм. Целесообразным будет и отслеживание у комбатантов изменений по таким интегративным образованиям личности, как служебная лояльность и субъектив-

ная витальность, для изучения которых авторские методики разработаны в рамках докторских диссертаций юридическими психологами С.В. Горностаевым (2021) и Т.В. Мальцевой (2022).

Практически реализовывать мониторинг по оцениванию субъективного благополучия и психологической безопасности личности сотрудников силовых структур и правоохранительных органов представляется целесообразным в рамках периодического их «вывода из зоны войны», а в дальнейшем при ежегодно проводимых диспансеризациях личного состава.

В заключение отмечу, что проблема, затронутая в статье, относится к ключевым научным направлениям, разрабатываемым на факультете «Экстремальная психология» МГППУ [11]. Поэтому приглашаем к активному сотрудничеству всех заинтересованных ученых и практиков.

Список литературы:

1. Бессонова Ю.В., Броневицкий Г.Г. Психологическое благополучие у представителей опасных профессий // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 327-351.
2. Бессонова Ю.В., Обознов А.А. Профессиональный менталитет и безопасность профессиональной деятельности // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии / Отв. ред. А.Н. Занковский, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 233-250.
3. Боевой стресс и постстрессовая адаптация участников боевых действий. Сборник научных трудов. М., 2003. 130 с.
4. Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Методы негативного информационно-психологического воздействия на правоохранителей в ходе протестных акций в зарубежных странах // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 70-83.
5. Китаев-Смык Л.А. Стресс войны. Фронтовые записки врача-психолога. М., 2001. 80 с.
6. Клиническая психология. Энциклопедический словарь / под ред. Н.Д. Твороговой. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Практическая медицина, 2016. 608 с.
7. Крамник М.Е. Социально-психологическая адаптация комбатантов к условиям гражданской жизни: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004 22 с.
8. Краснянская Т.М., Субъектное прогнозирование практик безопасности в экстремальных ситуациях // Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11. № 3. С. 102-111.
9. Молокоедов А.В., Слободчиков И.М, Франц С.В. Психологическая безопасность личности: основы комплексного анализа. М.: Левь, 2017. 176 с.
10. Поздняков В.М. Овладение будущими специалистами ИТУ методикой аутогенной тренировки как средством психопрофилактики стресса в предстоящей службе // Психолого-педагогическая наука и актуальные проблемы борьбы с преступностью. Материалы Всесоюзной конференции. Мн.: МВШ МВД, 1991. С. 137-142.
11. Поздняков В.М. Психологический мониторинг профессиональных деструкций у субъектов служебной деятельности // Психология служебной деятельности: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. М.: Юрайт, 2020. С. 364-382.
12. Решетников М.М. Репортаж с малой Родины // Психологическая газета. 2022. 15 ноября. <https://psy.su/feed/10515/> (дата обращения – 10.11.2022).

13. Снедков Е.В. Боевая психическая травма (клинико-патогенетическая динамика, диагностика, лечебно-реабилитационные принципы): Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. СПб, 1997. 50 с.

14. Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е., Падун М.А. и др. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности Монография. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 344 с.

15. Харламенкова Н.Е., Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В. и др. Психологическая безопасность личности: эксплицитная и имплицитная концепция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 262 с.

References:

1. Bessonova Yu.V., Bronevitsky G.G. Psychological well-being among representatives of dangerous professions // Psychological studies of personality: history, modern state, prospects / Otv. ed. M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev, N.E. Kharlamenkova. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2016. pp. 327-351.

2. Bessonova Yu.V., Oboznov A.A. Professional mentality and safety of professional activity // Modern state and prospects for the development of psychology of labor and organizational psychology / Otv. ed. A.N. Zankovsky, A.L. Zhuravlev. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAS», 2018. pp. 233-250.

3. Combat stress and post-stress adaptation of combatants. Sbornik nauchnykh trudov. M., 2003. 130 p.

4. Karayani A.G., Karayani Yu.M. Methods of negative information and psychological impact on law enforcement officers during protest actions in foreign countries // Russian deviantological journal. 2021. № 1. pp. 70-83.

5. Kitaev-Smyk L.A. Stress wars. Frontline notes of a psychologist. M., 2001. 80 p.

6. Clinical psychology. Encyclopedic dictionary / ed. N.D. Tvorogovoy. 2-e ed., dop. i pererab. M.: Prakticheskaya meditsina, 2016. 608 p.

7. Kramnik M.E. Socio-psychological adaptation of combatants to the conditions of civil life: Avtoref. dis. ... cand. psychol. sciences. M., 2004 22 p.

8. Krasnyanskaya T.M., Subject forecasting of safety practices in extreme situations // Professional education in the modern world. 2021. Vol. 11. № 3. pp. 102-111.

9. Molokoyedov A.V., Slobodchikov I.M., Franz S.V. Psychological safety of personality: basics of complex analysis. M.: Lev', 2017. 176 p.

10. Pozdnyakov V.M. Mastery of future specialists of IUT methods of autogenic training as a means of psychoprophylaxis of stress in the upcoming service // Psychological and pedagogical science and actual problems of combating crime. Materials of the All-Union Conference. Minsk: MVSH MVD, 1991. pp. 137-142.

11. Pozdnyakov V.M. Psychological monitoring of professional destruction in the subjects of official activity // Psychology of service activity: ucheb. posobie dlya vuzov / pod obshch. red. A.V. Kokurina, V.E. Petrova, V.I. Ekimova, V.M. Pozdnyakova. M.: Yurayt, 2020. pp. 364-382.

12. Reshetnikov M.M. Reportage from malaya Rodiny // Psikhologicheskaya gazeta. 2022, November 15. <https://psy.su/feed/10515/> (accessed 10.11.2022).

13. Snedkov E.V. Combat mental trauma (clinical and pathogenetic dynamics, diagnostics, treatment and rehabilitation principles): Avtoref. dis. ... Dr. med. sciences. SPb., 1997. 50 p.

14. Tarabrina N.V., Kharlamenkova N.E., Padun M.A. et al. Intense stress in the context of psychological safety Monograph. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAS», 2017. 344 p.

15. Kharlamenkova N.E., Tarabrina N.V., Bykhovets Yu.V. et al. Psychological safety of personality: explicit and implicit concept. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2017. 262 p.

Пергаменщик Леонид Абрамович,

Белорусский государственный педагогический университет (г. Минск, Беларусь), доктор психологических наук, профессор

e-mail: leonpergam@gmail.com

Pergamenshic Leonid Abramovich,

Belarusian State Pedagogical University (Minsk, Belarus),
Doctor of Psychological Sciences, Professor

СОБЫТИЙНО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК БАЗОВАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КРИЗИСНОЙ ПСИХОЛОГИИ

EVENT-BIOGRAPHICAL APPROACH AS A BASIC METHODOLOGY OF CRISIS PSYCHOLOGY

Аннотация. В условиях повышенной неопределенности современного мира, мировоззренческой дезориентации, актуализации проблем насилия, правового нигилизма и социально-психологической аномии, психологическая наука и практика нуждаются в понимании и расширении методологической платформы тех подходов, которые позволяют более деликатно и качественно надежно соприкоснуться с внутренним миром личности. В статье обосновываются возможности и направления расширения событийно-биографического подхода в психологии до целостно-событийной парадигмы, позволяющей оказывать психологическую помощь людям в кризисной ситуации, посредством активизации субъектной позиции по отношению к своим жизненным задачам и обстоятельствам в конкретной ситуации, с одновременным выражением отношения к собственному выбору.

Ключевые слова: кризисная, психология, помощь, субъектный, экзистенциальный, событийно-биографический, целостно-событийный, подход.

Abstract. In the conditions of increased uncertainty of the modern world, ideological disorientation, actualization of the problems of violence, legal nihilism and socio-psychological anomie, psychological science and practice needs to understand and expand the methodological platform of those approaches that allow more delicately and qualitatively reliable contact with the inner world of the individual. The article substantiates the possibilities and directions of expanding the event-biographical approach in psychology to a holistic event-based paradigm that allows providing psychological assistance to people in a crisis situation by activating the subjective position in relation to their life tasks and circumstances in a particular situation, while simultaneously expressing their attitude to their own choice.

Keywords: crisis, psychology, help, subjective, existential, event-biographical, holistic-event approach.

В отечественной психологии традиционно доминирует структурно-функциональный уровень описания личности, который отличается неизбежной статичностью и в силу этого – определенной «невывраженностью» в понимании что есть человек, ставший объектом непомерной активности. Психология может гордиться успехами в аналитическом изучении ощущений, чувств, мышления и т.п., но трудности начинаются, когда требуется психологически анализировать жизненные явления, оперируя нефункциональными единицами психического. Что это за нефункциональные единицы психического? С.Л. Рубинштейн отмечал, что подлинно жизненной наукой психология может быть, только тогда, когда она сумеет, не исключая аналитического изучения ощущений, чувств и т.п., психологически анализировать жизненные явления, оперируя нефункци-

ональными «единицами» психического» [6]. Через нефункциональные единицы психического психология допускает нас к анализу поведения человека в ситуации кризиса. Но, традиционно перед отечественной (деятельностной и марксистской) психологией не ставилась задача понять человека в кризисе, в ситуации неопределенности, в экстремальной ситуации бытия, похожего на небытие, так как все было заранее определено: и направление развития, и способы достижения цели, и идеал нового человека.

Когда все определено, возникает зомби ситуация – ситуация принципиальной неопределенности. У меня такое ощущение, что сегодня ситуация с небольшим перерывом возвращается.

Мераб Мамардашвили уже в далеком 1984 году [4] определил эту ситуацию в терминах антропологической катастрофы. Выйти из нее можно следуя двум правилам-принципам. Согласно онтологическому принципу Декарта: чтобы быть, надо превосходить (1) и надо иметь возможность наименовать (2). Согласно гносеологическому принципу Канта: условием понимания мира есть обязательное включение в процедуру познания умопостигаемых, интеллигибельных объектов, позволяющих иметь свое видение жизненных ситуаций благодаря обращению к непосредственному опыту, зафиксированному в общечеловеческих категориях. Философ пессимистически оценил возможность современного ему человека преодолеть антропологическую катастрофу. Он сделал прогноз на появление человека неопишуемого, на наступление кафкианского века. Создается впечатление, что прогноз знаменитого ученого сбывается. Антропологический кризис, о котором говорил ученый, наблюдается в социальной сфере и в гуманитарных науках.

Гуманитарные науки сегодня, так или иначе, сталкиваются с двумя обстоятельствами кризиса.

Первое обстоятельство касается того, что принято называть собственно «антропологическим кризисом», затрагивающим базовые условия человеческого существования: мировоззренческая дезориентация, рост различных форм насилия, морально-правовой нигилизм и социально-психологическая аномия (деморализация, ослабление связи с обществом, отчужденность, пустота жизни и т.д.).

Второе обстоятельство связано с изменениями процесса порождения знаков культуры в семиозисе культуры, образной экспансией, возникновением виртуальной реальности и сетевых форм жизни. Значительная часть общества, особенно молодежи уже сегодня большую часть времени своей жизни проводит в электронных сетях.

Очевидно, что перед современной психологией встала потребность целостного описания личности в условиях неопределенности, разнообразия и сложностей. Появилось новое направление в психологии с определенным объектом и с неустоявшимся названием: экстремальная, кризисная, травматическая. Мне ближе термин «кризисная психология», но обоснование этого взгляда требует дискуссии и отдельного обсуждения. Кризисная психология призвана анализировать бытие человека в условиях неопределенности онтологических основ бытия.

Начнем с того, что новая система взаимодействия человека и мира, может быть понята, когда мы поменяем формулу «человек и мир» на формулу «человек-в-мире» (Л. Бинсвангер). Это заставит нас выйти на нефункциональные «единицы» психического, когда, например, через категорию «событие», которая отражает внутренний мир человека: фрагмент биографии и переживание этого фрагмента. Мы прокладываем путь от Бинсвангера с его категорией «человек-в мире» к С.Л. Рубинштейну с его более очевидной для кризисной психологии категорией «событие»

В отечественной психологии данный подход рассматривается в рамках системы «жизненный путь личности». Это направление было определено Н.А. Рыбниковым, С.Л. Рубинштейном, Б.Г. Ананьевым и др. Если работы Н.А. Рыбникова были единичными в пространстве отечественной психологии [7], то уже с 70-х годов XX в. начал формироваться целостный событийно-биографический подход (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, их единомышленники и ученики), который давал возможность понять и представить жизнь через событие как процесс личностно-ситуационного взаимодействия.

Важно, что концепция жизненного пути рассматривается в зависимости от исторического времени, в котором живет человек, учитывает изменения от поколения к поколению, фиксирует различия в психологическом облике разных поколений людей. В биографии человека существуют поворотные моменты – биографические события, которые сопровождаются принятием определенного решения и вызывают значительные личностные и социальные изменения [1, 5, 6 и др.]. Поворотные этапы жизни изменяют жизненные ценности, смысл существования и в итоге жизненный путь личности.

Данный подход позволяет сохранить уникальность жизненного пути каждого человека, а также необходимость дополнения психологии развития личности психологией жизненного пути, основой периодизации которого могут стать конкретные жизненные (биографические) события, в которых как социальные явления, так и психофизиологические процессы переживаются-преодолеваются личностью. Способ переживания событий и определяет психологическую судьбу личности.

Событийно-биографический подход нуждается в серьезном методологическом дополнении, которое он может получить и получает от экзистенциального подхода к человеку, который вынужден в экстремальных условиях бытия, ежедневно подтверждать свое бытие как экзистенцию (К. Ясперс). Быть субъектом своей жизни – это значит осуществлять выбор субъектной позиции по отношению к своим жизненным задачам и обстоятельствам в каждой конкретной ситуации [3]. Мы «разрешаем» человеку стать активным организатором событий своей жизни, жизненного пространства и жизненного времени. В «спокойные» периоды существования, человек может использовать опыт поколений, в экстремальных этого бывает часто недостаточно, и он вынужден больше опираться на свои ресурсы и/или ресурсы социальной сети поддержки.

В рамках событийно-биографической теории важнейшим фактором личностного самоопределения (преодоления кризисной ситуации) является собы-

тие, его восприятие и развертывание по времени индивидуального бытия. Так, Е.И. Головаха и А.А. Кроник представили предметом своего подхода временную перспективу личности как самосознание по временной динамике своего жизненного пути через анализ события. В построении концепции психологического времени авторы исходят из того, что любое событие жизненного пути становится понятным только при рассмотрении того, какое место оно занимает в последовательной цепи событий прошлого, настоящего и будущего личности [2]. Появление категории время в психологии событийно-биографического подхода знаковое явление и еще раз подтверждающее прогностические возможности данного подхода.

Для кризисной теории и практики важно, что единицей измерения психологического времени является не событие само по себе, а межсобытийная связь типа «причина-следствие» или «цель-средство». Единицей психологического прошлого является реализованная связь между двумя событиями хронологического прошлого, единицей настоящего – актуальная связь между событиями хронологического прошлого и будущего, единицей психологического будущего – потенциальная связь событий хронологического будущего. Кризисное событие может разрушить эту связь, разорвать или повредить непрерывность бытия на когнитивном, социальном, эмоциональном, историческом уровнях.

Актуальная связь событий во времени является существенным элементом субъективной картины жизненного пути человека, центром временного пространства. На основании осознания человеком взаимосвязей актуальных, значимых для него событий собственной жизни и формируется собственно индивидуальная концепция времени личности.

Конструктивность подобного рассмотрения жизненного пути заключается в том, что человеку «предлагают» оценивать и планировать, готовиться к предстоящим жизненным событиям, справляться с травматической фиксацией (капсулирование травмы) на кризисных событиях.

Предложенный гносеологический взгляд на человека через события его биографии (событийно-биографический подход) не гарантирует преодоления антропологической катастрофы, так как это задача не столько гносеологическая, сколько онтологическая, но помогает сигнализировать первые признаки появления человека неописуемого, зомби-ситуации и наступление кафкианского века. И это не мало. С позиции экзистенциального подхода можно увидеть не только выбор направления жизненного пути: путь бытия или путь экзистенции [3], но и направление психологической помощи. Пробуждение для экзистенции (К. Ясперс) есть переживание субъектом своего «бытия в мире». Быть субъектом своей жизни – это значит осуществлять выбор субъектной позиции по отношению к своим жизненным задачам и обстоятельствам в каждой конкретной ситуации и выражение отношения к этому выбору. Быть человеком означает быть активным организатором событий своей жизни, жизненного про-

странства, времени жизни – стратегическое направление вывода человека из экстремальной ситуации бытия.

Список литературы:

1. Ананьев Б.Г., Дворяшина М.А., Кудрявцева Н.А. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия. М.: Просвещение, 1968. 334 с.
2. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984. 209 с.
3. Гришина Н.В., Костромина С.Н., Мироненко И.А. Структура проблемного поля современной психологии личности // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 26-35. DOI: 10.31857/S20000338-8-1.
4. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1992. 416 с.
5. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
6. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
7. Рыбников Н.А. Биографии и их изучение. М.: [тип. Н. Желудковой]. 1920. 48 с.

References:

1. Ananyev B.G., Dvoryashina M.A., Kudryavtseva N.A. Individual human development and constancy of perception. M.: Enlightenment, 1968. 334 p.
2. Golovakha E.I., Kronik A.A. Psychological time of personality. Kiev: Naukova dumka, 1984. 209 p.
3. Grishina N.V., Kostromina S.N., Mironenko I.A. The structure of the problem field of modern personality psychology // Psychological Journal. 2018. Vol. 39. № 1. pp. 26-35. DOI: 10.31857/S20000338-8-1.
4. Mamardashvili M. How I understand philosophy. M.: Publishing group «Progress», «Culture», 1992. 416 p.
5. Psychology of official activity: textbook and workshop for universities / A.V. Kokurin [et al.]; under the general editorship of A.V. Kokurin, V.E. Petrov, V.I. Ekimova, V.M. Pozdnyakov. M.: Yurayt Publishing House, 2020. 375 p.
6. Rubinstein S.L. Being and consciousness. Man and the world. St. Petersburg: Peter, 2003. 512 p.
7. Rybnikov N.A. Biographies and their study. M.: [type. N. Gastric]. 1920. 48 p.

Ульянина Ольга Александровна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), руководитель Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, доктор психологических наук, кандидат социологических наук, доцент
e-mail: ulyaninaoa@mgppu.ru

Ulyanina Olga Alexandrovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Head of the Federal Coordination Center for the Provision of Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, Doctor of Psychological Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor

Хайрова Зульфия Рафиковна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), начальник отдела научно-методического обеспечения Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, кандидат психологических наук
e-mail: hajrovazr@mgppu.ru

Хайрова Зульфия Рафиковна,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Head of the Department of Scientific and Methodological Support of the Federal Coordination Center for the Provision of Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, Ph.D

Гаврилова Евгения Викторовна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), старший научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент
e-mail: gavrilovaev@mgppu.ru

Гаврилова Евгения Викторовна,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Senior Researcher of the Department of Scientific and Methodological Support of the Federal Coordination Center for the Provision of Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, , Ph.D

ОСОБЕННОСТИ ОКАЗАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ВЫНУЖДЕННЫМ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМ В ПУНКТАХ ВРЕМЕННОГО РАЗМЕЩЕНИЯ НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FEATURES OF PROVIDING PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE TO INTERNALLY DISPLACED PERSONS IN TEMPORARY ACCOMMODATION FACILITIES ON THE BORDER TERRITORIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Представленное исследование направлено на изучение особенностей оказания психологической помощи вынужденным переселенцам в пунктах временного размещения на приграничных территориях Российской Федерации. Для реализации поставленной цели была разработана специализированная анкета, включающая различные вопросы, касающиеся содержания работы с обратившимися за помощью людьми. Полученные результаты обсуждаются с точки зрения подходов к оказанию психологической помощи, которые обусловлены возрастными особенностями переселенцев и организацией самого процесса работы специалистов.

Ключевые слова: вынужденные переселенцы, психологическая помощь, психологическое сопровождение, эмоциональная и психологическая поддержка, пункт временного размещения.

Abstract. The presented research is aimed at studying the peculiarities of providing psychological assistance to internally displaced persons in temporary accommodation facilities in the border territories of the Russian Federation. To achieve this goal, a specialized questionnaire was developed, including various questions concerning the content of work with people who applied for help. The results obtained are discussed from the point of view of approaches to providing psychological assistance, which are due to the age characteristics of immigrants and the organization of the process of work of specialists.

Keywords: internally displaced persons, psychological assistance, psychological support, emotional and psychological support, temporary accommodation.

Оказание психологической помощи выступает одним из главных психологических направлений, позволяющих помочь людям, оказавшимся в экстремальной ситуации, справиться с психическими реакциями, которые возникают в связи с кризисом. Именно поэтому работа по оказанию психологической поддержки требует от психолога высокого уровня профессиональной компетенции, включающей широту и глубину знаний и навыков, которые связаны с возрастными особенностями пострадавших, общими когнитивными и эмоциональными процессами, а также влияющими внешними факторами, в частности, условиями работы. Наиболее остро весь спектр этих знаний и навыков проявляется в «действии», т.е. в ходе непосредственной работы специалистов [1, 2, 3 и др.].

На сегодняшний день актуальным примером особенностей оказания психологической помощи является оказание психологической помощи психологов вынужденным переселенцам на приграничных территориях Российской Федерации. Данные условия раскрывают не только специфику работы специалистов, но и акцентируют внимание на важных проблемах, связанных с эффективной организацией самого процесса психологической помощи, от которого напрямую зависит величина когнитивной и эмоциональной отдачи.

Представленное исследование направлено на изучение особенностей и результативности оказания психологической помощи вынужденным переселенцам в пунктах временного размещения на приграничных территориях Российской Федерации. Для реализации поставленной исследовательской цели была разработана специальная электронная анкета, которая включала вопросы о возрастных особенностях, эмоциональном состоянии и иных проблемах обратившихся за помощью переселенцев, а также о причине (содержании) их запроса и применяющихся психологами методах работы. Таким образом, составленная анкета направлена на определение существующих проблем и потребностей в ходе организации психологической помощи вынужденным переселенцам, находящимся в пунктах временного размещения (ПВР).

Всего в анкетировании приняло участие 157 специалистов – психологов и педагогических работников, оказывающих психологическую помощь разным категориям граждан: детям дошкольного возраста, обучающимся (ученикам начального общего и основного общего образования) и взрослым (родителям или законным представителям детей)¹. Распределение нагрузки на психологов,

---

¹ Обращения обучающихся по программам среднего профессионального и высшего образования, также взрослых и пожилых граждан, можно отнести к единичным случаям.

работающих в пункте временного размещения (далее – ПВР), было различным (табл. 1).

Таблица 1 – Распределение нагрузки на психологов, работающих в пункте ПВР

№	Количество психологов, оказывающих психологическую помощь в пунктах ПВР, чел.	Количество запросов на оказание психологической помощи в 1 рабочий день
1	59	1
2	44	2-5
3	8	6-10
4	5	11 и более
5	41	3-5

Данные показывают неравномерное распределение нагрузки. В целом, ряд специалистов отмечали оказание психологической помощи трем и более категориям вынужденных переселенцев. При этом работа проводилась с большим спектром запросов для каждой категории обратившихся – от просьбы оказать эмоциональную поддержку до страха за будущее (собственное и/или ребенка). Приведены гистограммы частых типов запроса каждой категории переселенцев в мобильном ПВР на приграничных территориях с марта по сентябрь 2022 года (рис. 1-3).

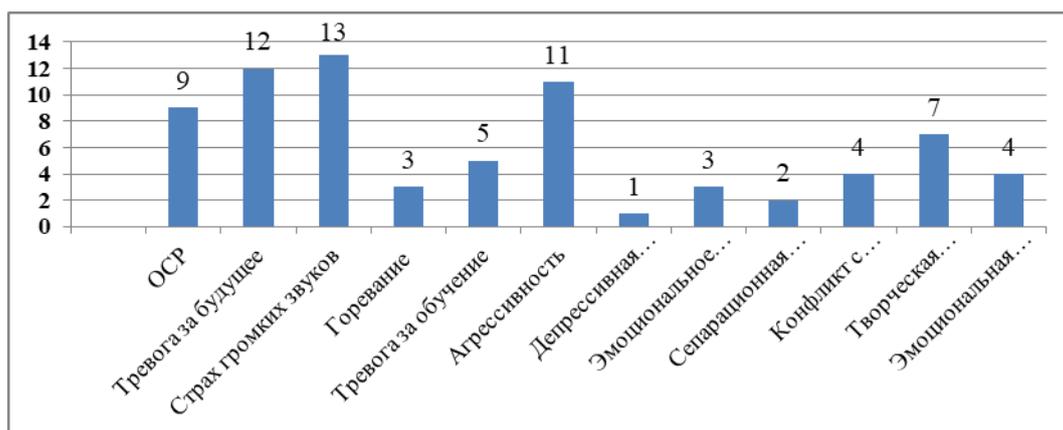

Рисунок 1 – Виды наиболее частых запросов на психологическую помощь детьми и подростками

Анализ приведенных выше распределений показывает важные различия в содержании и частоте запросов разными категориями переселенцев. Так, для взрослых людей характерно существенно большее количество обращений и типов запросов. Кроме того, принципиально отметить акцент обращений родителей именно в отношении детей (страх за будущее ребенка, эмоциональное состояние и общая степень конфликтности ребенка), в то время как содержание работы с детьми касалось скорее их общих эмоциональных и поведенческих особенностей, нежели конкретно отношений с родителями. Представленные данные позволяют сделать предположение, что более широкий спектр обращений взрослых переселенцев связан с возрастными психологическими особенностями и говорит о более осознанном (осмысленном) переживании ими стрессовой ситуации вынужденного переселения.

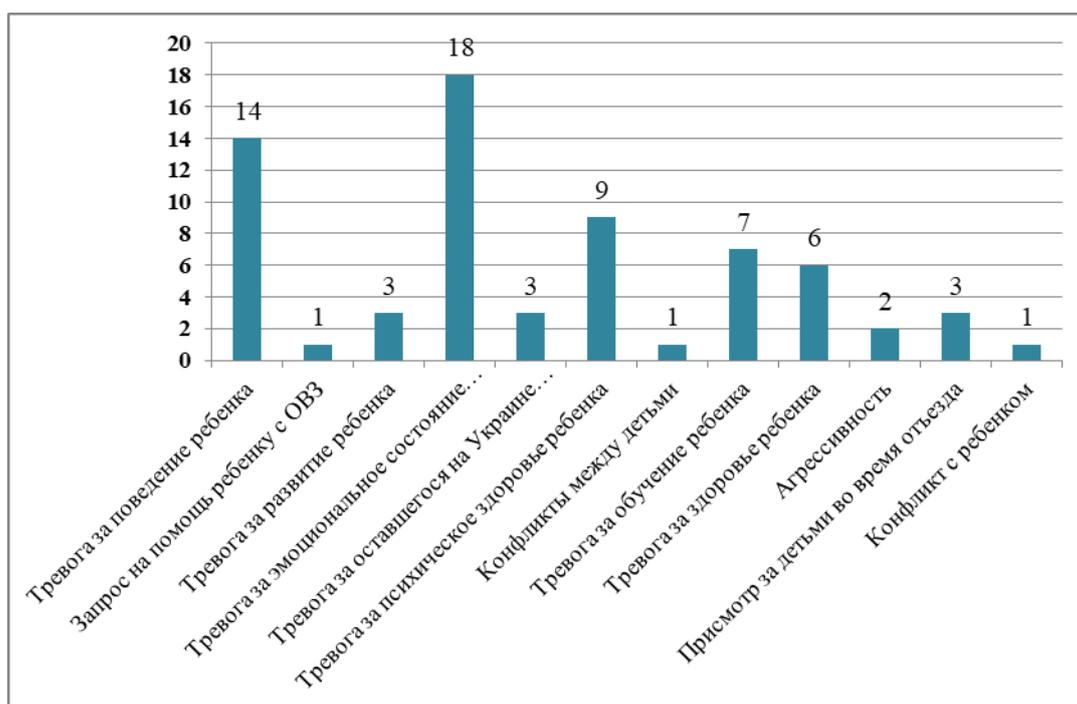

Рисунок 2 – Виды наиболее частых запросов на психологическую помощь родителями

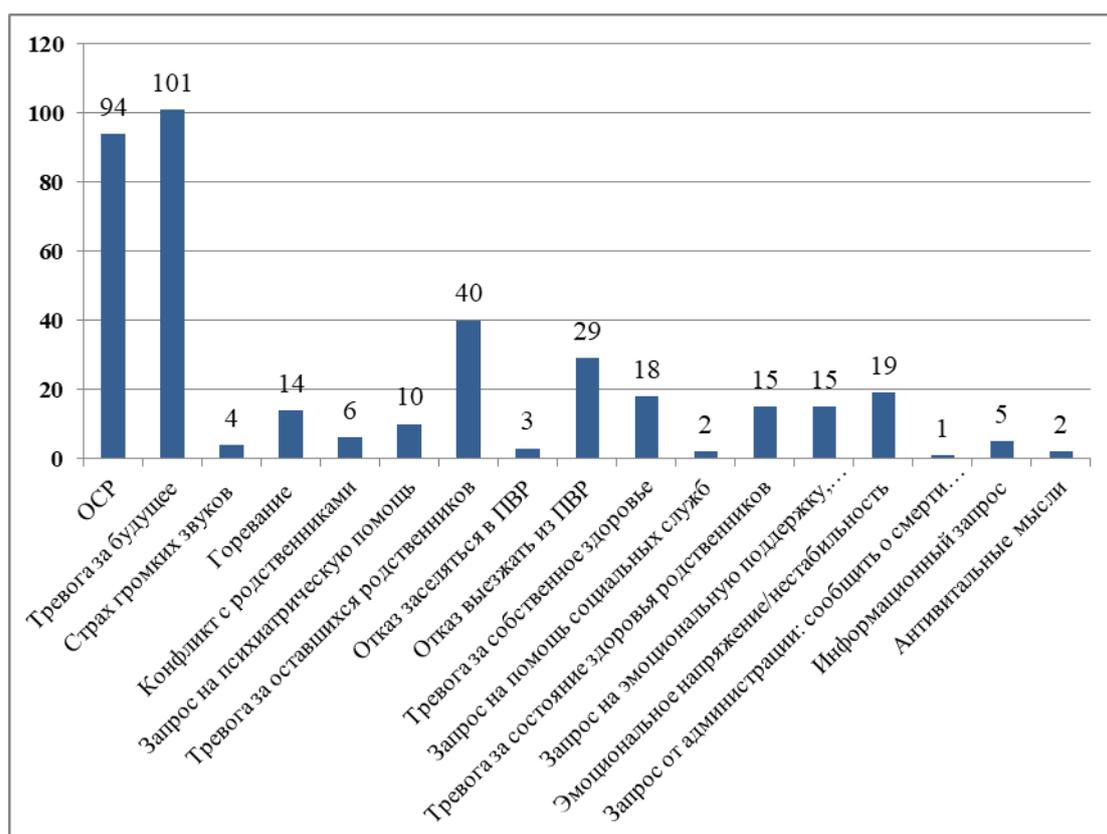

Рисунок 3 – Виды наиболее частых запросов на психологическую помощь взрослыми

В свою очередь, полученные результаты подчеркивают значимую роль профессиональной компетентности работающих специалистов-психологов, а также эффективной организации условий работы. В ходе заполнения анкеты психологов просили сообщить о том, какие методы и техники они использовали в работе с детьми переселенцев. Так, наиболее распространенной техникой ока-

залась арт-терапия – ее указывали 62% всех респондентов. При этом чаще всего использовались два вида творческой активности – рисование и лепка. На втором месте по частоте использования упоминалась игровая терапия (32 % опрошенных). Наконец, третьим по частоте упоминаний были техники эмоционального реагирования (24,5 %).

Важный момент – это частота использования метода игровой терапии, несмотря на меньшее количество типов запросов на психологическую помощь детьми и подростками. Тем не менее, игра как уникальный способ продолжает достаточно активно использоваться при работе с людьми, пережившими стрессовую ситуацию. Помимо представленных техник респонденты также сообщали об использовании техник телесной терапии, разнообразных ресурсных техник, дыхательных практик, техник рационально-эмоционально-поведенческой терапии, техник краткосрочной терапии и многих других. Представленные примеры подчеркивают широкий диапазон использования методик, направленных на работу с когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферой обратившихся за помощью, а также высокий уровень профессиональной компетентности работающих специалистов.

Однако при прохождении анкетирования психологи также отметили и разные трудности. Прежде всего, они касались ненормированного рабочего дня, отсутствие хорошо оборудованного рабочего места, высокой психоэмоциональной нагрузки и много другого. В этой связи знание возрастных особенностей обращающихся за помощью, компетентность работающих психологов и высокий уровень организации условий работы трудно переоценить.

Выводы. Проведенное исследование касалось особенностей оказания психологической помощи вынужденным переселенцам в пунктах временного размещения на приграничных территориях РФ и позволяет сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, выявленные количественные различия в типах запроса каждой категории обратившихся людей требуют различной формы работы специалистов – во временном и содержательном отношении. Поэтому предложения по совершенствованию и оптимизации организации оказания психологической помощи должны стоять на первом месте. Прежде всего, они (предложения) должны касаться наличия конкретного и постоянного рабочего места, увеличения числа специалистов, а также организации обучающих семинаров и курсов повышения квалификации в целях оказания квалифицированной кризисной психологической помощи вынужденным переселенцам, и иным категориям граждан, находящимся в кризисном состоянии. Во-вторых, анализ результатов проведенного анкетирования позволяет сформулировать ряд предложений по оказанию психологической помощи психологами в ПВР, включающих организацию многопрофильных бригад, нормализацию их рабочего графика и нагрузки, оказание научно-методической и супервизорской поддержки специалистов по работе с кризисными состояниями. В-третьих, в целях поддержания высокого качества работы, сменяемости и преемственности, профилактики выгорания специалистов и распределения нагрузки, к работе в мобильном ПВР рекомендуется привлекать кризисных психологов региона, а также специалистов из Федерального реестра кризисных психологов, студентов пси-

психологических факультетов ВУЗов, волонтеров-психологов. В случае привлечения педагогов-психологов (психологов в сфере образования) к работе в ПВР, следует перераспределять задачи по основному месту работы, учитывая повышенную эмоциональную и психологическую нагрузку, связанную с оказанием экстренной психологической помощи.

Список литературы:

1. Зиновьева М.В. Психолого-медико-социальное сопровождение эмоционального состояния детей и подростков в постэкстремальный период: Методические рекомендации. М.: ООО «АЛВИАН», 2007.
2. Точиева М.М. Психическое развитие детей в условиях палаточных лагерей временного проживания: диссертация ... кандидата псих. наук. СПб, ГОУВПО РГПУ, 2008.
3. Фурса С. М., Дацко О.В. Психологические проблемы детей из семей мигрантов // Молодой ученый. 2016. № 11 (115). С. 1795-1797.

References:

1. Zinovieva M.V. Psychological, medical and social support of the emotional state of children and adolescents in the post-extreme period: Methodological recommendations. M.: LLC "ALVIAN", 2007.
2. Tochieva M.M. Mental development of children in the conditions of tent camps of temporary residence: dissertation ... the candidate is crazy.
3. Fursa S.M., Datsko O.V. Psychological problems of children from migrant families // Young Scientist. 2016. № 11 (115). pp. 1795-1797.

Кукина Юлия Евгеньевна,

НАО «Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова» (Казахстан), ассоциированный профессор, кандидат психологических наук
e-mail: ta-1@list.ru

Kukina Yulia Evgenievna,

NAO «Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University» (Kazakhstan), Associate Professor, Ph.D

**ИНКЛЮЗИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕДАГОГА КАК УСЛОВИЕ
БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ**

**INCLUSIVE COMPETENCE OF A TEACHER AS A CONDITION FOR THE SAFETY OF
THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT**

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты развития у педагогов инклюзивной компетентности, как необходимого условия создания безопасной образовательной среды. Раскрыто содержание инклюзивной компетентности современного педагога. Показаны уровни развития инклюзивной компетентности.

Ключевые слова: «образование для всех», инклюзивное образование, компетентность, дети с особыми образовательными потребностями, безопасность образовательной среды.

Abstract. The article discusses aspects of the development of inclusive competence among teachers as a necessary condition for creating a safe educational environment. The content of inclusive competence of a modern teacher is revealed. The levels of development of inclusive competence are shown.

Keywords: «education for all», inclusive education, competence, children with special educational needs, safety of the educational environment.

В современном обществе одним из ведущих принципов образовательной политики становится принцип «образование для всех». Основным постулатом гласит: «Предоставление образовательных услуг каждому, вне зависимости от особенностей его развития, выявленных или предполагаемых недостатков, адаптации и положения в обществе». «Образование для всех» требует от государства распространения и развития инклюзивного образования, а от педагога – безоговорочного принятия ребенка с особыми образовательными потребностями, способствование его безболезненному включению в учебно-воспитательный процесс и организацию соответствующих образовательных условий.

Любые требования по созданию инклюзивной образовательной среды предъявляются именно педагогу, который должен подстроить или перестроить свою профессиональную деятельность, до этого ориентированную на работу с нормотипичными детьми. Наиболее гармоничным и для педагога, и для ребенка с особыми образовательными потребностями становится формирование безопасной образовательной среды, которая напрямую в данном случае зависит от уровня развития инклюзивной компетенции педагога [2].

Безопасная образовательная среда – это та реальность, создаваемая в рамках организации образования, которая содержит условия для формирования личности, включая социально-психологическое воздействие и пространственно-предметное окружение. Это среда, чья психологическая составляющая в позитивном ключе раскрывает личность и удовлетворяет ее потребности, не подавляет и не отвращает от социальных процессов.

Создание благоприятной безопасной среды для ребенка с особыми образовательными потребностями требует от педагога наличия таких профессиональных особенностей, как:

- готовность принять разных детей, вне зависимости от учебных возможностей, особенностей поведения, перспектив дальнейшего развития;
- знание и понимание социальной ситуации и специфики развития ребенка с особыми образовательными потребностями;
- умения и навыки организации психологически комфортной и толерантной среды, совместной и самостоятельной деятельности школьников, ситуаций взаимопомощи и взаимоподдержки;
- умение планировать, реализовывать и анализировать образовательную работу с учетом специфики жизнедеятельности и функционирования психических процессов, протекания психических состояний детей с особыми образовательными потребностями и, при необходимости, вносить коррективы в уже реализуемые образовательные задачи;
- владение технологиями психолого-педагогического просвещения родителей и/или законных представителей детей и широкой общественности; умение выстраивать партнерское взаимодействие с родителями (для решения образовательных и воспитательных задач), с социальными службами (для организации помощи и поддержки), с медицинскими учреждениями (для рассмотрения вопросов физического здоровья и др.).

Все вышеперечисленное и составляет инклюзивную компетентность педагога.

Представление об «инклюзивной компетентности» в своих работах подробно разрабатывает И.Н. Хафизуллина. По ее мнению, «инклюзивная компетентность – это интегративное личностное образование, обуславливающее способность осуществлять профессиональные функции в процессе инклюзивного обучения, учитывая разные образовательные потребности учащихся и обеспечивая включение ребёнка с ограниченными возможностями здоровья в среду общеобразовательного учреждения, создавая условия для его развития и саморазвития» [3, С. 84].

Можно говорить о том, что в структуру инклюзивной компетентности входят такие содержательные компоненты, как мотивационный (зачем?), когнитивный (как?), рефлексивный (что получилось?).

Опыт взаимодействия с педагогами общеобразовательных школ показывает, что современный педагог имеет различный уровень развития инклюзивной компетентности – от поверхностного (смутного) понимания своих задач в реализации инклюзивного образования до глубокого осознания протекающих процессов и направлений необходимой перестройки деятельности как организации образования в целом, так и собственных профессиональных знаний, умений и навыков.

Можно обозначить четыре уровня по степени развития инклюзивной компетентности:

1. Нулевой уровень. «Не готов. Не знаю. Не хочу. Не приемлю для себя». Отсутствие знаний в области инклюзивного образования и отрицание для себя возможности преподавания детям с ООП. Ссылаются на результативность традиционных форм обучения и отрицательное влияние совместного обучения детей с особыми образовательными потребностями и детей с нормотипичным развитием.

2. Низкий уровень. «Могу, но не хватает навыков. Не понимаю и не принимаю». Отсутствие опыта решения профессиональных задач в процессе инклюзивного обучения, как вариант – отказ от работы в условиях инклюзивного образования. Непринятие возможности совместного обучения детей с ООП и детей с нормотипичным развитием. Невозможность опоры на ценности инклюзивного образования в практической педагогической деятельности.

3. Средний уровень. «Принимаю, сомневаюсь, пытаюсь». Формальное принятие ценностей инклюзивного образования. Отсутствие полной убеждённости в целесообразности инклюзивного образования как эффективной модели обучения всех детей. Наличие системы знаний об организации познавательной деятельности и небольшого опыта решения конкретных профессиональных задач, необходимых для осуществления инклюзивного обучения.

4. Высокий уровень. «Понимаю, принимаю и практикую». Понимание целесообразности и необходимости совместного обучения детей с особыми образовательными потребностями и детей с норматипичным развитием; отношение к нарушению развития как проявлению индивидуальности; понимание воз-

возможности развития каждого ребёнка при адекватной организации учебного процесса в условиях инклюзивного образования.

С точки зрения безопасности образовательной среды для участников учебно-воспитательного процесса, наиболее безопасными становятся педагоги с нулевым и высоким уровнем. Первые – детей с особыми образовательными потребностями обучать не возьмутся, соответственно, не будут менять систему обучения и оставят все как было до возникновения вопроса об инклюзивном образовании. Вторые – ответственно отнесутся к созданию безопасной инклюзивной среды и поменяют ее сообразно требованиям и собственным знаниям, умениям и навыкам.

Педагогам с низким и средним уровнем развития инклюзивной компетенции может не хватить навыков для создания безопасной образовательной среды для детей с особыми образовательными потребностями, в силу нехватки знаний и профессионального опыта.

Формирование инклюзивной компетенции может происходить как в процессе получения профессионального педагогического образования, так и в процессе повышения квалификации педагогических работников. Соответственно, задача современного высшего и дополнительного профессионального образования – это формирование инклюзивной компетентности и подготовка педагогов к выполнению профессиональных задач в рамках инклюзивного образования.

Среди педагогических условий, способствующих успешному формированию инклюзивной компетентности будущих учителей в процессе профессиональной подготовки, выделяют: применение технологии контекстного обучения, использование потенциала содержания педагогических дисциплин для формирования положительной мотивации к осуществлению инклюзивного обучения, приобретения знаний об особенностях развития, обучения и воспитания разных категорий детей с особыми образовательными потребностями и о специфике профессиональной деятельности учителя общеобразовательной школы в условиях инклюзивного образования; включение в содержание обучения будущих учителей спецкурса по специфике инклюзивного обучения; обеспечение преемственности этапов реализации модели формирования инклюзивной компетентности будущих учителей, развитие и применение сформированных ключевых компетентностей в практической деятельности студентов [1, С. 89].

Анализ практики свидетельствует, что следует уделить большое внимание формированию инклюзивной компетентности работающих педагогов, так как инклюзивное образование все шире внедряется в практику организаций образования, а работающие учителя не обладают высоким уровнем её развития. В этой связи представляется целесообразным включение уже сегодня в программы курсов повышения квалификации ряда занятий для отработки данной компетенции.

Кроме этого, педагоги общеобразовательных школ нуждаются в специализированной консультативной помощи со стороны специалистов специальной

педагогике, что обеспечит понимание и реализацию индивидуальных подходов обучения детей с особыми образовательными потребностями. В этой связи большое внимание уделяется организации Ресурсных центров, работы кабинетов психолого-педагогической коррекции.

Исключительно важным при организации обучения является создание условий для формирования у студентов и слушателей курсов повышения квалификации ценностного отношения к профессиональной деятельности в условиях инклюзивного образования детей с особыми образовательными потребностями. Педагог должен осознать свою деятельность как миссию, ответить на вопросы «зачем?», «почему?», «с какой целью я это делаю?».

Необходимо широко формировать толерантность и приверженность принципам инклюзивной практики, таким как: соблюдение интересов ребёнка; системность и доступность, непрерывность; вариативность; принцип интегрированности в общую образовательную среду; принцип взаимодействия с социальными партнёрами; принцип создания ситуации успеха; гуманность; реалистичность; адекватность; вариативность; адаптивность; последовательность; рекомендательный характер оказания помощи.

Высокий уровень развития инклюзивной компетентности педагогов позволит им эффективно осуществлять профессиональную деятельность, обеспечивая включение в безопасную образовательную среду общеобразовательной школы не только детей с особыми образовательными потребностями, но и другие категории детей, испытывающих трудности в обучении.

Список литературы:

1. Алехина С.В., Алексеева М.А., Агафонова Е.Л. Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного процесса в образовании // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. С. 83-92.

2. Березина Т.Н., Литвинова А.В., Кошелева С.Н. Психолого-педагогическая безопасность виртуальных игр, рекомендуемых для младших школьников // Перспективы науки и образования. 2022. № 3 (57). С. 565-581.

3. Хафизуллина И.Н. Формирование профессиональной компетентности педагога общеобразовательной школы в работе с детьми с особыми образовательными потребностями // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2007. Т. 13. № 1. С. 83-88.

References:

1. Alyokhina S.V., Alekseeva M.A., Agafonova E.L. Readiness of teachers as the main factor of success of the inclusive process in education // Psychological science and education. 2011. № 1. pp. 83-92.

2. Berezina T.N., Litvinova A.V., Kosheleva S.N. Psychological and pedagogical safety of virtual games recommended for younger schoolchildren // Prospects of science and education. 2022. № 3 (57). pp. 565-581.

3. Khafizullina I.N. Formation of professional competence of a teacher of a secondary school in working with children with special educational needs // Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenile studies. Sociokinetics. 2007. Vol. 13. № 1. pp. 83-88.

Марьин Михаил Иванович,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, доктор психологических наук, профессор
e-mail: marin_misha@mail.ru

Maryin Mikhail Ivanovich,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Professor of the Department of scientific foundations of extreme psychology, Doctor of Psychological Sciences, Professor

НАУЧНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ»: ФОРМИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

SCIENTIFIC SPECIALTY «LEGAL PSYCHOLOGY AND SECURITY PSYCHOLOGY»: FORMATION AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Аннотация. В статье анализируется паспорт новой научной специальности 5.3.9 «Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки)», обосновывается необходимость и целесообразность создания диссертационного совета по этой специальности, расширяющего возможность качественной и полноценной подготовки научных исследований, что, несомненно, внесет весомый вклад развитие современной юридической психологии и психологии безопасности.

Ключевые слова: юридическая психология, психология безопасности, чрезвычайные ситуации, безопасность в образовании, диссертационный совет.

Abstract. The article analyzes the passport of the new scientific specialty 5.3.9 «Legal psychology and security psychology (psychological sciences)», substantiates the necessity and expediency of creating a dissertation council in this specialty, expanding the possibility of high-quality and full-fledged preparation of scientific research, which will undoubtedly make a significant contribution to the development of modern legal psychology and security psychology.

Keywords: legal psychology, safety psychology, emergencies, safety in education, dissertation council.

Диссертационный совет Д 999.035.02, созданный на базе федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» и федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный психолого-педагогический университет», эффективно осуществлял свою деятельность с 2009 года. Он стал преемником диссертационного совета Академии МВД России, в котором с 1976 года защищено более 300 докторских и кандидатских диссертаций.

С 2009 года с момента создания объединенный диссертационный совет проводил активную работу по экспертизе диссертационных исследований, выполненных аспирантами, адъюнктами, соискателями научных степеней различных ведомств, научных и научно-педагогических учреждений Российской Федерации: Министерства внутренних дел Российской Федерации;

Министерства здравоохранения Российской Федерации; Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации; Федеральной службы безопасности Российской Федерации; Министерства науки и высшего образования Российской Федерации; Министерства просвещения Российской Федерации и др.

В результате выполненной работы в объединенном диссертационном совете со дня его формирования (2009) защищены 53 диссертаций, из них – 6 докторских и 47 кандидатских. Это стало возможным благодаря тому, что на базе Московского государственного психолого-педагогического университета создана институциональная основа научных исследований в предметной области; сформированы общепризнанные и ведущие в стране научные психологические школы. Сложилась преемственность научных поколений, поскольку основатели, ведущие представители психологической науки, работавшие в МГППУ, оказали влияние на развитие научных и практических исследований в образовательных и научных организациях Российской Федерации, ряде зарубежных стран, в правореализационной системе исполнительной власти на территории Российской Федерации.

Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 февраля 2021 года № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, внесении изменений в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук» (приказ Минобрнауки России от 10.11.2017 № 1093) утверждена новая номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени [1, 2]. Разработаны и утверждены паспорта новых укрупненных научных специальностей, которых стало 350 вместо 450. Иначе говоря, сокращение произошло сразу на 100 научных специальностей.

Паспорт научной специальности 5.3.9 «Юридическая психология и психология безопасности», включает следующие основные направления исследований:

- изучение психологических особенностей правоотношений, складывающихся в правотворческой и правореализационной деятельности;
- исследование взаимоотношений участников уголовного, гражданского и административного судопроизводства; мотивации, стимулирования, совершенствования профессиональной деятельности субъектов в области обеспечения прав и свобод человека, в области обеспечения деятельности общественных организаций и граждан, в области обеспечения правопорядка, жизнедеятельности человека в изменяющихся социально-политических, экстремальных и опасных ситуациях;
- изучение закономерностей воздействия чрезвычайных ситуаций на психику населения и пострадавших; исследование особенностей применения технологий и средств для предотвращения и минимизации психологических последствий ЧС;
- разработка психологических программ, направленных на обеспечение деятельности по поддержанию общественного порядка, общественной, информационной и личной безопасности граждан;

- исследования в области психологии безопасного поведения и деятельности субъектов образовательных отношений, направленных на изучение психологических условий обеспечения защищенности сознания и психики субъектов от рисков и угроз образовательной среды, разработку методов и технологий безопасного развития личности в образовательной среде.

При этом основными научными проблемами юридической психологии и психологии безопасности являются такие проблемы, как: юридическая психология в системе научных отраслей знания, история развития юридической психологии; криминальная психология; судебная психология; пенитенциарная психология; психология профессиональной деятельности в правореализационной системе; психология чрезвычайных ситуаций; психология безопасности специалистов правореализационной деятельности в экстремальных условиях деятельности и психологическая безопасность личности в образовании, три последние из которых для юридической психологии являются новыми.

Относительно исследований проблем психологической безопасности личности в образовании, важно отметить, что эта проблема, являясь достаточно новой, одновременно весьма перспективной при изучении современных реалий психологического обеспечения безопасности личности в системе образования. Здесь важным представляются систематизация и классификация рисков и угроз безопасности личности в образовательных средах и психологическое обеспечение безопасности личности в условиях образовательной среды.

К числу приоритетных относятся такие проблемы, как разработка теории и методологии исследования проблем безопасности (психологическая, социально-психологическая, информационно-психологическая и др.) личности в системе образования; методология, принципы, средства и методы психологической помощи в случаях нарушений безопасности личности в образовательной среде; методы и техники профилактики рисков и угроз безопасности личности в различных образовательных средах, а также психология экспертизы рисков и угроз нарушения безопасности личности в различных образовательных средах.

Своевременным является включение в паспорт научной специальности 5.3.9 исследования проблем психологии чрезвычайных ситуаций, обеспечения психологической безопасности личности, коллектива и социума в чрезвычайных ситуациях природного, техногенного, социального характера. Безусловно, исследование проблем психотравмирующих воздействий условий экстремальных ситуаций на психическую сферу личности с переходом на формы и методы работы по оказанию экстренной психологической помощи являются актуальными как в научном, так и практическом аспектах для решения прикладных задач современности. Такое же важное значение имеет решение научных проблем психологического обеспечения населения в чрезвычайных ситуациях, в том числе социально-кризисного характера (терроризм, эпидемии, межнациональные, этнические, локальные и вооруженные конфликты) с учетом кросскультурных особенностей психологической безопасности личности и общества, обусловленных национальным менталитетом и культурой.

Особым образом выделяются проблемы психологии безопасности специалистов правореализационной деятельности в экстремальных условиях, психо-

логического противодействия опасностям и рискам в профессиональной деятельности, психологической защищенности от деструктивных влияний. Следует выделить проблему психологии рисков информационного пространства, деструктивного информационно-психологического воздействия, обеспечения безопасности информационного пространства в интересах сохранения жизни и здоровья граждан в изменяющихся социально-политических, экстремальных и опасных условиях жизнедеятельности.

В свете изложенного следует подчеркнуть, что Московский государственный психолого-педагогический университет имеет достижения на направлениях исследований в области юридической психологии и психологии безопасности, причем таких, как:

- проблемы общей и правовой социализации личности;
- психологические подходы к пониманию причин преступности, в том числе исследованию индивидуально-психологических характеристик преступников, психологических особенностей группового преступного поведения, рецидивной и женской преступности, психологических проблем организованной преступности и терроризма;
- концептуальные научно-теоретические и прикладные основы профилактики различных форм криминального поведения, психологическим проблемам детей, подростков и их семей в юридически значимом контексте;
- вопросы клинической и судебной психологии, комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в уголовном и гражданском процессе; психологическим аспектам оценки общественной опасности и профилактики общественно опасных действий у лиц с психической патологией;
- методология и методика профессиональной деятельности психолога как специалиста в различных процессуальных действиях;
- психологические аспекты исполнения наказаний в отношении различных категорий осужденных, прогнозированию и предупреждению негативных явлений в местах лишения свободы, психологии виктимного поведения, программам исправления и ресоциализации осужденных;
- вопросы психологического обеспечения и сопровождения оперативно-служебной деятельности сотрудников правоохранительной системы;
- психологические аспекты профессиональной деятельности представителей юридических специальностей, а также юридических процедур;
- вопросы профессиональной подготовки специалистов в области юридической психологии;
- разработка моделей различных видов деятельности с включением в них психологов.

Качество и высокий уровень проводимых научных исследований неоднократно подтверждались РАН, РАО, Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством просвещения Российской Федерации.

Научная школа «Юридическая психология» зародилась на методолого-теоретической платформе научных исследований А.А. Леонтьева, М.М. Кочетова, М.Г. Ярошевского, А.В. Петровского, Л.Б. Филонова, А.Р. Ратинова, А.В. Дулова, И.К. Шахриманяна, А.Г. Ковалева,

А.Д. Глоточкина, В.Ф. Пирожкова, В.И. Черненилова, А.Ф. Пирожкова, Ф.С. Сафуанова, Е.Г. Дозорцевой, В.М. Позднякова и др.

Наиболее перспективным направлением исследований в данной сфере является изучение личностных и групповых психологических явлений, которые отражают изменения в социально-правовой сфере общества, будут способствовать разработке практических рекомендаций по повышению эффективности деятельности сотрудников, осуществляющих служебную деятельность в силовых и правоохранительных ведомствах Российской Федерации.

Сегодня в рамках заложенных традиций и запросов практики на кафедрах и факультетах МГППУ разрабатываются технологические основы правомерного психологического воздействия, судебно-психологической экспертизы, психологического мониторинга и прогнозирования, психологической помощи при осуществлении юридической деятельности.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный психолого-педагогический университет» является ведущим научным учреждением, удовлетворяющим потребность в квалифицированных кадрах организаций, подведомственных Министерству просвещения Российской Федерации, Министерству образования и науки Российской Федерации, Министерству внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службе безопасности Российской Федерации, Федеральной службе исполнения наказаний Российской Федерации, Министерству здравоохранения Российской Федерации, Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации:

- психологов, работающих в психологических службах ведомств, обеспечивающих психологическое сопровождение сотрудников, работников, обучающихся, школьников, в том числе группах риска, и способствующих внедрению в психологическую практику новых стандартов;

- психологов, проводящих диагностическую, консультативную и коррекционно-развивающую работу в центрах психологической помощи и образовательных учреждениях;

- преподавателей психологии в вузах, в системе повышения квалификации и профессиональной переподготовки, организующих научно-исследовательскую работу с бакалаврами, магистрантами и аспирантами.

МГППУ успешно прошла государственную и общественную профессиональную аккредитацию, имеет лицензию на право ведения образовательной деятельности в сфере высшего профессионального и дополнительного образования, в том числе на подготовку кадров по программам подготовки научно-педагогических и научных кадров для всех образовательных организаций систем и ведомств Российской Федерации.

Таким образом, с учетом имеющегося кадрового потенциала очевидной является необходимость создания в МГППУ диссертационного совета в конфигурации укрупненных, новых научных специальностей, поскольку вуз способен обеспечить подготовку и государственную аттестацию научных и научно-педагогических работников высшей квалификации по научной специальности 5.3.9 «Юридическая психология и психология безопасности (психологические

науки)». Открытие диссертационного совета по научной специальности 5.3.9 «Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки)» расширит возможность качественной и полноценной подготовки научных исследований, что, несомненно, внесет весомый вклад развитие современной юридической психологии и психологии безопасности.

Список литературы:

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 24.02.2021 № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, внесении изменений в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук» (приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 10.11.2017 № 1093)».

2. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 10.11.2017 №1093.

References:

1. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of February 24, 2021 № 118 «On approval of the nomenclature of scientific specialties by which degrees are awarded, amendments to the Regulation on the Council on defending dissertations for the degrees of candidate and doctor of sciences» (Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of November 10, 2017 № 1093)».

2. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of November 10, 2017 № 1093.

Секция 1. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников силовых структур и правоохранительных органов

Анцибор Юлия Анатольевна,

ФГКОУ «Московское суворовское военное училище»
(г. Москва, Россия), заведующий отделом воспитательной работы, кандидат психологических наук
e-mail: antsibor-yulia@mail.ru

Anikeeva Natalya Viktorovna,

FGKOU «Moscow Suvorov Military School» (Moscow, Russia), head of the department of educational work, Ph.D

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ПО ПОВЫШЕНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ СУВОРОВСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF EDUCATORS TO IMPROVE THE PSYCHOLOGICAL STABILITY OF STUDENTS OF THE SUVOROV MILITARY SCHOOL

Аннотация. Специфика довузовских общеобразовательных учреждений накладывает свой отпечаток на формы и методы работы воспитателей по оказанию помощи обучающимся по преодолению возникающих трудностей и развитию личностного адаптационного потенциала. В связи с чем одной из важнейших задач в работе воспитателей суворовского военного училища является повышение психологической устойчивости воспитанников на всем протяжении их обучения в училище.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, довузовские образовательные организации, воспитатель, суворовец, адаптация, силовые структуры, личность.

Abstract. The specificity of pre-university educational institutions leaves its mark on the forms and methods of work of educators to assist students in overcoming difficulties and developing personal adaptive potential. In this connection, one of the most important tasks in the work of educators at the Suvorov Military School is to increase the psychological stability of pupils throughout their education at the school.

Keywords: psychological stability, pre-university educational organizations, educator, student of Suvorov, adaptation, power structures, personality.

В современном быстроменяющемся мире люди все чаще сталкиваются с критическими, трудными жизненными ситуациями, негативными факторами внешней среды и окружающего их социума. Наиболее уязвимыми в этом плане являются подростки с неокрепшей психикой и не до конца сформированными морально-этическими принципами. В связи с этим вопросы воспитания подрастающего поколения и формирования у них практических навыков, необходимых для будущей жизни, способности противостоять стрессовым ситуациям становятся все более актуальными.

Анализ публикаций свидетельствует, что в последнее десятилетие возрастает интерес к развитию системы довузовской подготовки будущих офицеров Российской Армии, в которую входят более трех десятков организаций: президентские кадетские училища, суворовские военные училища, кадетские корпуса и кадетские школы, где наравне с качественным образованием осуществляется

и формирование духовно-нравственных ценностей, необходимых активному гражданину и патриоту своей страны. Особенностью довузовских общеобразовательных учреждений является их закрытость и строго регламентированный распорядок дня, когда первая половина дня отводится на учебу, а вторая половина на внеурочную деятельность. Круглосуточно воспитанники находятся в однополном коллективе среди своих сверстников. Встречи с родителями ограничены, только в увольнениях и на каникулах. В остальное время воспитанием и обучением занимаются воспитатели, педагоги-психологи и преподаватели, закрепленные за учебным курсом. Обучение направлено на создание условий для всестороннего развития воспитанников, формирование у них компетенций, необходимых для будущей военно-профессиональной деятельности, подготовку к поступлению в военные вузы. Исходя из этого, вся деятельность воспитателей и педагогов училища направлена на реализацию мероприятий, обеспечивающих соответствие обучающихся модели выпускника суворовского военного училища, способного к самостоятельным поступкам и действиям, совершаемым на основе морального выбора, принятия ответственности за результат своей деятельности, целеустремленности и настойчивости в достижении поставленной цели [4, 7 и др.].

В суворовское военное училище воспитанники поступают в пятый класс в возрасте 10-11 лет. Данный возраст совпадает с началом психофизиологических и психических изменений, связанных с особенностями раннего подросткового возраста. С первых дней обучения воспитанникам необходимо научиться взаимодействовать в однополном коллективе, перестраиваться под строго регламентированный день, привыкать к условиям круглосуточного пребывания, где нет родителей. Погрузившись с первых дней в новую для них атмосферу, многие юные суворовцы начинают испытывать дискомфорт, который приводит к снижению внутренней мотивации и развитию тревожности на фоне стрессовой для них ситуации.

Преодолению возникающих трудностей способствует формирование у воспитанников умения управлять своим психическим состоянием, сохранять оптимальное функционирование организма на протяжении семи лет обучения. Определяющая роль в этом принадлежит выработке психологической устойчивости, как адаптивному потенциалу личности, обуславливающего его возможности в преодолении трудных ситуаций. Психологическая устойчивость не является врожденным свойством, а формируется одновременно с развитием личности и зависит от многих факторов, в первую очередь таких, как тип нервной деятельности, опыт, уровень подготовки, уровень развития основных познавательных структур личности [2].

Понятие «психологическая устойчивость» на протяжении многих лет является предметом исследования отечественной психологии. В современной науке вопросы психологической устойчивости рассматривались такими исследователями, как М.Н. Тышкова, С.А. Шувалова, М.М. Эркенова, В.В. Аршинова, С.А. Козлов, Л.В. Куликов и др. Так, М.Н. Тышкова рассматривает психологическую устойчивость во взаимодействии с интеллектуальным, эмоциональным развитием, зависящем от типа нервной системы [10].

Л.В. Куликов определяет психологическую устойчивость как качество личности, отдельными аспектами которого являются стойкость, уравновешенность и сопротивляемость [5]. Это качество позволяет личности противостоять жизненным трудностям, неблагоприятному давлению обстоятельств, сохранять здоровье и работоспособность в различных испытаниях. С данным подходом согласна М.М.Эркенова считающая, что в основе психологической устойчивости находятся две ключевые составляющие: во-первых, способность личности сохранять оптимальное психическое состояние при воздействии негативных факторов, и, во-вторых, способность поддерживать оптимальную работоспособность и эффективность деятельности в напряженных ситуациях [11].

И.В. Андреев приводит результаты психологических исследований, показывающие, что формирование устойчивости, как сложной системной характеристики личности проходит в онтогенезе несколько этапов. Он считает, что общая стрессоустойчивость формируется уже в детском возрасте в психофизиологическом, эмоциональном, когнитивном, поведенческом аспекте, а психологическая устойчивость формируется уже в подростковом возрасте, когда благодаря самосознанию закладывается устойчивый характер прообраза профессиональной деятельности [1].

Таким образом можно сделать вывод, что психологическая устойчивость является важной характеристикой личности, обеспечивающей сохранение оптимального функционирования психики к различным воздействиям социального окружения, а также к воздействиям межличностного взаимодействия, благодаря которой человек может выдерживать нагрузки, сохранять здоровье и работоспособность без негативных последствий для своего здоровья.

Учитывая, что воспитанники суворовских училищ планируют в будущем связать свою жизнь с профессией военного, формирование такого качества как психологическая устойчивость является одной из важнейших задач в ходе обучения в училище. С точки зрения военной психологии, психологическая устойчивость рассматривается как интегративное свойство личности военнослужащего, характеризующееся таким взаимодействием эмоциональных, волевых, интеллектуальных и мотивационных компонентов психической деятельности, которое обеспечивает успешное достижение цели в сложной обстановке современного боя [3].

Вопросы психологической устойчивости у представителей силовых структур рассматривались рядом исследователей: В.С. Елагина, И.Ю. Опаликова, А.И. Черлюнчакевич, Е.Ю. Косман, С.М. Струганов – у курсантов военных вузов и МЧС России; А.Г. Караяни, А.С. Чемезов, О.Р. Карабанова, Л.А. Китаев-Смык – у военнослужащих в различных видах обстановки; А.И. Адаев, А.В. Кокурин, И.О. Котенев, И.Б. Лебедев, С.М. Струганов – у сотрудников органов внутренних дел [8, 9 и др.]. Вместе с тем монографических исследований, посвященных формированию психологической устойчивости у воспитанников суворовских военных училищ не проводилось.

Формирование психологической устойчивости воспитанников имеет большое практическое значение, поскольку оберегает подростков от наруше-

ний психики и личностных расстройств, служит базисом внутренней гармонии, невосприимчивости к стрессу, полноценному психосоматическому здоровью, высокой работоспособности, что способствует успешной адаптации суворовцев и развитию внутренней мотивации к обучению. Психологическая устойчивость личности влияет на жизнестойкость воспитанника, его активность, здоровье и морально-психологическое состояние в целом.

Повышение психологической устойчивости суворовцев возможно через развитие личностного адаптационного потенциала, определяющего устойчивость человека и к экстремальным факторам. Согласно А.Г. Маклакову, личностный адаптационный потенциал включает в себя: нервно-психическую устойчивость, уровень развития которой обеспечивает толерантность к стрессу; самооценку личности, определяющую степень адекватности восприятия условий деятельности и своих возможностей; ощущение социальной поддержки, обуславливающее чувство собственной значимости для окружающих; уровень конфликтности личности; опыт социального общения [6].

Сегодня психологам и воспитателям в суворовском училище отводится большая роль в оказании психолого-педагогической помощи воспитанникам, испытывающим различные трудности психологической, либо социально-психологической природы, выявление и психопрофилактика таких трудностей. Главной задачей является правильный выбор необходимых форм, методов и средств воздействия для создания педагогических условий, обуславливающих формирование психологической устойчивости суворовцев. Поэтому деятельность воспитателей должна строиться на взаимосвязанных, последовательных действиях, направленных на достижение поставленных целей и задач посредством реализации системной работы с суворовцами. Структурно такая деятельность должна включать в себя ряд компонентов: коммуникативный, проектно-аналитический, организаторский.

Развитые коммуникативные способности воспитателя позволяют установить доверительные отношения с воспитанниками, что особенно важно в первые дни пребывания суворовцев в новых для них условиях. Особое внимание должно уделяться процессу адаптации, на котором воспитателю необходимо оценить внутреннее (психологическое) состояние каждого воспитанника и обеспечить всестороннюю поддержку на данном этапе. Совместно с педагогом-психологом проводятся диагностические исследования, направленные на определение психологического состояния воспитанников, по результатам которых разрабатываются индивидуальные маршруты. Основной формой работы воспитателя с суворовцами на данном этапе является поддерживающая беседа, основанная на доверии, уважении и взаимопонимании. Взаимодействие с родителями позволяет выявить наличие личных проблем у воспитанников, глубже понять особенности развития ребенка.

Анализируя результаты наблюдений, воспитатель осуществляет отбор информации, необходимой для проектирования не только будущей деятельности воспитанников, но и собственной деятельности, поведения в процессе дальнейшего взаимодействия с суворовцами с целью повышения их личностного адаптационного потенциала.

Используя организационный компонент, воспитатель определяет направления своей деятельности таким образом, чтобы они обеспечивали достижение поставленных задач. С этой целью на учебных курсах реализуются программы психолого-педагогической поддержки, включающие в себя групповые и индивидуальные формы работы с воспитанниками. Значительное внимание уделяется психокорректирующему групповому воздействию, направленному на развитие навыков саморегуляции и психологической устойчивости, обучение навыкам разрешения конфликтных ситуаций в коллективе.

Системная и планомерная работа по повышению психологической устойчивости воспитанников, проводимая на протяжении всего периода их обучения в училище, позволяет не только обеспечить успешную адаптацию и создать необходимые психологические условия для обучения, но и сформировать готовность будущих офицеров к выполнению поставленных задач в сложных, стрессовых ситуациях, принятию решений адекватных складывающейся обстановке, умению работать в команде.

Список литературы:

1. Андреев И.В. Формирование психологической устойчивости студентов к негативному влиянию Интернет-технологий: Дисс. ... канд. психол. наук. Н.-Новгород, 2008. 225 с.
2. Анцупов А.Я., Щипилов А.И. Словарь конфликтолога. М.: ЭКСМО, 2010. 656 с.
3. Военно-психологический словарь-справочник / Под общ. ред. Ю.П. Зинченко. М.: ИД Куприянова / Общество психологов силовых структур, 2010. 592 с.
4. Иванова М.В. Психологические условия развития предикторов социально-психологической адаптации воспитанников суворовского военного училища // Педагогическое образование в России. 2022. № 3. С. 191-197.
5. Куликов Л.В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики: учебное пособие. СПб.: Питер, 2004. 464 с.
6. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 16-24.
7. Петров В.Е., Сметанина Н.В. Актуальные проблемы совершенствования методов и форм психологического изучения обучающихся в довузовских образовательных учреждениях Минобороны России // Журнал гуманитарных наук. М.: НОУ ВПО МИГУП, 2018. № 19. С. 9-11.
8. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
9. Струганов С.М. Повышение уровня психологической устойчивости курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Наука-2020. 2021. № 2 (47). С. 29-34.
10. Тышкова М.Н. Исследование устойчивости личности детей и подростков в трудных ситуациях // Вопросы психологии. 1987. № 1. С. 27-34.
11. Эркенова М.М. Психологическая поддержка развития личностных особенностей младших подростков: монография. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2016. 221 с.

References:

1. Andreev I.V. Formation of psychological resistance of students to the negative impact of Internet technologies: Dissertation ... cand. psychological sciences. N.-Novgorod, 2008. 225 p.
2. Antsupov A.Ya., Shchipilov A.I. Dictionary of conflictologist. M.: EKSMO, 2010. 656 p.
3. Military psychological dictionary-reference / Under the general editorship of Yu.P. Zinchenko. M.: Kupriyanov's ID / Society of Psychologists of power structures, 2010. 592 p.

4. Ivanova M.V. Psychological conditions for the development of predictors of socio-psychological adaptation of pupils of the Suvorov military school // Pedagogical education in Russia. 2022. № 3. pp. 191-197.

5. Kulikov L.V. Psychohygiene personality. Questions of psychological stability and psychoprophylaxis: textbook. St. Petersburg: St. Petersburg, 2004. 464 p.

6. Maklakov A.G. Personal adaptive potential: its mobilization and forecasting in extreme conditions // Psychological Journal. 2001. Vol. 22. № 1. pp. 16-24.

7. Petrov V.E., Smetanina N.V. Actual problems of improving methods and forms of psychological study of students in pre-university educational institutions of the Ministry of Defense of Russia // Journal of Humanities. M.: KNOW VPO MIGUP, 2018. № 19. pp. 9-11.

8. Psychology of official activity: textbook and workshop for universities / A.V. Kokurin [et al.]; under the general editorship of A.V. Kokurin, V.E. Petrov, V.I. Ekimova, V.M. Pozdnyakov. M.: Yurayt Publishing House, 2020. 375 p.

9. Struganov S.M. Increasing the level of psychological stability of cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Nauka-2020. 2021. № 2 (47). pp. 29-34.

10. Tyshkova M.N. Study of the stability of the personality of children and adolescents in difficult situations // Questions of psychology. 1987. № 1. pp. 27-34.

11. Erkenova M.M. Psychological support for the development of personal characteristics of younger adolescents: monograph. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University, 2016. 221 p.

Арефьева Оксана Валентиновна,

Академия управления МВД России (г. Москва, Россия),
адъюнкт

e-mail: oksanalow@rambler.ru

Arefyeva Oksana Valentinovna,

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of
Russia (Moscow, Russia), adjunct

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕТОДОЛОГИИ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛЖИ

SOME ASPECTS OF THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE METHODOLOGY FOR DETECTING LIES

Аннотация. Проблема диагностики лжи существует уже не одно тысячелетие. Однако, не смотря на активное изучение этой проблемы исследователями различных областей науки, она продолжает существовать и требует новых подходов в ее решении. Статья посвящена изучению и сравнительному анализу методов диагностики лжи с целью нахождения наиболее эффективного, приводящего к качественному результату, столь необходимому в процессе отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: ложь; диагностика лжи; выявление скрываемой информации; не инструментальные и инструментальные методы диагностики лжи; специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа.

Abstract. The problem of lie diagnosis has been around for thousands of years. However, despite the active study of this problem by researchers in various fields of science, it continues to exist and requires new approaches to its solution. The article is devoted to the study and comparative analysis of methods of lie diagnostics in order to find the most effective, leading to a qualitative result, so necessary in the process of selecting candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation.

Keywords: lies; lie diagnostics; detection of hidden information; non-instrumental and instrumental methods of lie diagnostics; special psychophysiological examination using a polygraph.

Для познания, понимания и реализации методов распознавания лжи необходимо обратиться к истории изучения феномена лжи как такового. Анализируя подходы исследователей различных областей науки к определению лжи, можно констатировать, что, в контексте проведения специального психофизиологического исследования с использованием полиграфа, ложь проявляется в межличностном взаимодействии чаще в сокрытии достоверной информации, является осознанным действием субъекта лжи, имеет целью получение желаемого путем умышленного введения в заблуждение принимающего информацию лица. Положительные результаты реализации лжи могут привести к крайне негативным последствиям, например, в рамках расследования преступлений виновный может не понести должного наказания, а в рамках кадрового отбора может быть принят кандидат, не соответствующий предъявляемым к профессии требованиям. В связи с этим возникает необходимость в разработке качественных и эффективных методов распознавания лжи.

Попытки решения данной проблемы уходят корнями в далекое прошлое. Еще в средние века для установления истины и одновременно вынесения наказания за совершенное преступление прибегали к ордалиям. Отличительной чертой Божьих судов был тот факт, что обвиняемый по собственному желанию соглашался к этой жесткой проверке, так как был уверен, что Бог обязательно вмешается в происходящее и поможет установить истину. Так, например, считалось, если через три дня заживет рука подозреваемого, державшего раскаленное железо, значит он не виновен в инкриминируемом ему преступлении. Так же, если погружаемый в холодную воду ответчик начинал тонуть, он оправдывался. Таким образом, следы судебных испытаний специфично повествовали о виновности или невиновности подвергшегося пыткам.

Выдающийся российский историк Н.М. Карамзин так повествовал об ордалиях: «Ум здравый и самая Вера истинная долго не могли истребить сего устава языческих времен, и Христианские Пастыри торжественно освящали железо и воду для испытания добродетели или злодейства не только простых граждан, но и самых Государей в случае клеветы или важного подозрения. Народ думал, что Богу легко сделать чудо для спасения невинного; но хитрость судей пристрастных могла обманывать зрителей и спасать виновных» [3].

Помимо ордалий не менее жестокие методы проверки истинности сообщений имели место в истории диагностики лжи. Так, например, подозреваемого погружали в холодную воду с головой на продолжительное время, т.к. считалось, если человек оставался жив, значит он не виновен, однако часто люди просто захлебывались. Не менее жестокий способ распознавания лжи использовали в Спарте, когда на краю обрыва молодого человека спрашивали, не боится ли он упасть вниз. Если при отрицательном ответе молодой человек бледнел, считалось, что он не в состоянии скрыть обман и его сталкивали с обрыва. Такая процедура была необходима для качественного отбора бойцов, которые, по мнению спартанцев, в экстремальной ситуации должны сохранять самооб-

ладание [цит. по 2]. Следуя такому же принципу, в Древнем Риме проходил отбор телохранителей. Кандидатам задавали провокационные вопросы, и, если они бледнели, им отказывали в работе.

Следует отметить, что, люди еще с древних времен обнаружили связь между физическими и эмоциональными процессами. Следуя этому умозаключению в Древнем Китае подозреваемому в совершении преступления помещали в рот сухой рис, с которым он выслушивал обвинение. Считалось, что из-за страха быть разоблаченным организм переставал вырабатывать слюну, и рис оставался сухим, следовательно, человек признавался виновным. В Испании в рот подозреваемого помещали хлеб, который при невиновности человека должен быть съеден без усилий. В Древней Индии подозреваемый в совершении преступления в ответ на слова, связанные с преступлением должен был ответить словом, первым пришедшим в голову и вместе с тем ударять в гонг. Если удар был мощным на значимое слово, то человек признавался виновным. В Африке подозреваемые в совершении преступления передавали друг другу птичье яйцо, и, тот, кто его раздавит, признавался виновным, так как, считалось, что при появлении страха разоблачения появляется излишнее напряжение мышц.

Таким образом, не трудно заметить, что древние методы диагностики лжи строились преимущественно на наблюдении за поведением человека, его мимикой, психофизиологическими процессами, происходящими в организме, и эмоциями у подвергшегося испытанию. Это послужило основой для дальнейших исследований в направлении совершенствования методов диагностики обмана и, в частности, аппаратной регистрации психофизиологических процессов. Такая регистрация на современном этапе осуществляется либо с помощью разных специальных датчиков, либо с использованием собственных знаний и навыков профессионалов диагностики лжи по невербальным и вербальным признакам поведения.

Сегодня достаточно большой пласт исследований приходится на не инструментальные методы выявления ложности сообщаемой информации. Основоположником исследований невербального поведения признан американский психолог Пол Экман, который выявил мимические индикаторы лжи, являющиеся следствием поведения человека, испытывающего определенные эмоции. Совместно с Уоллесом Фризенем он создал систему кодирования лицевых движений (FACS), применяющуюся специалистами с целью установления эмоционального состояния респондента в определенный период времени [8]. Над проблемой диагностики лжи по вербальным каналам работал Олдерт Фрай, установивший, что речь, отражающая реальные события отличается от речи, воспроизводящей вымышленные события [6]. Так же Марсия Джонсон и Кэрол Рэйи, исследователи Хёфер, Эйкхерст и Метцгер публиковали свои результаты, относившиеся к изучению особенностей памяти при воспроизведении информации.

Личную систему оценки вербального интервью на предмет правдивости показаний при опросе свидетелей (FAINT), с помощью которой можно установить меру причастности допрашиваемого к произошедшему событию, разрабо-

тал американский полиграфолог Nathan J. Gordon [цит. по 5, С. 55]. Особенности функционирования памяти были изучены американскими психологами Ронам Фишером и Эдом Гизельманом, заключившими, что возможность активировать память представляется путем применения определенного алгоритма, в результате чего процесс активации происходит у правдивого реципиента, а обратный процесс – у лживого. Данный метод получил название когнитивного интервью.

В современной научной литературе имеют место исследования, направленные на диагностику лжи, основанной на изучении телодвижений человека (Д. Моррис), ряд авторов сконцентрировали свое внимание на изучении особенностей личности человека, указывающих на склонность ко лжи (Ф. Зимбардо, К. Леонгард, В.Т. Кондрашенко, И.А. Церковная, В.М. Девишвили, А.В. Белинский, М.О. Мдивани и др.).

Инструментальные методы диагностики лжи являются более современными и постоянно совершенствующимися. Так, английский писатель Даниэль Дефо в XVIII веке отметил, что «Вина всегда сопровождается страхом и дрожит в крови вора» [7, С. 12]. Эта констатация факта стала в последующем отправной точкой в создании метода выявления лжи посредством контроля пульса. Последователем исследований в этом направлении стал А. Моссо, разработавший гидроплетизмограф, прообраз современного полиграфа, а итальянский криминалист Ч. Ломброзо, использовав этот прибор в расследовании преступления, смог продемонстрировать эффективность метода. Позже появились иные методологические подходы к распознаванию лжи.

В настоящее время достаточно активно применяется метод электроэнцефалографических исследований, разработанный учеными института имени П.К. Анохина, определяющий ложь на основании различных колебаний головного мозга при предъявлении визуальных стимулов. Метод термографии, разработанный зарубежными учеными (М.С. Панасити, Э.Ф. Павоне, А. Мерла и С.М. Аглиоти), позволяет выявить ложность информации на основе измерения температуры различных частей тела.

Немало методов распознавания лжи на современном этапе разработано с помощью программного обеспечения, обсчитывающего реакции испытуемого. Так, исследования движений зрачков глаз с целью выявления ложности сообщаемой информации были проведены российскими и зарубежными учеными, которые установили, что при выборе ложного ответа, сформулированного на мониторе, у лица, проходящего исследование, наблюдается глазодвигательная активность по причине повышения когнитивной нагрузки [9].

Первооткрывателями многочисленных исследований, направленных на выявление лжи посредством проведения анализа голоса, были американские специалисты, считавшие, что при ложном ответе у опрашиваемого лица наблюдается изменение голоса по причине возникающего стресса. Сравнительно недавно российскими инженерами разработан прибор, выявляющий отклонения в работе нервной системы, - треморограф, который планировался использоваться в медицинских целях. Однако по результатам исследований, направленных на изучение лжи путем регистрации тремора, ученые пришли к выводу, что, ис-

пользуя эту физиологическую особенность человека, на базе треморографа возможно создать прибор, определяющий обман.

Особое внимание следует уделить, внедряющемуся во все сферы человеческой жизнедеятельности, искусственному интеллекту, который нашел свое применение и в распознавании скрываемой информации. Так, например, американскими учеными разработано оборудование со встроенным детектором лжи, который путем обработки многочисленных каналов информации (голос, зрачки глаз, микровыражения лица и другие) определяет недостоверную информацию или намерение скрыть правду при ответах на вопросы [1]. Касаемо искусственного интеллекта, пытающегося описывать человеческий мозг, можно однозначно утверждать, что, по нашему мнению, это невозможно по той причине, что невозможно учесть и воплотить в технике все многообразие связей человеческой психики.

Анализируя многочисленные исследования, направленные на поиск эффективных методов распознавания ложной информации [2, 4, 7 и др.], следует отметить, что в большинстве своем диагностируется лишь небольшое число информационных источников (голос, движение зрачков глаз, температура тела, невербальное поведение), что приводит, несомненно, к невысокой степени достоверности результатов используемых методов. Существование многочисленных методологических подходов к диагностике лжи позволяет констатировать необходимость комплексного подхода. С помощью специальной аппаратуры должна происходить лишь фиксация психофизиологических процессов, результаты которой в последствие интерпретируются, уточняются, персонализируются в зависимости от психологических особенностей обследуемого. Данному требованию вполне соответствует специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа, в процессе которого главенствующая роль отводится специалисту, проводящему исследование и применяемым им психологическим техникам, повышающим достоверность процедуры.

В заключение отметим, что исследования лжи имеют не только большую предысторию, но и при адекватной методологии не менее большое будущее.

Список литературы:

1. Биттл Дж. Углубленное исследование попыток распознать обман на основе искусственного интеллекта, 2020. URL: <http://www.technologyreview.com/2020/03/13/905323/ai-lie-detectors-polygraph-silent-talker-iborderctrl-converus-neuroid/> (дата обращения: 20.02.2022).
2. Варламов В.А., Варламов Г.В., Власова Н.М., Зубрилова И.С., Котомин М.Б. Углубленные кадровые проверки. М., 2003. 389 с.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. Том II. Глава III [электронный ресурс]. URL: <http://www.ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 22.02.2022).
4. Основы проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа в кадровой работе: Учебное пособие для организационных психологов / Д. В. Деулин, В.Е. Петров, И.Н. Носс; под общ. ред. В.Д. Серякова. М.: Изд-во «Спутник +», 2021. 227 с.
5. Спирица Е. Психология лжи и обмана. Как разоблачить лжеца. СПб.: Питер, 2015. 300 с.

6. Фрай О. Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи: научный бестселлер. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 284 с.
7. Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений: Монография. М.: Мир безопасности, 2000. 157 с.
8. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. СПб.: Питер, 2012. 304 с.
9. Kircher J.C., Raskin D.C. Psychophysiological and Ocular – motor Detection of Deception, University of Utah, 2014. URL: <http://www.converus.com> (дата обращения: 20.12.2021).

References:

1. Bittle J. In-depth study of attempts to recognize deception based on artificial intelligence, 2020. URL: <http://www.technologyreview.com/2020/03/13/905323/ai-lie-detectors-polygraph-silent-talker-iborderctrl-converus-neuroid/> (date of address: 02/20/2022).
2. Varlamov V.A., Varlamov G.V., Vlasova N.M., Zubrilova I.S., Kotomin M.B. In-depth personnel checks. M., 2003. 389 p.
3. Karamzin N.M. History of the Russian state. Volume II. Chapter III [electronic resource]. URL:<http://www.ru.wikisource.org/wiki/> (accessed: 02/22/2022).
4. Fundamentals of conducting special psychophysiological studies using a polygraph in personnel work: A textbook for organizational psychologists / D.V. Deulin, V.E. Petrov, I.N. Noss; under the general editorship of V.D. Seryakova. M.: Publishing house «Sputnik +», 2021. 227 p.
5. Spiritsa E. Psychology of lies and deception. How to expose a liar. St. Petersburg: Peter, 2015. 300 p.
6. Fry O. Lies. Three ways to identify. How to read the thoughts of a liar, how to deceive a lie detector: a scientific bestseller. St. Petersburg: Prime-EUROZNAK, 2006. 284 p.
7. Kholodny Yu.I. The use of a polygraph in the prevention, disclosure and investigation of crimes: Monograph. M.: The World of security, 2000. 157 p.
8. Ekman P. Psychology of lies. Deceive me if you can. St. Petersburg: Peter, 2012. 304 p.
9. Kircher J.C., Raskin D.C. Psychophysiological and Ocular – motor Detection of Deception, University of Utah, 2014. URL: <http://www.converus.com> (дата обращения: 20.12.2021).

Волков Александр Александрович,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»

Volkov Alexander Alexandrovich,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**THE RELATIONSHIP BETWEEN RESILIENCE AND COPING STRATEGIES OF
SERVICEMEN OF THE MINISTRY OF DEFENSE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В последнее десятилетие активно разрабатывают проблематику жизнестойкости. В статье рассматривается соотношение понятий жизнестойкости и копинг-стратегий. Определяется взаимосвязь данных понятий. Приводятся результаты исследования жизнестойкости среди военнослужащих, а также психологические особенности жизнестойкости военнослужащих. Раскрывается роль формирования конструктивных копинг-стратегий в повышении жизнестойкости.

Ключевые слова: жизнестойкость, совладающее поведение, копинг-стратегии, стресс, вовлеченность, военнослужащие.

Abstract. In the last decade, the problems of resilience have been actively studied. The article discusses the relationship between the concept of resilience and coping strategies. The interrelation of these concepts is determined. The results of the study of resilience among military personnel, as well as psychological characteristics of the resilience of military personnel are presented. The role of the formation of Constructive coping strategies in increasing resilience is revealed.

Keywords: resilience, coping behavior, coping strategies, stress, involvement, military personnel.

В настоящее время отмечается существенно изменяющиеся состояния и динамика жизнедеятельности россиян, на которых непосредственно повлияли пандемия и боевые действия за пределами России, которые создали напряженность, выступили дополнительными испытаниями людей на стойкость. Еще сложнее пришлось людям, которые по долгу службы в силовых и правоохранительных органах при выполнении служебных обязанностей в особых условиях пришлось испытывать дополнительные физическое и психическое напряжение. В связи с этим вопросы повышения жизнестойкости представителей силовых и правоохранительных ведомств приобретают особую актуальность.

В наиболее общем виде под жизнестойкостью можно рассматривать приобретенное образование личности, которое является способностью преодолевать стрессовые ситуации и тяжелые периоды. Развивать жизнестойкость возможно, на наш взгляд, через выработку стратегий конструктивного совладания.

Анализ публикаций свидетельствует, что жизнестойкость и копинг-стратегии понятия взаимосвязанные, однако не взаимозаменяемые. Жизнестойкость в большей степени определяется особенностями проявления черт характера, а копинг-стратегии – усвоенные на основе опыта алгоритмы поведенческого реагирования. Однако выявлена и взаимосвязь между жизнестойкостью и копинг-стратегиями [2, С. 67; 4]. Как это проявляется у военнослужащих, изучалось в нашем пилотажном исследовании.

С помощью теста жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева [2]) нами было проведено изучение уровня жизнестойкости военнослужащих, разделенных на две категории по семейному статусу: состоящие и не состоящие в браке. В исследовании принял участие 21 респондент.

Согласно данным исследования (рис. 1), выявлено одно различие, причем значимое на уровне тенденции: состоящие в браке военнослужащие имеют более высокие показатели «Вовлеченности», как одной из составляющих жизнестойкости ($U=19$; $p<0,1$).

Из бесед с военнослужащими выявлено, что более развитая вовлеченность взаимосвязана с показателями относительно эмоционального благополучия, т.е. удовольствия в жизни из-за преодоления стресса на основе общественного одобрения активности и демонстрации конструктивной копинг-стратегии. Подтвердились отчасти и выводы исследования В. Флориана с коллегами, что включенность влияет на уровень здравомыслия, понижает уровень угрозы и влияет на течение зафиксированных на эмоциях, возможных путей преодоления стресса, увеличивая роль вторичной переоценки событий [7, С. 688].

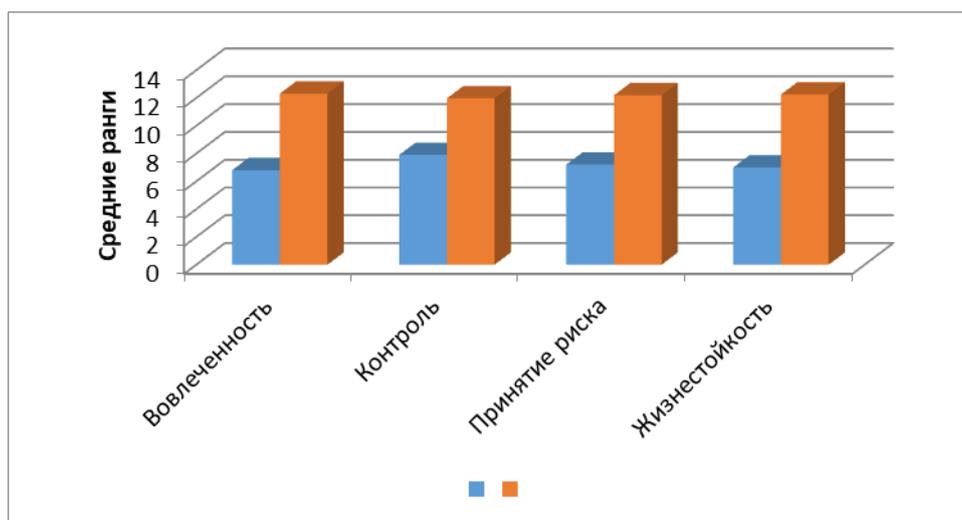

Рисунок 1 – Показатели жизнестойкости военнослужащих, не состоящих и состоящих в браке

Из бесед с обследованными военнослужащими также установлено, что их реакция на стрессовые факторы зависит от восприятия ими ситуации – несет ли она для него угрожающие физические или психологические последствия и каковы они для него, а также от копинг-стратегий, присущих индивиду.

Учитывая, что формирование жизнестойкости может влиять на готовность изменять ситуацию или подстраиваться под нее с конструктивных копинг-стратегий, преодолевая стресс с целью сохранения жизненного благополучия [1, С. 36], нами проведен расширенный анализ публикаций.

Из анализа публикаций видно, что конструктивное совладание со стрессовыми ситуациями и компетентность по путям их преодоления пока у многих людей, находящихся на военной службе, недостаточно развиты, а поэтому наблюдается подверженность влиянию стресса и проявление низкой жизнестойкости. Поэтому актуализирована разработка программ тренингов повышения жизнестойкости военнослужащих, в том числе с повышением стрессоустойчивости и личной безопасности на основе формирования конструктивных копинг-стратегий [3, 4, 5 и др.].

Согласно данным исследований, представленным в монографии Н.П. Татьянченко, следует, что в ее выборке военнослужащих с уровнем жизнестойкости выше среднего была выше доля адаптивных эмоциональных копинг-стратегий и ниже – неадаптивных поведенческих [6, С. 21]. Результаты говорят, что, находясь в трудной ситуации, военнослужащие не теряют оптимизма, при этом проявляют субъектные реакции при встрече с трудностями, реализуя активную деятельность по их преодолению. Они взаимодействуют с окружением, находя поддержку и предлагая ее для того, чтобы сложная ситуация нашла оптимальное разрешение. В отличие от испытуемых, отличающихся уровнем жизнестойкости выше среднего, респонденты из группы с низкой жизнестойкостью чаще используют неадаптивные эмоциональные и поведенческие копинг-стратегии, что обуславливает их выбор «активного избегания» пробле-

мы, а также избегания мыслей о неприятностях. В сложной ситуации военнослужащие проявляют пассивность, желание уединиться, уйти от активных межличностных контактов, отказ от решения проблем. Кроме того, военнослужащие данной категории из выборки, обследованной Н.П. Татьянченко, обвиняют себя в неудачах, проявляют агрессивность, которая характеризуется подавленным эмоциональным состоянием, а также демонстрируют порой состояния безнадежности, покорности или переживание злости и возложением вины на себя и других [6, С. 74].

Кроме того, в рамках исследования Н.П. Татьянченко по группам испытуемых с уровнем жизнестойкости ниже среднего и выше среднего были выявлены различия встречаемости контрастных стратегий совладания – поведенчески неадаптивных и адаптивных. Установлено, что стратегии совладания оказывают влияние на формирование жизнестойкости. Развитие уровня жизнестойкости выше среднего возможно в той ситуации, когда у военнослужащих доминируют адаптивные копинг-стратегии [6, С. 81].

Таким образом, для формирования высокого уровня жизнестойкости личного состава военным психологам важно использовать тренинги, в которые будет включена работа по формированию совладающих и адаптивных копинг-стратегий, а также развитие системы убеждений и паттернов поведения, соответствующих составляющим конструкта жизнестойкости.

Список литературы:

1. Бакланова В.И., Вьюшкова С.С., Лобачев И.В. Особенности жизнестойкости у военнослужащих с расстройством адаптации // Известия Российской военно-медицинской академии, 2019. № 3. С. 217- 220.
2. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала / Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. С. 178-210.
3. Марьин М.И., Мальцева Т.В., Петров В.Е. и др. Психологическая подготовка сотрудников полиции к профессиональной деятельности: учебно-методическое пособие. Руза: Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2014. 195 с.
4. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
5. Одинцова М.А. Психология жизнестойкости. М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. 296 с.
6. Татьянченко Н.П. Психологическое содержание жизнестойкости военнослужащих / Под ред. Т.М. Краснянской. М.: Изд-во РИТМ, 2013. 98 с.
7. Florian V., Mikulincer M, Taubman O. Does hardiness contribute to mental health during a stressful reallife situation? The roles of appraisal and coping // Journal of Personality and Social Psychology, 2005. № 68 (4). pp. 687-695.

References:

1. Baklanova V.I., Vyushkova S.S., Lobachev I.V. Features of resilience in servicemen with adaptation disorder // Izvestia of the Russian Military Medical Academy, 2019. № 3. pp. 217-220.
2. Leontiev D.A., Rasskazova E.I. Resilience as a component of personal potential / Personal potential: structure and diagnostics Moscow: Smysl, 2011. pp. 178-210.
3. Maryin M.I., Maltseva T.V., Petrov V.E. et al. Psychological preparation of police officers for professional activity: an educational and methodological manual. Ruza: Moscow Regional branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. 195 p.

4. Psychology of official activity: textbook and workshop for universities / A.V. Kokurin [et al.]; under the general editorship of A.V. Kokurin, V.E. Petrov, V.I. Ekimova, V.M. Pozdnyakov. M.: Yurayt Publishing House, 2020. 375 p.

5. Odintsova M.A. Psychology of resilience. M.: FLINTA; Nauka, 2015. 296 p.

6. Tatyanchenko N.P. Psychological content of the resilience of military personnel / Edited by T.M. Krasnianskaya. M.: Publishing house RHYTHM, 2013. 98 p.

Гладкая Наталья Владимировна,

Академия управления МВД России (г. Москва, Россия),
адъюнкт

e-mail: nv.glad@mail.ru

Gladkova Natalia Vladimirovna,

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of
Russia (Moscow, Russia), adjunct

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-САНОГЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

OCCUPATIONAL AND SANITARY SAFETY OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Аннотация. Экстремальные особенности прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел требуют от них владеть саногенным мышлением с целью контроля своих эмоций. Такое мышление является успокаивающим средством для индивида. Основные аспекты владения сотрудником саногенным мышления рассмотрены в процессе условной беседы, причем на этапах: знакомство с собеседником, расспрос собеседника, основной этап, завершения беседы. Предложен способ определения ранжирования сотрудников по степени владения саногенным мышлением. Материал статьи направлен на повышение психологической культуры личного состава органов внутренних дел.

Ключевые слова: саногенное мышление, собеседник, состояние, сотрудник, эмоции.

Abstract. The extreme features of service by employees of the internal affairs bodies require them to possess sanogenic thinking in order to control their emotions. Such thinking is a calming tool for the individual. The main aspects of the employee's possession of sanogenic thinking are considered in the process of a conditional conversation, at the stages: acquaintance with the interlocutor, questioning the interlocutor, the main stage, the end of the conversation. A method for determining the ranking of employees by the degree of mastery of sanogenic thinking is proposed. The material of the article is aimed at improving the psychological culture of the personnel of the internal affairs bodies.

Keywords: sanogenic thinking, interlocutor, state, employee, emotions.

В последние годы наблюдается тенденция повышения экстремальности деятельности сотрудников органов внутренних дел, связанная с задержанием криминально опасных преступников, освобождением заложников, применением оружия, обеспечением правопорядка в период массовых мероприятий, стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций, а также с участием в специальной военной операции.

Экстремальными (от лат. *extremum* – предельный, крайний) называют ситуации, которые ставят перед сотрудником большие трудности, обязывают его к полному, предельному напряжению сил и возможностей, чтобы справиться с

ними и решить стоящую задачу. Наличие экстремальных ситуаций, связанных с родом профдеятельности сотрудников, обязывают их принимать взвешенные и обоснованные решения, контролировать свои эмоции, управлять поведением, оптимистично мыслить после стрессогенных событий. Сотрудники ОВД, обладающие указанными личностными характеристиками, легче переносят стрессовые ситуации, психологически устойчивы, лучше поддаются реабилитации [3, 5 и др.].

Регулировать собственные эмоции и состояние сотрудников помогает саногенное мышление (или несущее здоровье) – адекватное, контролируемое и позитивное благодаря умению управлять собственными эмоциями, которое контрастно в противовес патогенному (или порождающему болезнь). Сотрудник с такими характеристиками не дает себе возможности наговорить лишнего в порыве злости, осуществить не обдуманное решение, причинить вред себе или другим. Он сначала все анализирует, рассматривает варианты действий, ищет положительные стороны ситуации, и только потом принимает решение и действует. В результате, в последствии ему не приходится испытывать чувство вины, сотни раз прокручивать негативные мысли и жалеть о принятых решениях [4].

Из бесед с опытными сотрудниками ОВД выявлено, что саногенное мышление позволяет им остановить процесс переживания, простить обиду, победить стыд, перебороть страх, настроиться на позитивные эмоции, воспитать в себе чувство прощения. Такое мышление является успокаивающим средством для сотрудника, оно соразмерно спокойному эмоциональному состоянию. Сотрудник, обладающий и владеющий методами развития саногенного мышления, не станет застревать в аспекте старых обид или претензий, которые могут преследовать сотрудника с патогенным мышлением на протяжении многих дней, месяцев, а то и лет.

Саногенное мышление является особым видом профессионально значимого мышления, приводящим к уменьшению огорчения от негативных эмоций, которые может испытывать сотрудник часто во время ведения конфликтной беседы с другим человеком или противодействия при допросе, так и довольно продолжительное время после их завершения.

Как известно, народная мудрость гласит: «пожар легче предупредить, чем потушить». Поэтому в аспекте профессиональной коммуникации сотрудника ОВД будет эффективным применение саногенного мышления на начальных этапах профобщения, в том числе с целью предотвращения конфликтных ситуаций, а также, чтобы в дальнейшем как можно легче пережить сотруднику негативные последствия беседы.

О саногенном мышлении сотрудника, которым он должен владеть в процессе профбеседы, а также о его эмоциональном состоянии, поведении, и основных аспектах во время беседы представляется целесообразным модельно рассмотреть на этапах условной беседы, а именно: знакомство с собеседником, расспрос собеседника, основной этап, завершения беседы. Конечно, с целью изучения способности владеть саногенным мышлением справедливо было бы рассмотреть зависимости эмоционального состояния сотрудника при беседе с

собеседником (подозреваемым, обвиняемым, осужденным и т.п.), связанные с темой и структурой разговора, важностью разговора, условиями ведения разговора, времени суток и др. Однако в данном случае они не имеют большого значения при рассмотрении процесса подготовки специалистов в рамках развития культуры профессионально-саногенной безопасности личности [1, 2 и др.].

На этапе знакомства с собеседником, беседа в основном проходит в условной зоне комфортного разговора. Эмоции сотрудника находятся в пределах определенной зоны. Эта зона является «лакмусовой бумагой», за которую отрицательные эмоции сотрудника на указанном этапе, а также на протяжении всего разговора не должны переходить. Учитывая, что этот этап является важным для установления психологического контакта и в дальнейшем по установлению доверия, надо развивать у сотрудника навыки самопрезентации и диалогического взаимодействия.

Учитывая специфику работы дознавателей, следователей, инспекторов по делам несовершеннолетних, у сотрудника отрицательные эмоции, такие как простое сожаление или легкая жалость, очень часто присутствуют при начале разговора [5]. Сотрудники, владеющие саногенным мышлением, как и любые другие люди, могут переживать (испытывать) эти эмоции, однако они должны контролировать их в пределах «легкого отрицательного возбуждения», чтобы они не стали продолжительными и тем более не накапливались. Кроме того, они не должны допустить, чтобы простое сожаление или легкая жалость вышли из условной зоны комфортного разговора и по его завершению превратились в эмоциональный кошмар, в том числе в виде горького сожаления или невыносимой жалости.

Этап расспроса собеседника характеризуется небольшим внутренним эмоциональным подъемом сотрудника. Это может быть вызвано барьерами при беседе (например, неприязнь, недоверие, религиозные или национальные стереотипы и др.). Сотрудник, обладающий саногенным мышлением, не вызовет резко отрицательное отношение собеседника к себе, будет учитывать личностные особенности, вести себя с внутренним спокойствием и учитывать психическое состояние собеседника.

Основной этап является ключевым, на котором должна быть достигнута цель профбеседы. Вместе с тем он является очень сложным и для сотрудника с саногенным мышлением, т.к. ему, с одной стороны, необходимо сдерживать свои эмоции, а с другой стороны, нужно добиться выполнения задач поставленных перед началом проведения беседы. На этом этапе в основном и проявляются способности сотрудников к саногенному мышлению, а именно демонстрация владения собой, управления беседой и психологическим состоянием собеседника, что часто не всегда или не в полной мере удается.

Именно по результатам данного этапа можно определить на сколько сотрудник владеет саногенным мышлением во время беседы, в каком эмоциональном состоянии во время беседы он находился и продолжительность данного состояния. Определение данных показателей позволят сформировать оценочные интервалы, сравнивать сотрудников по степени владением саногенным мышлением и проанализировать как: владеющие саногенным мышлением; вла-

деющие базовым саногенным мышлением; не владеющие саногенным мышлением.

Этап завершения беседы является итоговым этапом, на котором сотрудник с саногенным мышлением должен уметь правильно его завершить. Необходимо «привести в порядок» свои мысли и эмоциональное состояние собеседника. Беседу необходимо ввести в зону условного комфортного разговора. На этом этапе сотрудник не должен испытывать негативных эмоций, необходимо стараться мыслить и действовать позитивно, что позволит в дальнейшем погасить собственные эмоции от прошедшей беседы. Следует помнить, что саногенное мышление не заканчивается на этапе завершения беседы. Эмоции и мысли, которые сотрудник приобрел во время беседы останутся с ним. Однако в зависимости, на сколько он смог контролировать свои эмоции во время беседы и будет залогом его психологического состояния.

Сотрудник, не справляющийся со своими эмоциями в рамках разных этапов профкоммуникации, находится в динамике отрицательного эмоционального тренда. Пиковые значения отрицательных эмоций в ходе потери над собой контроля со стороны сотрудника очень опасны и могут привести к грубости и необдуманным действиям. При этом расходуется психические силы, происходит эмоциональное выгорание сотрудника. Поведение сотрудника на разных этапах при различных уровнях сложности беседы может служить основой оценки по владению саногенным мышлением.

Владение сотрудниками саногенным мышлением в служебной деятельности позволяет сохранить свое здоровье, эффективно решать поставленные задачи, активно участвовать в общественной жизни, наслаждаться семейной жизнью, уменьшить страдания от вины, зависти, неудачи и пережитых отрицательных эмоций.

Список литературы:

1. Марьин М.И., Петров В.Е., Ульянина О.А. Особенности психологического обеспечения в подготовке специалистов в образовательных организациях МВД России // Труды Академии управления МВД России. М., 2016. № 1 (37). С. 85-90.
2. Марьин М.И., Поздняков В.М. и др. Психологическое обеспечение специального первоначального обучения: учебно-методическое пособие. Уфа: Учебный центр МВД Республики Башкортостан, 2005. 142 с.
3. Марьин М.И., Солдатова И.Ф. и др. Психологическое сопровождение деятельности сотрудников, требующих повышенного внимания: методическое пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2005. 180 с.
4. Орлов Ю.М. Восхождение к индивидуальности. М.: Просвещение. 1991. 287 с.
5. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.

References:

1. Maryin M.I., Petrov V.E., Ulyanina O.A. Features of psychological support in the training of specialists in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M., 2016. № 1 (37). pp. 85-90.

2. Maryin M.I., Pozdnyakov V.M. et al. Psychological support of special initial training: an educational and methodical manual. Ufa: Training Center of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan, 2005. 142 p.

3. Maryin M.I., Soldatova I.F. et al. Psychological support of the activities of employees requiring increased attention: a methodological guide. Moscow: Central Research Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 180 p.

4. Orlov Yu.M. Ascent to individuality. M.: Enlightenment. 1991. 287 p

5. Psychology of official activity: textbook and workshop for universities / A.V. Kokurin [et al.]; under the general editorship of A.V. Kokurin, V.E. Petrov, V.I. Ekimova, V.M. Pozdnyakov. M.: Yurayt Publishing House, 2020. 375 p.

Дебольский Михаил Георгиевич,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), профессор кафедры юридической психологии и права, ФКУ НИИ ФСИН России (г. Москва, Россия), ведущий научный сотрудник, кандидат психологических наук, доцент
e-mail: mdebolsky@mail.ru

Debolsky Mikhail Georgievich,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), professor of the Department of Legal Psychology and Law, Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russia), leading researcher, Ph.D, Associate Professor

СЛУЖБА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ КАК ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

SERVICE IN THE CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM AS AN EXTREME ACTIVITY

Аннотация. Выделены условия функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы, обуславливающие экстремальный характер деятельности сотрудников: напряженный характер отношений между персоналом и осужденными; несение службы с оружием (отдел охраны, управление по конвоированию осужденных, отдел специального назначения); постоянное общение с осужденными, влияние криминальной субкультуры в среде осужденных; риск групповых эксцессов и массовых беспорядков; привлечение сотрудников УИС к обеспечению общественного порядка в условиях проведения военной операции. Рассмотрены меры по снижению уровня экстремальности при несении службы в УИС.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, экстремальная деятельность, социальные роли, эмоциональное выгорание, групповые эксцессы, психологическая подготовка к службе в экстремальных условиях.

Abstract. The conditions for the functioning of institutions of the penitentiary system are highlighted, which determine the extreme nature of the activities of employees: the tense nature of relations between staff and convicts; service with weapons (security department, convict escort department, special purpose department); constant communication with convicts, the influence of the criminal subculture among convicts; the risk of group excesses and riots; involvement of employees of the penitentiary system in ensuring public order in the conditions of a military operation. Considered are measures to reduce the level of extremeness when serving in the penitentiary system.

Keywords: penitentiary system, extreme activity, social roles, emotional burnout, group excesses, psychological preparation for service in extreme conditions.

Психология экстремальной деятельности длительное время является предметом изучения во многих науках и сферах социальной практики. Изданы фундаментальные учебники и монографии [11, 13, 14 и др.]. При освещении заявленной темы учитывались концептуальные положения, которые преимущественно, нашли отражение в трудах по экстремальной психологии правоохранительной деятельности [15, 20].

В первую очередь, экстремальный, напряженный характер службы в уголовно-исполнительной системе (УИС) обусловлен, характером решаемых задач и спецификой условий функционирования подразделений УИС. Главное предназначение УИС – обеспечить исполнение наказания в соответствии с приговором суда. Сотрудники УИС исполняют наказание, а осужденные отбывают наказание. Эти два субъекта имеют различный социально-правовой статус, их деятельность и поведение имеет четкую нормативно-правовую регламентацию. Сотрудники УИС наделены определенными властными полномочиями по отношению к осужденным, тогда как последние, обязаны подчиняться законным требованиям администрации. Однако, в силу личностных особенностей осужденных, тяжести совершенных преступлений, криминальной зараженности, влияния тюремной субкультуры, неадекватного восприятия требований сотрудников, между данными субъектами возникают противоречия в интересах, ценностях и как следствие – конфликты. Положение усугубляется также тем, что многие сотрудники УИС не имеют необходимой психологической подготовленности к общению с осужденными, не осознают глубины переживаемого многими осужденными пенитенциарного стресса, ориентированы на административные и силовые методы разрешения конфликтной ситуации. Опрос сотрудников УИС показывает, что большинству из них постоянное общение с осужденными не доставляет удовольствия, вызывает напряженность, нередко ведет к эмоциональному выгоранию и профессиональной деформации. [19]. Если у осужденных, определенным стимулом противодействия администрации является криминальная субкультура, то у сотрудников УИС фактором, объединяющим их, в противостоянии осужденным, может служить организационная (корпоративная) культура – система неофициальных норм и правил, с которыми солидарны большинство сотрудников организации (исправительного учреждения) [8]. Отмеченные психологические факторы ведут к взаимодействию сторон по принципам: это «мы», а то «они»; своих необходимо поддерживать, а другим – не доверять, оказывать оппозицию. Таким образом, сложный и напряженный характер отношений между персоналом и осужденными – это основная составляющая экстремальности службы в УИС.

Вторая особенность уголовно-исполнительной системы, определяющая экстремальный характер деятельности, состоит в том, что значительная часть сотрудников несёт службу с оружием. Это сотрудники охраны исправительных учреждений (ИУ) и следственных изоляторов (СИЗО), сотрудники управлений (отделов) по конвоированию, а также отдела специального назначения (спецназа). Несение службы с оружием требует постоянной бдительности, внимания, высокой ответственности за свои действия и психологической готовности к

применению оружия на поражение в ситуациях, предусмотренных законодательством и Уставом.

С момента создания психологической службы в УИС уделяется постоянное внимание психологическому обеспечению деятельности указанных выше категорий сотрудников. На основе обобщения опыта работы психологов отдела специального назначения (ОСН) издан уникальный сборник «Психологическое обеспечение деятельности сотрудников отделов специального назначения» [12]. Он состоит из 4 частей: в первой части рассмотрены особенности профессионально-психологического отбора сотрудников отдела специального назначения на службу, оказания психологической поддержки в период адаптации деятельности и коллективу; во второй – обобщен опыт профессионально-психологической подготовки сотрудников к решению как повседневных задач, так и повышенной сложности; в третьей части, проанализирован опыт участия сотрудников спецназа в контртеррористических операциях на Северном Кавказе; в четвертом разделе рассмотрены практики психологической реабилитации сотрудников после возвращения с «горячих точек». Данный опыт является востребованным и в настоящее время.

Как известно, служба с оружием является фактором риска, способствующим возникновению экстремальных ситуаций и среди сотрудников. Имеют место случаи неправомерного применения служебного оружия при межличностных конфликтах и в ситуациях суицидального поведения. Имеется уникальный опыт создания в Краснодарском крае на грант общественных организаций Реабилитационного центра для сотрудников УИС. В нем прошли реабилитацию более ста сотрудников с различных регионов страны с признаками профессионального выгорания и посттравматического стрессового расстройства, которые ранее принимали участие в контртеррористических операциях. Этот опыт может успешно использоваться в настоящее время при реабилитации участников военной операции.

Из средств массовой информации и официального сайта ФСИН России мы получаем информацию, что периодически в том или ином регионе происходят различные групповые эксцессы: неповиновения осужденных, групповые конфликты, массовые беспорядки. Они могут сопровождаться погромами, поджогами, захватом заложников, гибелью сотрудников и осужденных. Такие действия приносят не только материальный урон, горе семьям пострадавших, но и подрывают авторитет уголовно-исполнительной. Поэтому причины групповых противоправных действий, динамика их развития, меры пресечения и профилактики постоянно находятся в поле внимания специалистов [1, 4, 17 С. 398-410].

Автором разработана динамическая модель группового эксцесса [5]. Отметим ряд продуктивных теоретических подходов в русле которых осуществлялась разработка типовой модели развития неповиновений осужденных и массовых беспорядков: концепция изучения социально-психологических явлений в современном обществе [7, 11, 15 и др.], психология толпы и механизмы ее функционирования [10]; особенности общения в затрудненных условиях [18]; психология конфликтов и способы их разрешения [3, 9]; особенности кримино-

генного общения и криминальной субкультуры [16]; психология воздействия и психология влияния на окружающих [7]; переговорная деятельность [2, 3].

Первый этап – это обострение социально-психологической обстановки (СПО) в исправительном учреждении. Опыт показывает, что групповые эксцессы, неповиновение осужденных возникают только при сложной (неудовлетворительной) СПО. Психологической службой ФСИН России разработан алгоритм изучения и оценки социально-психологической обстановки в исправительных учреждениях.

Второй этап развития группового эксцесса – возникновение повода конфликта с дальнейшим обострением социально-психологической и оперативной обстановки. В качестве повода могут послужить два типа ситуаций, в зависимости от того, кто является источником начальных действий – осужденные или сотрудники.

Третий этап: распространение слухов о произошедшем инциденте. Слухи могут распространяться как стихийно, в связи с высокой потребностью в информации и ее нехваткой, так и умышленно, чтобы вызвать недовольство действиями сотрудников или осужденных, которые их поддерживают.

Четвертый этап – формирование локальных групп недовольных осужденных. Распространение слухов, непринятие эффективных мер на предыдущих этапах ведет к объединению недовольных осужденных в локальных участках, отрядах, жилых секциях. Данный этап может быть как затяжным (несколько суток), так и достаточно быстрым (в пределах часа). Это зависит от общего уровня напряженности, личностных особенностей активных участников эксцесса (лидера, организаторов, возможных провокаторов, участия лиц с психическими аномалиями), обоснованности принимаемых мер воздействия.

Пятый этап – формирование толпы и противоправные проявления ее участников. Данный этап наступает в случае неэффективного применении к осужденным приемов воздействия или отсутствии необходимых сил и средств для локализации и изъятия активных участников эксцесса. Даже при наличии в учреждении криминальных лидеров и организаторов, сознательно спровоцировавших групповой эксцесс, на стадии возникновения толпы многие агрессивные действия начинают протекать стихийно и лавинообразно в силу известных социально-психологических механизмов – психического заражения и подражания наиболее активным участникам толпы, эмоционального возбуждения и эффекта «сужения сознания», ощущения в толпе силы и анонимности.

В случае опасности агрессивных проявлений толпы, проводится специальная операция по пресечению действий, дезорганизирующих функционирование учреждений, исполняющих наказание.

Особого внимания психолога и сотрудников других служб требует психопрофилактическая работа по восстановлению нормального функционирования исправительного учреждения после пресечения группового эксцесса.

Теоретически обоснованная психологическая модель поэтапного развития группового эксцесса и меры по его пресечению и профилактике внедрены в учебный процесс подготовки курсантов Академии и других институтов ФСИН России [4, 5 и др.].

Наиболее перспективным направлением снижения количества групповых эксцессов и преступлений, квалифицируемых как «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» (статья 321 УК РФ) является оптимизация социально-психологической обстановки в местах лишения свободы, профессионально-психологическая подготовка сотрудников к общению с осужденными в затрудненных условиях и формирование навыков разрешения конфликтных ситуаций, включая медиативные технологии.

Основные направления психологического обеспечения деятельности УИС по снижению уровня экстремальности службы.

1. Мониторинг СПО – отслеживание тех явлений, которые способствуют осложнению оперативной обстановки. Массовые беспорядки стихийно не возникают. Им предшествуют: неудовлетворенность осужденных условиями отбывания наказания (не могут реализовать свои законные права на свидание, на приобретение продуктов питания в торговой точке и т.д.). Может повышаться уровень неудовлетворенности взаимоотношениями между осужденными, между персоналом и осужденными. Результаты мониторинга доводятся до начальника учреждения и начальника УФСИН для принятия управленческих решений по оптимизации оперативной обстановки.

2. Мониторинг профессионального выгорания и профилактическая работа с сотрудниками, которые нуждаются в снижении уровня эмоционального напряжения.

3. Психологическая подготовка сотрудников к действиям в экстремальной ситуации (общая для всех) и специальная для конкретных категорий, например, для специалистов по переговорной деятельности.

4. Формирование позитивной морально-психологической обстановки и делового организационного климата в учреждении.

Таким образом деятельность УИС тесно связана с практической психологией, которая является основой профессиональной успешности деятельности сотрудников.

Список литературы:

1. Барабанов Н.П. Предупреждение и пресечение чрезвычайных ситуаций криминального характера в исправительных учреждениях. Монография. Рязань: Институт права и экономики МВД России. 1999. Ч.1. 191 с.
2. Вахнина В.В. Психология преодоления кризиса в переговорной деятельности в практике органов внутренних дел: монография. М., 2014.
3. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2000. 464 с.
4. Групповые неповиновения и массовые беспорядки в учреждениях УИС. М.: ФКУ НИИ ФСИН России. 424 с.
5. Дебольский М.Г. Динамическая модель групповых эксцессов в местах лишения свободы // Межличностный контакт: теория, методология и практика внедрения в правоохранительной сфере: сборник научных трудов /под науч. ред. Е.А. Петровой. М.: РГСУ, 2015. С. 113-120.
6. Дебольский М.Г., Кантицкий О.В., Лафуткин А.М., Ананьев О.Г. Психология толпы и массовых беспорядков. Рязань: Академия ФСИН России, 2020. 118 с.
7. Кабаченко Т.С. Методы психологического воздействия. М.: Педагогическое общество России, 2000. 544 с.

8. Киселева Р.Н. Теоретические и методологические аспекты исследования и развития организационной культуры УИ: монография. Рязань: Академия ФСИН России, 2015. 168 с.
9. Мокрецов А.И. Предупреждение конфликтных ситуаций в среде осужденных. М.: ФСИН России, 2006. 75 с.
10. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. 478 с.
11. Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Институт психологии РАН, 2012. 440 с.
12. Психологическое обеспечение деятельности сотрудников отделов специального назначения: сборник методических рекомендаций и статей пенитенциарных психологов. В 4 разделах. М.: ГУИН Минюста России, 2004.
13. Психология кризисных и экстремальных ситуаций: учебник / под ред. Н.С. Хрусталева. СПб.: Изд. СПб. ун-та, 2018. 748 с.
14. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / под общ. ред. Ю.С. Шойгу. М.: Смысл, 2007.
15. Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика: учеб. Пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
16. Сухов А.Н. Криминогенное отношение в среде осужденных. Рязань, 1993. 134 с.
17. Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. Учебник. Рязань: Академия права и управления, 2003. 758 с.
18. Филонов Л.Б. Психология развития контакта между людьми в условиях затрудненного общения. Автореф. диссертации на соискание уч. степени доктора психол. наук. М.: Академия управления МВД СССР, 1986.
19. Черкасова М.А., Поздняков В.М. Психологический мониторинг профессионального выгорания сотрудников ФСИН России. Монография. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2016. -135с.
20. Экстремальная психология в особых условиях деятельности: монография / под научной ред. Б.Г. Бовина, А.В. Кокурина, А.М. Ракова. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2015. 514 с.

References:

1. Barabanov N.P. Prevention and suppression of criminal emergencies in correctional institutions. Monograph. Ryazan: Institute of Law and Economics of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1999. Part 1. 191 p.
2. Vakhnina V.V. Psychology of crisis overcoming in negotiation activity in the practice of internal affairs bodies: monograph. M., 2014.
3. Grishina N.V. Psychology of conflict. St. Petersburg: Peter, 2000. 464 p.
4. Group disobedience and mass riots in the institutions of the Penitentiary. Moscow: FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 424 p .
5. Debolsky M.G. Dynamic model of group excesses in places of deprivation of liberty // Interpersonal contact: theory, methodology and practice of implementation in the law enforcement sphere: collection of scientific papers / under the scientific editorship of E.A. Petrova. M.: RGSU, 2015. pp. 113-120.
6. Debolsky M.G., Kantitsky O.V., Lafutkin A.M., Ananyev O.G. Psychology of crowds and mass riots. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. 118 p.
7. Kabachenko T.S. Methods of psychological influence. M.: Pedagogical Society of Russia, 2000. 544 p.
8. Kiseleva R.N. Theoretical and methodological aspects of research and development of the organizational culture of the UI: monograph. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2015. 168 p.
9. Mokretsov A.I. Prevention of conflict situations among convicts. M.: Federal Penitentiary Service of Russia, 2006. 75 p.

10. Moscovici S. The age of crowds. Historical treatise on mass psychology. Moscow: Center of Psychology and Psychotherapy, 1996. 478 p.
11. Problems of psychological security / Ed. A.L. Zhuravlev, N.V. Tarabrina. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2012. 440 p.
12. Psychological support for the activities of employees of special purpose departments: a collection of methodological recommendations and articles of penitentiary psychologists. In 4 sections. Moscow: GUIN of the Ministry of Justice of Russia, 2004.
13. Psychology of crisis and extreme situations: textbook / edited by N.S. Khrustaleva. SPb.: Publishing House of St. Petersburg University, 2018. 748 p.
14. Psychology of extreme situations for rescuers and firefighters / under the general editorship of Yu.S. Shoigu. M.: Sense, 2007.
15. Stolyarenko A.M. Extreme psychopedagogy: studies. handbook for universities. Moscow: UNITY-DANA, 2002.
16. Sukhov A.N. Criminogenic attitude among convicts. Ryazan, 1993. 134 p.
17. Ushatikov A.I., Kazak B.B. Penitentiary psychology. Textbook. Ryazan: Academy of Law and Management, 2003. 758 p.
18. Filonov L.B. Psychology of the development of contact between people in conditions of difficult communication. Autoref. dissertations for the degree of Doctor of Psychology. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1986.
19. Cherkasova M.A., Pozdnyakov V.M. Psychological monitoring of professional burnout of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. Monograph. Vologda: VIPE FSIN Ros-sii, 2016. 135 p.
20. Extreme psychology in special conditions of activity: monograph / under the scientific editorship of B.G. Bovin, A.V. Kokurin, A.M. Rakov. M.: FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2015. 514 p.

Ерохина Елена Игоревна,

Московский университет МВД России имени
В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия), адъюнкт
e-mail: erokhina-2018@inbox.ru

Erokhina Elena Igorevna,

Moscow University Russian interior Ministry named
V. Ya. Kikot (Moscow, Russia), adjunct

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ

INDIVIDUAL STYLE OF OFFICIAL ACTIVITY OF THE PATROL AND POST SERVICE OF THE POLICE

Аннотация. В статье раскрывается актуальность исследования индивидуального стиля сотрудников патрульно-постовой службы полиции. С учётом теоретических подходов приводится определение индивидуального стиля деятельности сотрудников. Представлены результаты эмпирического исследования индивидуального стиля деятельности. Актуализируется роль психолога органов внутренних дел в оказании помощи отдельному сотруднику и служебному коллективу, направленной на развитие конструктивного индивидуального стиля деятельности.

Ключевые слова: сотрудник патрульно-постовой службы полиции, индивидуальный стиль деятельности, экстремальные условия службы, профессионально-психологические действия.

Abstract. The article reveals the relevance of the study of the individual style of police patrol officers. Taking into account theoretical approaches, the definition of the individual style of activity of employees is given. The results of an empirical study of an individual style of activity are presented. The role of the psychologist of the internal affairs bodies is actualized in providing assistance to an individual employee and an office team aimed at developing a constructive individual style of activity.

Keywords: police patrol officer, individual style of activity, extreme conditions of service, professional and psychological actions.

Актуальность темы исследования вызвана тем, что в экстремальных условиях службы по обеспечению правопорядка в общественных местах сотрудники патрульно-постовой службы полиции (ППСП) должны отличаться особыми индивидуально-психологическими качествами [3, 6, 9], которые обеспечивают грамотное и правомерное выполнение профессиональных и профессионально-психологических действий. Значимость исследования объясняется и тем, что в соответствии с приказом МВД России от 29.01.2008 № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции» сотруднику ППСР как коллективному субъекту труда необходимо вносить весомый вклад в совместную служебную деятельность группы, наряда, поста, обеспечивая слаженность и сработанность профессиональных (тактических, психологических, юридических) действий.

Впервые в психологии труда проблемы индивидуального стиля деятельности рассматривались Е.А. Климовым. Как основоположник концепции индивидуального стиля, он полагал, что стиль есть устойчивая система способов деятельности, состоящая из индивидуально-типологических особенностей личности и способов действий [1, С. 69]. В свою очередь, представитель системного подхода В.С. Мерлин отмечал: «индивидуальный стиль деятельности – системообразующее звено, формирующее интегральную индивидуальность человека» [4, С. 154]. Иными словами речь идёт о системе нейродинамических свойств, индивидуальных и социально-психологических свойств специалиста, много-многозначные связи между которыми определяют индивидуальный стиль деятельности. В современных исследованиях схожей точки зрения придерживался В.А. Толочек, который рассматривал индивидуальный стиль деятельности как целостную систему психологических средств наилучшего уравновешивания своей индивидуальности с условиями и требованиями деятельности с позиции продуктивности деятельности и удобства, комфортности её процесса для субъекта [6, 7].

Приведенные подходы отечественных учёных к понятию «индивидуальный стиль деятельности», комплексный подход к структуре оперативно-служебной деятельности сотрудников ППСР, позволили определить термин «индивидуальный стиль деятельности сотрудника патрульно-постовой службы полиции» как уникальную систему профессиональных действий (тактических, психологических, юридических и др.), применяемых сотрудником ППСР в со-

ставе служебного коллектива (наряда, группы) и с учётом складывающейся обстановки для решения служебных задач по обеспечению правопорядка в общественных местах, предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений.

Эмпирическое исследование проводилось в строевых подразделениях патрульно-постовой службы полиции Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Москва). В нём приняли участие 149 сотрудников патрульно-постовой службы полиции со стажем работы от 1 года до 13 лет. В рамках проводимого исследования была выдвинута гипотеза о наличии связей между профессиональными (тактическими, психологическими, юридическими) действиями и индивидуально-психологическими особенностями личности сотрудников ППС. Для исследования индивидуально-психологических особенностей были применены методики: опросник формально-динамических свойств индивидуальности В.М. Русалова, тест «Коммуникативные и организаторские склонности» В.В. Синявского, В.А. Федорошина (КОС), опросник жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д. Леонтьева), методика многофакторного исследования личности Р. Кэттела (форма С). Для оценки профессиональных (тактических, психологических, юридических) действий, с учётом структуры профессиональных действий сотрудников ППС [8, С. 485] и с профессиографическим разделением оперативно-служебной деятельности сотрудников ППС на отдельные стороны (виды) [5, С. 149], мы воспользовались экспертной оценкой командиров отделений, взводов, роты.

Представим результаты корреляционного анализа индивидуального стиля деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции при помощи критерия согласия Пирсона. Нами были выявлены взаимосвязи между психологическим действием – оценкой и прогнозированием ситуации и следующими шкалами: торможение ($r=0,29$, $p \leq 0,05$), эмоциональной психомоторной сферой ($r=0,27$, $p \leq 0,05$), контроль ($r=0,28$, $p \leq 0,05$), принятием решения ($r=0,44$, $p \leq 0,05$), эмоциональной стабильности ($r=0,35$, $p \leq 0,05$), социальной толерантности ($r=0,27$, $p \leq 0,05$), практичности ($r=0,27$, $p \leq 0,05$), интеллекта ($r=0,4$, $p \leq 0,05$). Это свидетельствует о том, что чем лучше сотрудники обладают психоэмоциональной устойчивостью, высоким самоконтролем, бдительностью, собранностью, быстротой поведенческих реакций, гибкой ориентировкой в неопределённых ситуациях, тем успешнее они смогут грамотно проанализировать обстановку и предпринять правомерные действия, обеспечивающие познавательно-прогностическую сторону деятельности. Гибкое и грамотное установление психологического контакта с гражданами коррелирует с такими показателями как: пластичность коммуникативной сферы ($r=0,44$, $p \leq 0,05$), скорость коммуникативной сферы ($r=0,31$, $p \leq 0,05$), эмоциональность коммуникативной сферы ($r=0,25$, $p \leq 0,05$), уровень коммуникативных склонностей ($r=0,27$, $p \leq 0,05$), общительность ($r=0,46$, $p \leq 0,05$), дипломатичность ($r=0,4$,

$p \leq 0,05$), вовлечённость ($r = 0,37$, $p \leq 0,05$), толерантность как черта личности ($r = 0,35$, $p \leq 0,05$). Результаты исследования показывают, что эффективность выполнения профессионально-психологического действия коммуникативной стороны деятельности зависит от выраженных показателей речевой активности и вербализации широкого набора коммуникативных приёмов и средств, эмоциональной сдержанности, гибкого разрешения конфликтных ситуаций.

Профессиональные тактические действия по силовому пресечению правонарушений, задержанию и сопровождению правонарушителей организационно-управленческой стороны деятельности взаимосвязаны с подвижностью ($r = 0,3$, $p \leq 0,05$), эргичностью психомоторной сферы ($r = 0,25$, $p \leq 0,05$), скоростью психомоторной сферы ($r = 0,31$, $p \leq 0,05$), смелостью ($r = 0,3$, $p \leq 0,05$), практичностью, ($r = 0,25$, $p \leq 0,05$) самоконтролем ($r = 0,32$, $p \leq 0,05$), вовлечённостью ($r = 0,28$, $p \leq 0,05$). Это указывает на то, что эффективность силовых тактических действий по задержанию правонарушителя зависит от высокой работоспособности, двигательной активности, физической пластичности, уверенности в поведении и в действиях, настойчивости, высокой скорости моторно-двигательных операций. Выполнение профессионально тактических действий организационно-управленческой стороны деятельности, связанных с применением огнестрельного оружия и специальных средств взаимосвязано с такими параметрами как жизнестойкость ($r = 0,44$, $p \leq 0,05$), нормативность ($r = 0,44$, $p \leq 0,05$), контроль ($r = 0,44$, $p \leq 0,05$), сдержанность ($r = 0,44$, $p \leq 0,05$), пластичность психомоторной сферы ($r = 0,44$, $p \leq 0,05$), эмоциональность психомоторной сферы ($r = 0,44$, $p \leq 0,05$), эмоциональная стабильность ($r = 0,44$, $p \leq 0,05$), принятие решения ($r = 0,44$, $p \leq 0,05$). Очевидно, что для правомерного применения огнестрельного оружия и специальных средств необходимы высокая стрессоустойчивость, гибкая ориентировка в ситуациях с повышенным риском, эмоциональная сдержанность, уверенность в поведении и в действиях, ответственность, стабильность, уравновешенность.

Таким образом, корреляционный анализ данных выявил высокое влияние индивидуально-психологических особенностей личности сотрудников ППС (эмоциональная устойчивость, высокий самоконтроль, бдительность, уверенность в поведении и в действиях, уравновешенность, гибкость и быстрота поведенческих реакций, навыки многовариантного разрешения конфликтных ситуаций и конфликтов, широкий набор коммуникативных приёмов и средств) на эффективное выполнение профессиональных (тактических, психологических, юридических) действий по обеспечению правопорядка в общественных местах, что подтверждает нашу гипотезу. Результаты полученного исследования актуализируют необходимость психолога в оказании помощи отдельному сотруднику и группе сотрудников полиции, а также служебному коллективу, направленной на развитие у субъектов таких индивидуально-психологических качеств, которые влияют на развитие конструктивного индивидуального стиля деятель-

ности [2, 3 и др.], а значит и на эффективность оперативно-служебных задач, направленных на обеспечение правопорядка в общественных местах, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений.

Список литературы:

1. Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы: к психологическим основам научной организации труда, учения, спорта: дисс.... доктора психологических наук. Казань, 1968. 453 с.
2. Марьин М.И., Поздняков В.М. и др. Психологическое обеспечение специального первоначального обучения: учебно-методическое пособие. Уфа: Учебный центр МВД Республики Башкортостан, 2005. 142 с.
3. Марьин М.И., Солдатова И.Ф. и др. Психологическое сопровождение деятельности сотрудников, требующих повышенного внимания: методическое пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2005. 180 с.
4. Мерлин В.С. Очерки интегрального исследования индивидуальности. М., 1986. 254 с.
5. Романов В.В. Юридическая психология: учебное пособие для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 170 с.
6. Толочек В.А. Проблема стилей в психологии: историко-теоретический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 320 с.
7. Толочек В.А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2015. 366 с.
8. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. 607 с.
9. Юридическая психология. учебник для студентов вузов / Шевченко В.М., Цветков В.Л., Ганишина И.С., Агапов В.С., Булгаков А.В., Костина Л.Н., Марьясис И.Б. М., 2020.

References:

1. Klimov E.A. Individual style of activity depending on the typological properties of the nervous system: to the psychological foundations of the scientific organization of labor, teaching, sports: diss.... Doctor of Psychological Sciences. Kazan, 1968. 453 p.
2. Maryin M.I., Pozdnyakov V.M. et al. Psychological support of special initial training: an educational and methodical manual. Ufa: Training Center of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan, 2005. 142 p.
3. Maryin M.I., Soldatova I.F. et al. Psychological support of the activities of employees requiring increased attention: a methodological guide. Moscow: Central Research Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 180 p.
4. Merlin V.S. Essays on the integral study of individuality. M., 1986. 254 p.
5. Romanov V.V. Legal psychology: textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 170 p.
6. Tolochek V.A. The problem of styles in psychology: historical and theoretical analysis. Moscow: Publishing house «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences», 2013. 320 p.
7. Tolochek V.A. Styles of activity: resource approach. M.: Publishing house of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2015. 366 p.
8. Encyclopedia of Legal psychology / under the general editorship of Prof. A.M. Stolyarenko. M.: UNITY-DANA, Law and Law, 2003. 607 p.
9. Legal psychology. textbook for university students / Shevchenko V.M., Tsvetkov V.L., Ganishina I.S., Agapov V.S., Bulgakov A.V., Kostina L.N., Maryasis I.B. M., 2020.

Жестков Александр Алексеевич,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»

e-mail: aazhestkov@yandex.ru

Zhestkov Alexander Alekseevich,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), master's student of the faculty of «Extreme Psychology»

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОСТИ ОТ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ИЗВНЕ НА СОТРУДНИКА СИЛОВЫХ СТРУКТУР

PSYCHOLOGICAL SAFETY OF A PERSON AS A BASIS OF STABILITY FROM INFORMATION-PSYCHOLOGICAL IMPACT FROM OUTSIDE ON A POWER STRUCTURES EMPLOYEE

Аннотация. В статье рассматривается проблема информационно-психологического воздействия на сотрудников силовых структур. В нынешних реалиях военных конфликтов и массовых протестных акций стали все чаще осуществляться целевые воздействия на силовые структуры, чтобы склонить их личный состав невыполнению своих обязанностей. Статья раскрывает основные методы по сохранению психологической безопасности личности от информационно-психологического воздействия извне.

Ключевые слова: психологическая безопасность личности, информационно-психологическое воздействие, устойчивость, сотрудники силовых структур.

Abstract. The article deals with the problem of information-psychological impact on employees of law enforcement agencies. In the current realities of military conflicts and mass protest actions, targeted influences on law enforcement agencies began to be carried out more and more often in order to persuade their personnel to fail to fulfill their duties. The article reveals the main methods for maintaining the psychological security of the individual from information-psychological influence from the outside.

Keywords: psychological security of the individual, information-psychological impact, stability, law enforcement officers.

Современные военные конфликты уже давно приобрели новые механизмы достижения успехов. Современные формы ведения военных операций имеют не только методы нанесения урона огнестрельным оружием, но и в глубоком тылу через информационно-психологическое воздействие (ИПВ) на индивида и социум. В процессе технологических открытий скорость распространения информации, в свою очередь, упростила воздействие на противника. Кроме того, ИПВ стало актуальным методом воздействия на сотрудников правоохранительных структур в случаях проведения протестных акций. В обоих случаях цель данного воздействия склонить сотрудников не оказывать противодействия и сменить свою позицию, встать на стороне противника или протестующего. При этом в случае с протестными акциями запускается процесс по информационно-психологическому воздействию на имидж силовых структур [3].

В психологической науке психологическую безопасность личности принято понимать, как форму защищенности личности от различных угроз. Психоло-

логическую безопасность личности можно представить в виде оболочки вокруг психологического здоровья и благополучия, которая удерживает и сохраняет от воздействия на психологическое здоровья человека. Нарушение психологического здоровья и благополучия влечет за собой развитие асоциальных и деструктивных действий [2, 4, 5 и др.].

Информационно-психологическое воздействие – это процесс информационного, психотронного или психофизического воздействия на личность, направленное на изменение как реальной картины мира, так и поведенческих функций [1]. Каждый человек – это активный социальный субъект со своим мировоззрением, обладающий определенными нормами правосознания, духовными ценностями и установками. Информационно-психологическое воздействие направлено на изменение установок, мировоззрения, норм и духовных ценностей человека, что в свою очередь подвергает личность опасности на основе возникающего дисбаланса. Данное воздействие может быть направлено не только на личность, но и на группу.

Актуальной проблемой остается устойчивость сотрудников силовых структур к информационно-психологическому воздействию извне, так как оно направлено на нарушение доверия между личным составом и командованием, институтами государства и обществом.

Анализируя феноменологию социализации личности, В.М. Поздняков обращает внимание, что системный анализ проблематики помогает определить векторы возникновения и распространения угроз от информационно-психологического воздействия. Надо учитывать и факт роста числа зарубежных СМИ и блогеров, которые ведут пропагандистскую деятельность среди разных категорий людей [5]. Доступность в современном мире из-за легкости в создании и рассылке любой информации открыли новые каналы по информационно-психологическому воздействию (рис. 1).

Информационно-психологическое воздействие имеет направленность не только на сотрудников силовых структур, а также на их близких. Они в свою очередь выступают как ретранслятор полученного информационно-психологического воздействия. Сохранение семейного благополучия и баланс дружеских отношений является архиважным для любого человека. Возможное благодаря достижениям психологии целевое, но скрытое воздействие по смене духовно-нравственных ценностей и мировоззрения одного из представителей «ближайшего окружения», что в свою очередь может нарушить баланс отношений сотрудника с ним и изменить его самого, а также вести к некачественному выполнению служебных обязанностей.

Психологический аспект восприятия недостоверной информации (фейка) молодым сотрудником обусловлен тем, что его познавательные процессы способны усваивать информацию эмоционально-клиповую, которая не усложнена и имеет понятную позицию, а поэтому воспринимается без акцентов на объективность и достоверность. При этом человек способен запомнить и принять по-

зицию той информации, которая наиболее чаще возникала в его поле зрения, чем ту, которую он услышал мимоухо. Особую роль играет первичность информации, а поэтому она в силу новизны не будет проверяться или подвергаться сомнению.

Обеспечение психологической безопасности личности и развитие устойчивости сотрудников силовых структур от информационно-психологического воздействия залог возможно только при качественной психологической и воспитательной работе со стороны специальных подразделений ведомств. Сохранение баланса доверительных и гармоничных отношений в первичных служебных коллективах является залогом качественного выполнения поставленных задач перед личным составом.

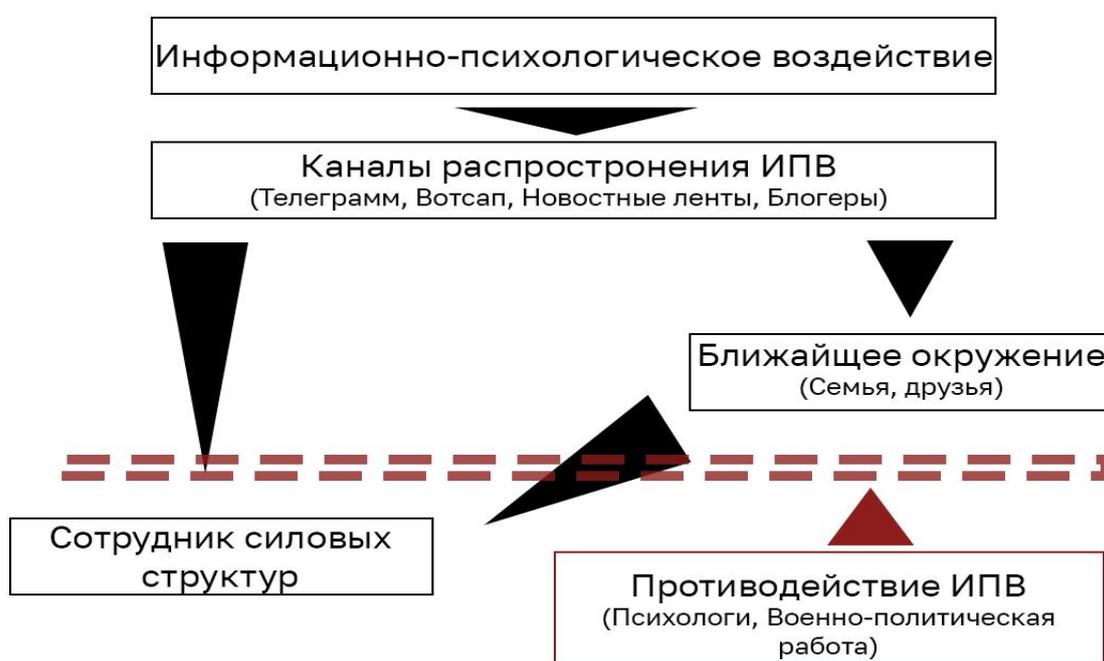

Рисунок 1 – Схема информационно-психологического воздействия на сотрудника силовых структур

Анализ научных публикаций и изучение практики силовых структур позволяет сформулировать рекомендации по работе с личным составом по противодействию информационно-психологическому воздействию и развитие психологической безопасности личности:

1. Сотрудники силовых структур должны быть специально проинформированы о возможных воздействиях на них (в т.ч. в рамках специальных информационно-психологических операций, интернет-воздействий и др.).

2. Пресечение распространения слухов. В данном случае хороши методы контраргументации и доведения официальных доказательств их опровержения.

Развитие доверия к официальным источникам (по средствам использования психологических механизмов: первоисточник, авторитетный оратор и др.).

3. Выявление личностных проблем сотрудников и их проработка с психологом поможет в усилении психологической безопасности личности.

4. Работа с семьями сотрудников силовых структур. Заключается в комплексе информационной и психологической поддержки членов семей в период длительных командировок сотрудника (участия в боевых действиях).

Таким образом, психологическая безопасность личности выступает защитной оболочкой вокруг психологического здоровья и благополучия индивида и способствует его устойчивости к информационно-психологическому воздействию извне. Только комплексная психологическая и воспитательная работа с личным составом может способствовать сохранению доверия и гармонии между сотрудниками силовых структур и начальствующим составом, силовыми ведомствами и обществом.

Список литературы:

1. Баришполец В. А. Информационно-психологическая безопасность: основные положения // Информационные технологии. 2003. Т. 3. № 2. С. 69-104.

2. Иноземцев С.В. Обеспечение психологической безопасности сотрудников органов внутренних дел // Автономия личности. 2022. № 1 (27). С. 113-117.

3. Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 3-14.

4. Петров В.Е., Ратова И.В. Некоторые психологические аспекты влияния средств массовой информации на формирование криминально-виктимного поведения личности // Актуальные проблемы деятельности участковых уполномоченных полиции: мат. «круглого стола» / сост. Е.В. Дрёмова. Домодедово, 2015. С. 51-55.

5. Поздняков В.М., Актуальные психологические проблемы информационной безопасности подрастающего поколения в эпоху цифрового общества // Экстремальная психология в экстремальном мире: Материалы II Международного научного Форума / Под ред. В.М. Позднякова, В.И. Екимовой, А.В. Кокурина, А.В. Сечко. М.: Изд-во МГППУ, 2022. С. 7-21.

References:

1. Barishpolets V.A. Information and psychological security: basic provisions // Information technologies. 2003. Vol. 3. № 2. p. 69-104.

2. Inozemtsev S.V. Ensuring the psychological safety of employees of internal affairs bodies // Autonomy of personality. 2022. № 1 (27). p. 113-117.

3. Karayani A.G., Karayani Yu.M. Information and psychological impact in the context of the strategic communications paradigm // National Psychological Journal. 2021. № 1 (41). p. 3-14.

4. Petrov V.E., Ratova I.V. Some psychological aspects of the influence of the media on the formation of criminal-victim behavior of the individual // Actual problems of the activities of district police officers: mat. «round table» / comp. E.V. Dryomova. Domodedovo, 2015. p. 51-55.

5. Pozdnyakov V.M. Actual psychological problems of information security of the younger generation in the era of digital society // Extreme psychology in an extreme world: Proceedings of the II International Scientific Forum / Ed. V.M. Pozdnyakova, V.I. Ekimova, A.V. Kokurina, A.V. Sechko. M.: Publishing house of MGPPU, 2022. pp. 7-21.

Князева Людмила Викторовна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»
e-mail: lulumart31@icloud.com

Knyazeva Lyudmila Viktorovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СПЕЦИАЛИСТОВ ОПАСНЫХ ПРОФЕССИЙ

AGE-RELATED FEATURES OF LIFE VALUES OF SPECIALISTS IN DANGEROUS PROFESSIONS

Аннотация. Статья представляет собой обзор результатов эмпирического исследования по изучению взаимосвязи альтруизма и жизненных ценностей у специалистов опасных профессий, связанных с различными типами возрастов, такими как: календарный, биологический, психологический, ожидаемый пенсионный. Было установлено, что у сотрудников опасных профессий имеется взаимосвязь, на уровне тенденции, между альтруизмом и разными видами возрастов, альтруизм положительно влияет на профессиональную деятельность, а также на физиологические аспекты жизни человека, что приводит к замедлению биопсихологического старения.

Ключевые слова: жизненные ценности, биопсихологическое старение, альтруизм, специалисты опасных профессий, ожидаемый пенсионный возраст.

Abstract. This article is a review of the results of an empirical study on the relationship between altruism and life values among specialists in dangerous professions associated with various types of ages, such as: calendar, biological, psychological, expected retirement. It was found that employees of dangerous professions have a relationship, at the level of tendency, between altruism and different types of ages, altruism has a positive effect on professional activity, as well as on the physiological aspects of human life, which leads to a slowdown in biopsychological aging.

Keywords: life values, biopsychological aging, altruism, specialists in dangerous professions, expected retirement age.

В современных условиях тема жизненных ценностей обладает большой значимостью, особенно для специалистов опасных профессий, имеющих особые жизненные приоритеты, заключающиеся в специфике их профессиональной деятельности [8, 9, 12, 13 и др.].

Психологические особенности специалистов опасных профессий связаны с многочисленными факторами и критериями психики и напрямую зависят от вида их деятельности и возрастных изменений, имеющих свою нагрузку и риски и характеризующиеся высоким напряжением адаптационно-приспособительных мер, а при выходе за пределы этой нагрузки возможно наступление этапа неустойчивой психической деятельности, определяющего предел эффективной работоспособности, которая хорошо просматривается в динамики жизненных ценностей и ее возрастных тенденциях [3].

Возрастные аспекты динамики идут в аспекте календарного, биологического, психологического и ожидаемого пенсионного возраста, обозначив динамические изменения жизненных ценностей, смысложизненных ориентаций и

всей динамики развития смыслов в целом и на продолжении всей жизни индивида. Динамика, несомненно, зависит от взросления человека. В траектории развития личности демонстрируются различные факторы, способствующие приобретению навыков, связанных с адаптацией на каждом жизненном этапе [2].

У специалистов опасных профессий специфика профессиональной деятельности связана с работой в экстремальных условиях, которая сопровождается максимальной мобилизацией физических и психических ресурсов субъекта [5]. Наряду с высокими биопсихологическими показателями здоровья специалистов, входящих в состав их стрессоустойчивости как представителей опасных профессий, выявляется связь человеческой духовности и ее роль в формировании зрелой, психологически здоровой личности. Духовность, в свою очередь, часто связана с альтруистическими свойствами личности, т.к. им свойственно наличие развитого чувства долга, разумность и совесть, открытость и уживчивость, свобода от зависти; благожелательность; стремление к стабильности в отношениях с людьми [7].

Теоретический экскурс показал, что высоконравственные духовные ценности и альтруизм оказывают не только положительное влияние на формирование личности, ее поведение и психологическую защищенность, а также имеют положительное влияние на физиологические аспекты жизни человека, чем делает жизненный уровень человека выше [13].

Цель исследования – изучить состояния жизненных ценностей у сотрудников опасных профессий в ракурсе возрастных ориентаций личности (календарных, биологических, психологических и ожидаемым пенсионным возрастом), опирающихся на специфические условия опасных профессий.

Применялись следующие методики исследования: методика Шестуна «Иерархия личности» [11], методика диагностики личностной установки «Альтруизм-эгоизм» [6], методика «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» [6], методика «Определение биологического возраста по В.П. Войтенко» [10], самооценка субъективного психологического возраста по К.А. Абульхановой и Т.Н. Березиной, разработанная на основе концепции личностной организации времени К.А. Абульхановой [1], шкала «Ожидаемый пенсионный возраст» Т.Н. Березиной [4].

Испытуемые: магистранты и психологи-выпускники 23 человек (4 женщин и 19 мужчин; возрастной диапазон от 22 до 55 лет). Для проверки гипотезы исследования были использованы обработка результатов эмпирического исследования с помощью программ IBM SPSS Statistics 21 с применением корреляции Спирмена, обработка результатов Microsoft Excel, методы описательной статистики.

В результате исследования изучена взаимосвязь между жизненными ценностями и возрастными особенностями личности специалистов опасных профессий (табл. 1).

Изучая возрастные особенности жизненных ценностей специалистов опасных профессий, мы обнаружили взаимосвязи структурных ценностных ориентаций и доминирующей тенденции в личностной иерархии ценностей с

возрастом испытуемых. Сильные корреляционные связи были обнаружены между возрастом респондентов и структурными ценностными ориентациями (видами ценностей): прямая – «Помощь и милосердие к другим людям» ($p \leq 0,05$) и обратная – «Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе» ($p \leq 0,05$).

Таблица 1 – Сведения о корреляции между возрастными показателями и жизненными ценностями специалистов опасных профессий

Общая группа	Календарный возраст	Самооценка субъективного психологического возраста
Приятное времяпрепровождение, отдых	-0,445*	
Помощь и милосердие к другим людям	0,594**	
Высокий социальный статус и управление людьми		
Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе	-0,599**	
Экзистенциальная сфера (духовный уровень)		
Экзистенциальная сфера (душевный уровень)		0,449*
Экзистенциальная сфера (телесный уровень)	-0,474*	
Семейная сфера (душевный уровень)	-0,491*	
Свободное время, отдых (телесный уровень)	-0,448*	

Примечание: * – различия статистически достоверны ($p < 0,01$);
** – различия на уровне тенденции ($p < 0,05$).

Установлена обратная связь на уровне тенденции возраста с приятным времяпрепровождением, отдыхом ($p \leq 0,05$). Чем старше специалисты опасных профессий, тем реже в их структуре ценностей встречается приятное времяпрепровождение. Обратные связи на уровне тенденции обнаружены между возрастом респондентов и сферами жизнедеятельности: «Экзистенциальная сфера (телесный уровень)» ($p \leq 0,05$); «Семейная сфера» (душевный уровень, $p \leq 0,05$); «Свободное время, отдых (телесный уровень)» ($p \leq 0,05$). Обнаружена связь на уровне тенденции между самооценкой субъективного психологического возраста и экзистенциальной сферой жизнедеятельности (душевный уровень) ($p \leq 0,05$).

Проведен корреляционный анализ альтруизма и эгоизма с личностными характеристиками в общей группе (табл. 2). Установлены сильные прямые и обратные связи структурных ценностных ориентаций и доминирующей тенденцией в личностной иерархии ценностей со значениями альтруизма. Прямые, достоверные связи альтруизма отмечены со следующими шкалами: «Помощь и милосердие к другим людям» ($p \leq 0,01$); «Духовный уровень» ($p \leq 0,01$); «Духовный уровень в (экзистенциальной, семейной сферах, отношении к людям и ценностях)» ($p \leq 0,01$). Обнаружены прямые связи на уровне тенденции альтруизма с индикаторами: «Любовь» ($p \leq 0,05$); «Общение (духовный уровень)» ($p \leq 0,05$).

Статистически значимыми обратными оказались корреляционные связи альтруизма с такими шкалами как: «Приятное времяпрепровождение, отдых»

($p \leq 0,01$); «Телесный уровень» ($p \leq 0,01$); «Телесный уровень в (экзистенциальной, семейной сферах, отношении к людям, общении и ценностях)» ($p \leq 0,01$); «Семейная сфера (душевный уровень)» ($p \leq 0,01$). Существуют обратные связи на уровне тенденции альтруизма с показателями: «Высокий социальный статус и управление людьми» ($p \leq 0,05$); «Здоровье» ($p \leq 0,05$).

Таблица 2 – Корреляция альтруизма-эгоизма с личностными характеристиками

Общая группа	Альтруизм
Приятное времяпрепровождение, отдыха	-0,569**
Помощь и милосердие к другим людям	0,844**
Любовь	0,468*
Высокий социальный статус и управление людьми	-0,419*
Здоровье	-0,453*
Духовный уровень	0,633**
Телесный уровень	-0,659**
Экзистенциальная сфера (духовный уровень)	0,546**
Экзистенциальная сфера (телесный уровень)	-0,624**
Семейная сфера (духовный уровень)	0,653**
Семейная сфера (душевный уровень)	-0,543**
Семейная сфера (телесный уровень)	-0,649**
Отношение к людям (духовный уровень)	0,594**
Отношение к людям (телесный уровень)	-0,533**
Общение (духовный уровень)	0,523*
Общение (телесный уровень)	-0,630**
Ценности (духовный уровень)	0,553**
Ценности (телесный уровень)	-0,529**

Примечание: * – различия статистически достоверны ($p < 0,01$);
** – различия на уровне тенденции ($p < 0,05$).

После анализа результатов общей группы был проведен корреляционный анализ в женской группе (табл. 3).

В группе женщин выявлена обратная достоверная связь между календарным возрастом и социальной активностью для достижения позитивных изменений в обществе ($p < 0,01$), что свидетельствует о том, что на достоверном уровне с возрастом у женщин социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе падает.

На уровне достоверности обнаружены прямые и обратные связи с возрастом в следующих структурных ценностных ориентациях ($p < 0,05$): «Помощь и милосердие к другим людям»; «Альтруизм-эгоизм»; «Семейная сфера (душевный уровень)».

Существует прямая взаимосвязь между биологическим возрастом и душевным уровнем экзистенциальной сферы ($p < 0,05$), т.е. у представительниц опасных профессий, сосредоточенных на душевных проблемах, биологический возраст повышен, или наоборот, повышение биологического возраста заставляет человека обратить внимание на экзистенциальную сторону жизни. Также имеется связь между структурой ценностей (душевный уровень) и ожидаемым

пенсионным возрастом ($p < 0.05$) на уровне тенденции, что означает, чем выше значение ценностной сферы жизнедеятельности (душевный уровень) и больше внимания уделяется социальным контактам, интеллектуальному развитию и эмоциональной жизни человека, тем выше они выбирают для себя значение ожидаемого пенсионного возраста. Выявлена обратная взаимосвязь между альтруизмом и индексом биологического старения существует на уровне тенденции ($p < 0.1$), Это показывает, чем выше показатели альтруизма, тем сильнее замедляется старение.

Таблица 3 – Корреляционный анализ связей с индексами возрастов в женской группе

Показатель	КВ	БВ	ОПВ	БВ-ДБВ	ПВ-КВ	ПБЗ
Помощь и милосердие к другим людям	0,513*	0,030	0,239	-0,328	-0,102	0,135
Социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе	-0,766**	-0,143	0,004	0,418	0,259	-0,105
Альтруизм	0,488*	-0,280	0,286	-0,379'	0,055	0,259
Душевный уровень. Экзистенциальная сфера	0,260	0,499*	0,073	-0,240	0,326	0,417
Семейная сфера (душевный уровень)	-0,502*	0,073	-0,003	0,357	0,300	0,023
Ценности (душевный уровень)	-0,152	0,066	0,518*	0,184	0,040	-0,121

Примечание: * – различия статистически достоверны ($p < 0,01$);

** – различия на уровне тенденции ($p < 0,05$).

КВ – Календарный возраст, БВ – Биологический возраст, ОПВ – Ожидаемый пенсионный возраст, БВ-ДБВ – индекс биологического старения, ПВ-КВ – Индекс психологического старения, ПБЗ – Психобиологическая личностная зрелость.

Связей с индексом психологического старения, а также с психобиологической личностной зрелостью не обнаружены.

Таким образом, в исследовании установлено, что имеется связь человеческой духовности и ее роль в формировании зрелой, психологически здоровой личности, высоконравственные духовные ценности оказывают положительно влияние на физиологические аспекты жизни человека, что делает жизненный уровень человека социализированнее. Духовность часто сопровождается альтруистическими свойствами личности, т.к. свойственно наличие развитого чувства долга, разумность и совесть, открытость и уживчивость, свобода от зависти; толерантность; благожелательность; стремление к стабильности в отношениях с людьми [12].

Гипотеза исследования подтвердилась: существует взаимосвязь на уровне тенденции между альтруизмом и жизненных ценностей с видами разных возрастов сотрудников опасных профессий, влияющих положительно на профессиональную деятельность, однако требует дальнейшего изучения для выявления большей связи.

Поддержка гранта: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00058-П.

Список литературы:

1. Альбуханова К.А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28-29 января 2002 года. М.: Институт психологии РАН, 2002. С. 88-103.
2. Березина Т.Н., Чумакова Е.А. Биологический возраст как предиктор успешности пенсионной реформы в России // Человек в современном мире: идентичность и межкультурная коммуникация. Материалы международной научной конференции / Сост., ред. Н.Б. Михайлова, И.Э. Соколовская. Дюссельдорф, Германия, 2019.
3. Березина Т.Н., Екимова В.И., Кокурин А.В., Орлова Е.А. Экстремальный образ жизни как фактор ее индивидуальной продолжительности // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 70-78.
4. Березина Т.Н., Рыбцов С.А. Влияние карантина на показатели биопсихологического возраста в России (лонгитюдное исследование) // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 57-69. DOI:10.17759/jmfp.2021100106.
5. Бовин Б.Г., Марьин М.И., Кокурин А.В. и др. Экстремальная психология в особых условиях деятельности. М.: Академия Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2015. 514 с.
6. Козлов В.В., Мазилев В.А., Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Институт психотерапии и клинической психологии, 2019. 720 с.
7. Котенева А.В. Духовные ценности как фактор психологической защищенности личности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2008. № 4. С. 38-44.
8. Котенева А.В., Кобзарев С.А. Особенности ценностно-смысловой сферы спасателей с разным уровнем профессиональной социально-психологической адаптации // Социальная психология и общество. 2019. № 10 (1). С. 35-52.
9. Мальцева Т.В., Поздняков В.М. Взаимосвязь субъективной жизнеспособности и биопсихологического возраста у руководителей территориальных органов внутренних дел // Международная коллективная монография под редакцией Т.Н. Березиной. СПб.: Изд-во ООО «Академия им. Н.Е. Жуковского», 2021. С. 83-102.
10. Маркина Л.Д. Определение биологического возраста человека методом В.П. Войтенко. Владивосток, 2001. 29 с.
11. Шестун Е.В., Морозова Е.А., Подоровская И.А. и др. Возможности диагностики личностных уровней с помощью методики «иерархии личности» // Психологическая наука и образование. 2010. № 1. С. 69-81.
12. Шеховцева Т.С. Взаимосвязь жизненных ценностей и темпов психологического старения у сотрудников силовых структур // Молодой ученый. 2020. № 20 (310). С. 657-659.
13. Wong C.M., Chan W.M., Yang L. et al. Effect of lifestyle factors on risk of mortality associated with influenza in elderly people // Hong Kong Med J. 2014. Vol. 20, Iss. 6. pp. 516-519.

References:

1. Albukhanova K.A. Social thinking of personality // Modern psychology: state and prospects of research, Materials of the anniversary scientific conference of IP RAS, January 28-29, 2002. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2002. pp. 88-103.
2. Berezina T.N., Chumakova E.A. Biological age as a predictor of the success of pension reform in Russia // Man in the modern world: identity and intercultural communication. Materials of the international scientific conference / Comp., ed. N.B. Mikhailova, I.E. Sokolovskaya. Dusseldorf, Germany, 2019.
3. Berezina T.N., Ekimova V.I., Kokurin A.V., Orlova E.A. Extreme lifestyle as a factor of its individual duration // Psychological Journal. 2018. Vol. 39. № 3. pp. 70-78.
4. Berezina T.N., Rybtsov S.A. The effect of quarantine on indicators of biopsychological age in Russia (longitudinal study) // Modern foreign psychology. 2021. Vol. 10. № 1. pp. 57-69. DOI:10.17759/jmfp.2021100106.

5. Bovin B.G., Maryin M.I., Kokurin A.V. et al. Extreme psychology in special conditions of activity. M.: Academy of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, 2015. 514 p.
6. Kozlov V.V., Mazilov V.A., Fetiskin N.P. Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups. Moscow: Institute of Psychotherapy and Clinical Psychology, 2019. 720 p.
7. Koteneva A.V. Spiritual values as a factor of psychological security of the individual // Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. 2008. № 4. pp. 38-44.
8. Koteneva A.V., Kobzarev S.A. Features of the value-semantic sphere of rescuers with different levels of professional socio-psychological adaptation // Social psychology and society. 2019. № 10 (1). pp. 35-52.
9. Maltseva T.V., Pozdnyakov V.M. The relationship of subjective viability and biopsychological age in the heads of territorial internal affairs bodies // International collective monograph edited by T.N. Berezina. St. Petersburg: Publishing House of the N.E. Zhukovsky Academy LLC, 2021. pp. 83-102.
10. Markina L.D. Determination of the biological age of a person by the V.P. Voitenko method. Vladivostok, 2001. 29 p.
11. Shestun E.V., Morozova E.A., Podorovskaya I.A. etc. Possibilities of diagnostics of personal levels using the methodology of «hierarchy of personality» // Psychological science and education. 2010. № 1. pp. 69-81.
12. Shekhovtseva T.S. The relationship of life values and the pace of psychological aging among law enforcement officers // Young scientist. 2020. № 20 (310). pp. 657-659.
13. Wong C.M., Chan W.M., Yang L. et al. Effect of lifestyle factors on risk of mortality associated with influenza in elderly people // Hong Kong Med J. 2014. Vol. 20, Iss. 6. pp. 516-519.

Костина Любовь Николаевна,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия), начальник кафедры психологии, доктор психологических наук, профессор
e-mail: kostin62@mail.ru

Kostina Lyubov Nikolaevna,

Moscow University Russian interior Ministry named V.Ya. Kikot (Moscow, Russia), head of the department of psychology, doctor of psychological sciences, professor

Егоров Артур Алексеевич,

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия), курсант
e-mail: art.scorpion247@gmail.com

Egorov Artur Alekseevich,

Moscow University Russian interior Ministry named V.Ya. Kikot (Moscow, Russia), cadet

**РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОЛЬНОЙ ПСИХИЧЕСКОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ
СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ДЕЙСТВИЯ**

**DEVELOPMENT OF ARBITRARY MENTAL SELF-REGULATION OF POLICE
OFFICERS AS A PROFESSIONAL PSYCHOLOGICAL ACTION**

Аннотация. В статье на основе обобщения научных подходов и специфики деятельности сотрудников полиции определяется понятие «произвольная психическая саморегуля-

ция сотрудников полиции». Раскрываются основные принципы, психологические методы и приемы развития психической произвольной саморегуляции. Приведены предварительные данные пилотажного исследования.

Ключевые слова: профессиональная (служебная) деятельность, произвольная психическая саморегуляция, профессионально-психологическое действие, психологические методы и приемы.

Abstract. The article defines the concept of «arbitrary mental self-regulation of police officers» based on the generalization of scientific approaches and the specifics of the activities of police officers. The basic principles, psychological methods and techniques of the development of mental voluntary self-regulation are revealed. The preliminary data of the pilot study are given.

Keywords: professional (official) activity, voluntary mental self-regulation, professional and psychological action, psychological methods and techniques.

Актуальность темы связана с экстремальным характером профессиональной служебной деятельности сотрудников полиции и как следствие необходимостью развития у них навыков произвольной психической саморегуляции с целью повышения эффективности решения оперативно-служебных задач. Значимость исследования обусловлена тем, что в настоящее время сотрудники полиции наряду с другими представителями силовых структур выполняют обязанности в служебных командировках в особых условиях, связанных с применением оружия, наличием постоянного стрессового воздействия и др. [5]. В этой связи возрастает необходимость проведения усиленной психологической работы с личным составом, направленной на развитие у сотрудников полиции произвольной психической саморегуляции [3].

А.В. Алексеевым под произвольной психической саморегуляцией понимается «...воздействие человека на самого себя с помощью слов и соответствующих мысленных образов» [1, С. 13]. По мнению Б.В. Зейгарник, саморегуляция есть сознательный процесс, который направлен на управление своим поведением. Подчеркивая произвольный характер психической саморегуляции, А.Ю. Федотов указывает на «произвольное воздействие на функции организма в целях использования глубинных психофизических резервов в профессиональном контексте» [7, С. 76]. Рассматривая психическую саморегуляцию как способности, В.И. Моросанова отмечает, что человек осознанно и целенаправленно регулирует свое поведение и пропорциональную представленность различных функций, искусственно трансформируя процесс осознания себя [4, С. 389].

В отечественной психологической науке благодаря исследованиям выделены следующие характеристики произвольной психической саморегуляции: произвольность процесса, его подконтрольность сознанию человека; прогностическая функция саморегуляции; установка целей деятельности, систем ценностей; повышение психофизиологической реактивности. В исследовании Н.А. Котелевцева указываются и другие признаки произвольной психической саморегуляции: способность и склонность думать, прежде чем действовать – держать под контролем свои импульсивные, рефлексорные реакции, эмоции и действия, и вести себя с сознательным учетом общей ситуации; способность переключать свое внимание между задачами и легко приспосабливаться к мно-

жеству различных, внезапных, а иногда и конкурирующих требований работы [2, С. 120].

Анализируя место произвольной саморегуляции в профессиональной служебной деятельности сотрудников полиции, обратимся к психолого-феноменологическому подходу к описанию психологических единиц и структуры действий, разработанному в 1980-е годы психологами Академии МВД СССР Н.Р. Битяновой, В.А. Даниловым, М.Г. Дебольским, А.И. Папкиным, И.Б. Пономаревым, А.М. Столяренко. Согласно данному подходу, профессиональная служебная деятельность сотрудников полиции может быть представлена как совокупность профессиональных действий [8, С. 285]. Одним из таких видов действий выступают профессионально-психологические действия, которые осуществляет сотрудник полиции при помощи психологических приемов и средств для достижения психологических целей. Полагаем, что произвольная психическая саморегуляция может быть отнесена к профессионально-психологическим действиям.

Обобщение научных исследований Л.П. Гримака, В.И. Моросановой А.С. Ромена, А.Ю. Федотова и др., а также использование психолого-феноменологического подхода позволяет сформулировать определение произвольной психической саморегуляции сотрудников полиции как профессионально-психологического действие в форме вербального и образного самовоздействия, направленного на формирование комплекса произвольных и непроизвольных реакций организма, связанных с оптимизацией его приспособления к изменяющимся и особым условиям профессиональной служебной деятельности.

Для развития навыков произвольной психологической саморегуляции, подчеркнём индивидуально выраженный характер применительно для каждого сотрудника. В этой связи согласимся с мнением А.Ю. Федотова о том, что в такой работе по развитию произвольной психической саморегуляции необходимо соблюдение основных принципов, на которых базируются психотехнологии: психофизиологической активности, согласованности работы с образом и его физиологическими детерминантами (дыхание, мускулатура и др.), множественной регулируемости элементарных функций, принцип обратной связи, поиска и отбора оптимальной личностно-ориентированной модели включения функциональных систем, динамичности и специфичности процессов психической саморегуляции, целесообразности, постоянства и постепенности [7].

Высокий уровень развития произвольной психической саморегуляции как одного из профессионально-психологических действий помогает сотруднику полиции снять эмоциональное напряжение, возникшее в рабочее время, подавить чувство страха и неуверенности, сконцентрировать внимание и мобилизовать все силы для выполнения поставленных служебных задач, контролировать и создавать максимально благоприятные психологические предпосылки для успешного выполнения служебной деятельности и обеспечивать перехода к расслаблению и отдыху по завершении службы. Произвольная психологическая саморегуляция помогает сотруднику полиции эффективно выполнять свою деятельность, сохраняя свое психическое и физическое здоровье. Развитие такого

навыка на личном уровне помогает добиться значительных успехов в своей работе [6, С. 65].

Осознавая важность целенаправленного развития у сотрудников полиции произвольной психической саморегуляции, нами начато пилотажное исследование, в котором приняли участие 14 курсантов образовательной организации МВД России. Данную группу мы разделили на два лагеря (группы) по 7 респондентов в каждой. В одной группе респонденты активно использовали методику психологической саморегуляции перед выходом на огневой рубеж. В другой респонденты не использовали данный метод, не настраивали себя морально и физически не подготавливали к огневому рубежу. Данное деление было сделано сознательно, для демонстрации эффективности методики саморегуляции на контрастных результатах двух групп.

Предварительно курсанты-участники первой экспериментальной группы были обучены методам и приёмам произвольной психической саморегуляции (нервно-мышечной релаксации, идеомоторной тренировке, регуляции дыхания, управлению вниманием, визуализации, самовнушению). Предварительные данные исследования показывают, что участники экспериментальной группы, использующие методы и приёмы психической произвольной саморегуляции, достигают более высоких результатов на занятиях по огневой подготовке, в отличие от участников второй контрольной группы, которые их не применяют.

Таким образом, произвольная психическая саморегуляция сотрудников полиции как профессионально-психологическое действие, являясь составной частью профессиональной служебной деятельности, развивается с помощью указанных принципов, психологических методов и средств. Работа по развитию произвольной психической саморегуляции - долгий и продолжительный труд, требующий целеустремленности, приверженности, саморефлексии со стороны тренера (психолога), так и сотрудников полиции. Результатами такой работы могут стать позитивные изменения в психоэмоциональной сфере, наблюдательности и мышлении сотрудников полиции, оптимальное приспособление к изменяющимся и особым условиям, повышение эффективности профессиональной служебной деятельности.

Список литературы:

1. Алексеев А.В. Преодолей себя! Психологическая подготовка в спорте. М.: Феникс, 2006. 186 с.
2. Котелевцев Н.А. Психическая саморегуляция. Учебник для вузов. М.: ЮРАЙТ, 2020. 213 с.
3. Марьин М.И., Мальцева Т.В. и др. Психологическая подготовка сотрудников полиции к профессиональной деятельности: учебно-методическое пособие. Руза: Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2014. 195 с.
4. Моросанова В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека. М.: Наука, 2010. 519 с.
5. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
6. Решетников М.М. Психическая саморегуляция. Первая и вторая ступени. Учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. М.: ЮРАЙТ, 2018. 238 с.

7. Федотов А.Ю. Произвольная психическая саморегуляция в деятельности сотрудников органов внутренних дел: Монография. М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. 134 с.

8. Энциклопедия юридической психологии / Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. 607 с.

References:

1. Alekseev A.V. Overcome yourself! Psychological training in sports. Moscow: Feniks publ., 2006, 186 p. (in Russian).

2. Kotelevtsev N.A. Mental self-regulation. Textbook for universities. Moscow: YURAYT publ., 2020, 213 p.

3. Maryin M.I., Maltseva T.V. et al. Psychological training of police officers for professional activities: an educational and methodological guide. Ruza: Moscow regional branch of the Moscow University of the Ministry of internal affairs of Russia, 2014. 195 p.

4. Morosanova V.I. self-regulation and human individuality. Moscow: Nauka publ., 2010, 519 p.

5. Psychology of official activity: textbook and workshop for universities / A.V. Kokurin [et al.]; under the general editorship of A.V. Kokurin, V.E. Petrov, V.I. Ekimova, V.M. Pozdnyakov. M.: Yurayt Publishing House, 2020. 375 p.

6. Reshetnikov M.M. Mental self-regulation. First and second steps. Textbook for Bachelor's, specialty and master's degrees. Moscow: YURAYT publ., 2018. 238 p.

7. Fedotov A.Yu. Voluntary mental self-regulation in the activities of employees of internal affairs bodies: monograph. Moscow: Moscow Ministry of internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, 2019. 134 p.

8. Encyclopedia of legal psychology / Pod obshchestvo. edited by Prof. A.M. Stolyarenko. Moscow: Unity-Dana, zakon i pravo publ., 2003. 607 p.

Петров Владислав Евгеньевич,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), доцент кафедры научных основ экстремальной психологии, Институт экономики и культуры (г. Москва, Россия), заведующий кафедрой общей и организационной психологии, кандидат психологических наук, доцент
e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Petrov Vladislav Evgenyevich,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Associate Professor of the Department of scientific foundations of extreme psychology, Institute of Economics and Culture, (Moscow, Russia), Head of the Department of General and Organizational Psychology, Ph.D., associate professor

ВЛИЯНИЕ ВИКТИМНОСТИ К ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О МИРОТВОРЧЕСТВЕ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

THE IMPACT OF VICTIMIZATION TO INFORMATIONAL AND PSYCHOLOGICAL IMPACT ON THE DECISION-MAKING ON PEACEMAKING AMONG MILITARY PERSONNEL

Аннотация. Статья посвящена экспресс-исследованию проблематики влияния виктимности военнослужащих к информационно-психологическому воздействию на принятие

решения о миротворчестве. Путем применения анкетного опроса и психологического тестирования по двум авторским методикам установлено, что чем выше потребность индивида в получении разнообразной информации и чувствительность к соответствующему стрессу, тем в большей степени выражено у него просоциальное поведение как основа выбора миротворческих тенденций. Альтруизму в поведении человека препятствует информационная разборчивость или критичность оценки происходящего в противовес чувствительности к информационному стрессу. Личностный выбор как действие потенцируется напряженностью конфликта ценностей при стрессе. Материал направлен на совершенствование психологической работы с представителями силовых ведомств.

Ключевые слова: миротворчество, волонтерство, виктимность, информационно-психологическое воздействие, личностный выбор, экстремальность.

Abstract. The article is devoted to the express study of the problems of the influence of victimization of military personnel to information and psychological impact on the decision-making on peacemaking. By applying a questionnaire survey and psychological testing using two author's methods, it was found that the higher the individual's need for a variety of information and sensitivity to the corresponding stress, the more pronounced his prosocial behavior is as the basis for choosing peacemaking tendencies. Altruism in human behavior is hindered by information intelligibility or criticality of the assessment of what is happening, as opposed to sensitivity to information stress. Personal choice as an action is potentiated by the intensity of the conflict of values under stress. The material is aimed at improving psychological work with representatives of law enforcement agencies.

Keywords: peacemaking, volunteering, victimization, informational and psychological impact, personal choice, extremity.

Проблематика участия военнослужащих и представителей силовых ведомств в различных миротворческих миссиях стоит достаточно остро. Одним из краеугольных является психологический аспект. Мотивирование или принуждения участия в добровольчестве, стимулирование выполнения задач в особых (осложненных) условиях, оценка профессиональной пригодности к деятельности и прогнозирование девиантных форм поведения, формы и методы оказания психологической помощи сотрудникам – далеко не исчерпывающий перечень проблемных вопросов выбора миротворчества в качестве сферы приложения сил (деятельности). Свою лепту в решение актуальных проблем миротворчества вносит информационная сфера – пропаганда, агитация, психологическое воздействие, фейковая реальность, информационно-психологическая война [1, 2, 3, 4, 8 и др.] и др. При кажущейся очевидности взаимосвязи информационно-психологической виктимности человека и выбора того или иного вида экстремальной деятельности, заявленные вопросы не исследованы в полной мере, не отвечают запросам современной психопрактики.

Принятие решения об участии в миротворчестве (добровольчество) – это личностный выбор человека, детерминированный множеством факторов, в первую очередь, характеристиками ценностно-мотивационной, когнитивной и эмоционально-волевой сфер. Важен как образ феноменологии миротворчества, его соответствия системе ценностей человека, так и информационная вооруженность (просвещенность) личности, переживания в связи с выбором. По своей сути индивид решает для себя важнейшую экзистенциальную проблему, проблему идентичности и самооценки. Именно на изучение особенностей влияния виктимности к информационно-психологическому воздействию на приня-

тие решения о миротворчестве у военнослужащих было направлено настоящее экспресс-исследование.

В исследовании 2022 года приняло участие 24 человека (23-38 лет, мужчины; 12 курсантов 5 курса Военного университета Минобороны России, 12 человек, мобилизованных для участия в специальной военной операции). Валидных протоколов оказалось 22 единицы. Обработка сведений основывалась на частотном и корреляционном (по Ч. Спирмену) анализах.

Исследовательский инструментарий предполагал применение анкеты самооценки миротворческих тенденций (формировался интегральный показатель степени выраженности принятия решения о миротворчестве) и психологическое тестирование по двум авторским методикам. Методика оценки информационной стресс-толерантности [7] предусматривала измерение семи важнейших показателей, связанных с информационно-психологическим воздействием: «Инфо-активность», «Инфо-скептицизм», «Инфо-неразборчивость», «Сензитивность к информационному стрессу», «Генерация стрессогенной информации», «Стресс-регуляция поведения», «Напряженность конфликта ценности при стрессе». Опросник оценки склонности к миротворческой (волонтерской) деятельности [5, 6] позволяет изучить такие парциальные характеристики как «Альтруизм», «Просоциальное поведение» и «Деятельностная направленность». Все показатели переводились в шкалу станайн.

Таблица 1 – Корреляты системы «Информационно-психологическое воздействие – миротворчество (волонтерство)»

Параметр	Альтруизм	Просоциальное поведение	Деятельностная направленность	Решение о миротворчестве
Информационная активность	-	0,538*	-	-
Информационный скептицизм	-	-	- 0,490*	- 0,661**
Информационная неразборчивость	0,467*	-	-	-
Генерация стрессогенной информации	-	-	- 0,443*	- 0,487*
Стресс-регуляция поведения	-	-	-	-
Напряженность конфликта ценности при стрессе	-	-	-	0,692**
Сензитивность к информационному стрессу	0,783**	0,455*	-	-

Примечание: * - значимость на уровне 0,05; ** - значимость на уровне 0,01.

Корреляционный анализ эмпирических данных на относительно небольшой выборке испытуемых (22 чел.) установил потенциальное влияние информационно-психологического воздействия на личностный выбор военнослужащего в части принятия решения об участии в миротворческой военной операции. Общий механизм принятия личностью экзистенциального решения следующий (табл. 1): информационное поле, связанное с происходящими событиями, вызывает у личности существенный эмоциональный отклик и рост психологической напряженности; воздействие преломляется сквозь призму личностных особенностей, в основе которых лежит критичность мышления, скептицизм,

сензитивность к стрессу, информационная активность, система ценностей; стрессогенность событий и конфликт ценностей личности потенцирует личностный выбор в пользу миротворчества.

Влияние информационных потоков изучалось в контексте их восприятия личностью. Так, установлено, что чем выше потребность индивида в получении разнообразной информации и сензитивность к соответствующему стрессу, тем в большей степени выражено у него просоциальное поведение ($R_s=0,538$; $R_s=0,455$; $p=0,05$) как основа выбора миротворческих тенденций. Альтруизму в поведении человека препятствует информационная разборчивость или критичность оценки происходящего ($R_s=0,467$; $p=0,05$) в противовес сензитивности к информационному стрессу ($R_s=0,783$; $p=0,01$).

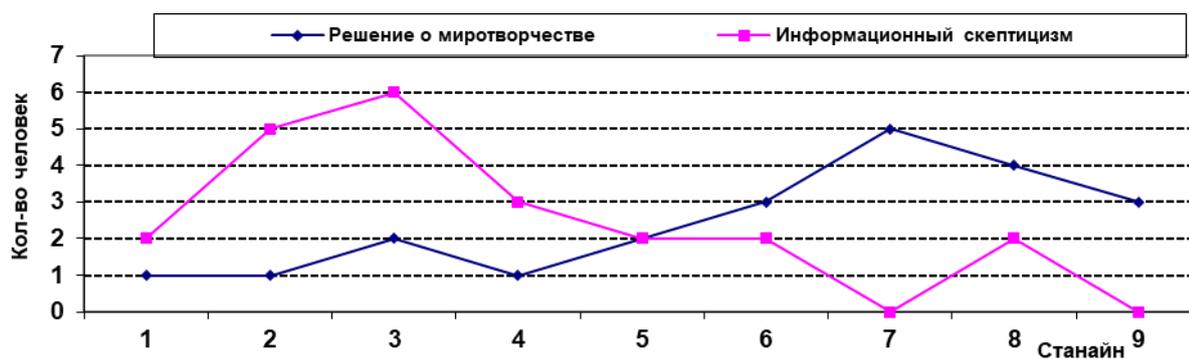

Рисунок 1 – Распределение показателей «Решение о миротворчестве» и «Информационный скептицизм»

Личностный выбор как действие потенцируется напряженностью конфликта ценностей при стрессе ($R_s=0,692$; $p=0,01$), но имеет обратную корреляцию с информационным скептицизмом ($R_s=-0,661$; $p=0,01$) и генерацией стрессогенной информации ($R_s=-0,487$; $p=0,05$). Подобная зависимость наглядно может быть иллюстрирована на графиках распределения показателей (Рис. 1).

Несмотря на определенные исследовательские ограничения (малый объем выборки; в работе не учитывалась степень и характер информационно-психологического воздействия) полученные результаты указывают на существенное влияние виктимности к информационно-психологическому воздействию на принятие решения о миротворчестве у военнослужащих. Однако информационно-психологическое воздействие не определяется только лишь его интенсивностью, но и смысловой нагрузкой, реагируя на которую личность делает выбор. Можно предположить, что при одноразмерном информационно-психологическом воздействии окажется решающим, например, степень развитости критичности и гибкости мышления (т.е. человек не просто воспринимает информацию, а сопоставляет её со сведениями, полученными из разных источников, выявляет противоречия и неточности, не допускает обмана или манипуляций).

Результаты научного исследования позволяют совершенствовать систему психологической поддержки специальных (миротворческих, волонтерских и др.) операций, оптимизировать информационно-разъяснительную и пропагандистскую работу с гражданами, уточнить критерии психологической готовности военнослужащих к выполнению задач в особых условиях. Подтверждены

хорошие психометрические характеристики инновационного диагностического инструментария оценки информационной стресс-толерантности и склонности к волонтерской деятельности. В конечном счете, внедрение предлагаемого подхода ориентировано на совершенствование мероприятий профотбора и сопровождения деятельности личного состава силовых ведомств.

Список литературы:

1. Баранов Е.Г. Информационно-психологическая устойчивость личности: сущность и психологическое содержание // Теоретическая и экспериментальная психология. Vol. 10. № 1. 2017. С. 58-64.
2. Караяни А.Г. Информационно-психологическое противоборство в современной войне: учебное пособие. М.: Военный университет, 1997. 64 с.
3. Касюк А.Я. Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. № 1 (842). 2021. С. 22-34.
4. Минаев В.А., Дворянкин С.В. Моделирование динамики информационно-психологических воздействий на массовое сознание // Вопросы кибербезопасности. № 5 (18). 2016. С. 56-64.
5. Петров В.Е. Оценка склонности к волонтерству у сотрудников силовых ведомств // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы: V Межд. конф.: сб. науч. тр. / Сост. А.В. Кравченко. М.: Московский университет МВД России им В.Я. Кикотя, 2021. С. 268-271.
6. Петров В.Е. Психологическая проблематика деятельности миротворческого контингента // Прикладная психология и педагогика. Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М». 2018. Т. 3. № 4. С. 95-100. DOI: 10.12737/article_5c0814a6d18492.11270296.
7. Психологическая диагностика информационной стресс-толерантности военнослужащих (INFORMATION STRESS-TOLERANCE INVENTORY): Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2022680462 от 01.11.2022 / В.Е. Петров, Д.О. Головинов, А.Ю. Сергеев и др.; заявитель и правообладатель Военный университет Министерства обороны Российской Федерации.
8. Самойлов В.Д., Тышер В.В. Информационно-психологическое воздействие как контент внутреннего вооруженного конфликта // Образование. Наука. Научные кадры. № 4. 2020. С. 180-183. doi:10.24411/2073-3305-2020-10234.

References:

1. Baranov E.G. Information and psychological stability of personality: essence and psychological content // Theoretical and experimental psychology. Vol. 10. № 1. 2017. Pp. 58-64.
2. Karayani A.G. Information and psychological confrontation in modern war: textbook. M.: Military University, 1997. 64 p.
3. Kasyuk A.Ya. Informational and psychological impact in information confrontation // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences. № 1 (842). 2021. Pp. 22-34.
4. Minaev V.A., Dvoryankin S.V. Modeling of dynamics of informational and psychological impacts on mass consciousness // Issues of cybersecurity. № 5 (18). 2016. Pp. 56-64.
5. Petrov V.E. Assessment of the propensity for volunteering among employees of law enforcement agencies // Professional education of employees of internal affairs bodies. Pedagogy and psychology of professional activity: state and prospects: V. Inter. conf.: collection of scientific tr. / Comp. A.V. Kravchenko. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2021. Pp. 268-271.
6. Petrov V.E. Psychological problems of peacekeeping contingent activity // Applied psychology and pedagogy. Limited Liability Company "INFRA-M Scientific and Publishing Center". 2018. vol. 3. № 4. Pp. 95-100. DOI: 10.12737/article_5c0814a6d18492.11270296.
7. Psychological diagnostics of information stress tolerance of military personnel (INFORMATION STRESS-TOLERANCE INVENTORY): Certificate of registration of the com-

puter program RU 2022680462 dated 01.11.2022 / V.E. Petrov, D.O. Golovinov, A.Y. Sergeev, etc.; applicant and copyright holder Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

8. Samoilov V.D., Tysher V.V. Informational and psychological impact as the content of an internal armed conflict // Education. The science. Scientific personnel. № 4. 2020. Pp. 180-183. doi:10.24411/2073-3305-2020-10234.

Петров Владислав Евгеньевич,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), доцент кафедры научных основ экстремальной психологии, Институт экономики и культуры (г. Москва, Россия), заведующий кафедрой общей и организационной психологии, кандидат психологических наук, доцент
e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Petrov Vladislav Evgenyevich,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Associate Professor of the Department of scientific foundations of extreme psychology, Institute of Economics and Culture, (Moscow, Russia), Head of the Department of General and Organizational Psychology, Ph.D., associate professor

Пахалкова Анна Александровна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), преподаватель кафедры научных основ экстремальной психологии
e-mail: pahalkovaaa@mgppu.ru

Pahalkova Anna Aleksandrovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), teacher of the Department of scientific foundations of extreme psychology

Омаров Маматбек Атамбекович,

Венный университет Минобороны России (Кыргызстан), курсант

Omarov Mamatbek Atambekovich,

Military University of the Ministry of Defense of Russia (Kyrgyzstan), cadet

**ОСОБЕННОСТИ ПСИХОМЕТРИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МЕТОДИКИ
ДИАГНОСТИКИ СКЛОННОСТИ К ЭЙДЖИЗМУ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ
КЫРГЫЗСТАНА**

**FEATURES OF PSYCHOMETRIC ADAPTATION OF THE METHODOLOGY FOR
DIAGNOSING A TENDENCY TO AGEISM IN THE ARMED FORCES OF
KYRGYZSTAN**

Аннотация. Статья посвящена адаптации и изучению психометрических возможностей опросника оценки склонности к эйджизму (возрастной дискриминации) для решения

задач работы с личным составом Вооруженных сил Республики Кыргызстан. Приводится версия опросника, переведенная на национальный язык, а также некоторые психометрические характеристики. В исследовании приняло участие 25 человек, владеющих русским и кыргызским языками. Результаты подтверждают хорошие диагностические возможности опросника оценки склонности к эйджизму в работе с военнослужащими, а также его доступность использования в мультикультурной среде.

Ключевые слова: эйджизм, возрастная дискриминация, психологическая диагностика, психометрия, адаптация методики.

Abstract. The article is devoted to the adaptation and study of the psychometric capabilities of the questionnaire for assessing the tendency to ageism (age discrimination) to solve the problems of working with the personnel of the Armed Forces of the Republic of Kyrgyzstan. A version of the questionnaire translated into the national language, as well as some psychometric characteristics, is given. The study involved 25 people who speak Russian and Kyrgyz. The results confirm the good diagnostic capabilities of the questionnaire assessing the tendency to ageism in working with military personnel, as well as its availability of use in a multicultural environment.

Keywords: ageism, age discrimination, psychological diagnostics, psychometrics, adaptation of the technique.

Важнейшим направлением психопрактики в сфере профессий особого риска является диагностика. От экстремального психолога требуется не просто применение методов изучения личности или групп, а получение объективно достоверных, оперативных, компактных и понятных результатов. Подобное требование трансформируется в постоянный поиск высокоэффективных измерительных психодиагностических инструментов. Для Вооруженных Сил Республики Кыргызстан подобная задача более актуальна, чем, например, для ВС РФ, вследствие отсутствия в республике централизованных научно-исследовательских институтов (служб, подразделений), которые бы занимались разработкой и верификацией диагностических методик. На помощь приходит технология адаптация проверенных, хорошо зарекомендовавших себя в диагностической практике методик.

Феноменология дискриминации людей по различным основаниям не является широко распространенной среди населения Кыргызстана (уважением к старшим или младшим всегда являлось в республике непреложным правилом). Однако отдельные факты, к сожалению, встречаются. Негативные последствия подобного поведения могут инициировать определенные проблемы не только в отношениях среди гражданского населения, но и среди военнослужащих. Именно поэтому превентивная диагностика возрастной дискриминации рассматривается как перспективное направление совершенствования инструментария работы военного психолога.

В исследовании, проведенном в 2022 году, ставилась цель – адаптировать на кыргызский язык и психометрически проверить методику «Опросник оценки склонности к возрастной дискриминации» (В.Е. Петров [1, 2]). В исследовании, проведенном в автоматизированной и бланковой формах, приняло участие 25 военнослужащих, владеющих русским и кыргызским языками (средний возраст – 24,6 лет; все испытуемые – мужчины). Для математико-статистической обработки данных применялись: описательная статистика, частный и корреляцион-

ный анализы, оценка различий в независимых группах (выборках). Использовался статистический пакет SPSS 13,0 for Windows.

Этапами работы предусматривалось: 1) с привлечением специалистов качественный перевод опросника на кыргызский язык (инструкция и стимульный материал); 2) проведение тестирования в двух группах испытуемых в порядке «русскоязычная версия – кыргызскоязычная версия» (12 чел.) и «кыргызскоязычная версия – русскоязычная версия» (12 чел.) с интервалом 14-30 дней; 3) математико-статистическая обработка данных исследования, формирование выводов.

Ниже приводится стимульный материал опросника на кыргызском языке.

Нускама. Атайын жооп үчүн баракчасына гана жазыңыз. Сураныч, ишти баштоодон мурун нускаманы кунт коюп окуп чыгыңыз. Бул анкета 70 суроону камтыйт. Ар бир суроону кылдаттык менен окуп чыгыңыз.

1. Азыркы замандын шарттарында, 45 жаштан ашкан адамга жумуш табуу кыйын.
2. Дене боюнун чы формасы жаштарда гана болот.
3. Кызматтык жамаат тажрыйбалуу кызматкерлерден гана турушу керек.
4. Улгайган адамдар көбүнчө менин кызыгуумду жана хоббимди туура көрүшөт.
5. “Ар бир мүнөт кымбат” деген сөз туура курулган.
6. Жаш кезде гана ийгиликке жетсе болот.
7. Эреже катары, башкалар карылар менен өзүн ынгайсыз сезет.
8. Жаштыкта, уятсыздыктан башка баары өзүнө тартат.
9. Менимче “Тартиптин мааниси чоң” деген сүйлөмдө эч кандай ката жок.
10. Адам жашына карабай сулуу.
11. Жада калса эң инновациондук билим да, жаш курак менен келген тажрыйбанын жетишсиздигин толуктай албайт.
12. Чоң эненин негизги милдети – неберелерин тарбиялоо.
13. Адам жаш кезинде гана мансап кура алат деп эсептейм.
14. Коом 35 жылдан кийин гана биринчи баласын төрөгөн аялдарды туура эле айыпташат.
15. Мүмкүн болсо, мединциналык окуу жайды жакында эле бүтүргөн дарыгерге, адистештирилген мединциналык жардам алууга кайрылбоо керек.
16. Сүйүшкөндөрдүн бири экинчисинен бир топ улуу болсо, алардын мамилесин айыптоого болбойт.
17. “Улгайган окурман макалага кемсинткен комментарийди калтырды” деген сүйлөм кыргыз тилинин эрежелерине туура келет.
18. Жаш өткөн сайын адамдар жашоого көбүрөөк нааразы болушат.
19. Жаштар өзүн акылмандай сезип калышты, мас киши өзүн соо сезгендей.
20. “Убакыт өтүп баратат” деген сөз, 30 жаштан улуу аялдарга туура келет.
21. Качан пенсияга чыгууну мыйзам эмес, адам өзү чечиш керек.

22. Жаштардын артыкчылыгы - жоопкерсиздик.
23. Азыркы жаштар акылга сыярлык жана жоопкерчиликтүү чечимдерди кабыл ала албайт.
24. “Бизде бардык жерде жаштарга жол ачык, карыларга бардык жерде урмат - сый” дегенди туура деп эсептейм.
25. Улгайган адамдар эреже катары, заманбап техниканын функциялары менен колдоно алышпайт.
26. Улгайган адамдар дээрлик дайыма оор мүнөзгө ээ.
27. Карыган туугандардын туулган күнүнө акча берген жакшы, анткени алардын кызыкчылыктарын жана баалуулуктарын түшүнүү мүмкүн эмес.
28. Курагы боюна бир топ жаш адамга караганда, теңтуш менен баарлашуу дайыма оңой.
29. Жаш кожоюн негиздеген бизнестин келечеги жок экени анык.
30. Кесиптик жетишкендиктерге жаш курак чектөө эмес деп эсептейм.
31. “Карыны үйрөтүү – бул өлүктү айыктыргандай” деген макал дагы эле актуалдуу.
32. Пенсия курагындагы адамдарга боорукердик менен мамиле кылуу керек.
33. “Башчы, жумушту бүтүргүлө деп буйруду” деген сүйлөмдө стилистикалык ката бар.
34. Жаш кызматкерлер көбүнчө эмнени каалап жатканын билишпейт, бирок ага жетүү үчүн чечкиндүү болушат.
35. Аял киши ар дайым жашына жараша кийиниши керек деп ойлойм.
36. Азыркы өспүрүмдөргө тартип жетишпейт.
37. Жаштар тилекке каршы, ар дайым башкалар менен тажрыйбасыздыгы менен бөлүшүүгө даяр.
38. Карыган кызматкердин негизги артыкчылыгы - бул талашсыз жашоо жана кесиптик тажрыйбасы.
39. Туура түзүлгөн сүйлөм ушундай болушу мүмкүн: “Чоң ата китепти кайра окуду”
40. Өсүп жаткан уюмда жаш кызматкерлер гана артыкчылыкка болушу керек.
41. Карыяны акылсыз жана замандан артта калган эстеликке айлантууга жол бербей турган адамдар жана жинди идеялар курчап туруусу керек.
42. “Үй – бүлө мүчөлөрүнүн ортосундагы мамиле уламдан-улам ажырап жатат” деген сүйлөм туура курулган деп ойлойм.
43. Аксакалдар жакшы насаатчы болгондуктан, алардын оюн угуш керек.
44. Эгерде 10 жашка чейинки балдар коомдук транспортто бара жатышса, анда сиз ыңгайлуу жол жүрүүнү унутуп коюңуз.
45. Кесиптеги жаштык жана перспективалар бири - бирине дал келбеген түшүнүктөр.
46. Кары кишиге кичинекей баладай мамиле кылуу керек.
47. “Шаардын администрациясы атактуу Ф.Э. Держинскийдин эстелигин туруучу орунду кайра жылдырууга ниеттенет” деген сүйлөм кыргыз тилинин эрежелерине ылайык келет.

48. Иш стажы жок жаш кызматкер эреже катары, профессионалдык милдеттерди аткаруу үчүн зарыл болгон көндүмдөргө жана жөндөмгө ээ боло албайт.

49. Жаш балага (кызга) мурас калтыруу акылсыздык, анткени ал пайдасыз нерселерге жумшалат.

50. Улуу курактагы кызматкер жаңы маалыматты кабыл алууда жана үйрөнүүдө олуттуу чектелген.

51. Бырыштар жана агарган чачтар табигый көрүнөт.

52. Өспүрүм, келечектеги кесипти тандоодо, өз алдынча чечим кабыл албашы керек.

53. 55 жаштан ашкан кызматкерди ишенимдүү жана компетенттүү адис деп айтуу кыйын.

54. Менимче “Соода менен иштеген компанияны негиздеген” деген сүйлөм сабаттуу түзүлгөн.

55. Жаш адис - бул зарыл компетенцияга ээ болбогон адам.

56. Кызмат жаматтары ар кандай курактагы кызматкерлерден турушу керек.

57. Улуу жаштагы кызматкерлер көбүнчө эскичил жана өзгөрүүлөргө каршы болушат.

58. Мүмкүн болушунча улгайган адамдар менен көздөшүүдөн качуу мага ыңгайлуу.

59. Азыркы жаштар жумушчу катары башка курактагы кадрларга караганда талашсыз артыкчылыктарга ээ.

60. Окумуштуулар эмгектин өндүрүмдүүлүгү жаш өткөн сайын төмөндөйт деп туура эсептешет.

61. “Сен буга өтө эле жашсың...” деген билдирүүнү кемсинтүү деп эсептейм.

62. Улгайган адамдар коомдун башка мүчөлөрү сыяктуу эле укуктарга жана эркиндиктерге татыктуу.

63. Мода үчүн эч кандай курактык чектөөлөр жок.

64. “Маанилүү конок сөзсүз түрдө иш – чарага катышат” деген сүйлөм кыргыз тилинин эрежелерине туура келет.

65. Жаш кызматкерлер бир нерсени жаратууга караганда, кыялданууга жакыныраак.

66. Улгайган кызматкерлер көбүнчө жамааттын мүчөлөрүнө ыңгайсыздыктарды гана алып келет.

67. Менимче, жаш кызматкерлердин мансап мүмкүнчүлүктөрүн чектөө адилеттүү.

68. “Ар нерсенин өз убагы бар” деген макалды мен, аракетке чакыруу катары түшүнөм, анткени жылдар өткөн сайын ийгиликке жетүү кыйыныраак болот.

69. Өспүрүмдөрдө, көп учурда чектелген кызыкчылыктар болот.

70. Жашоодо баланын пикирин эске алууга зарыл болгон жагдайлар бар.

Обработка данных психометрического исследования предполагала применение описательной статистики, корреляционного анализа, оценки различий

в группах (тестируемые русскоязычной версией опросника и тестируемые опросником на кыргызском языке).

Данные описательной статистики сопоставились с результатами оценки различий в группах (русскоязычная и кыргызскоязычная выборки), а также внутри выборки из 24 человек по результатам двух обследований. Применялся непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

Установлено, что по показателям «Предвзятое отношение к пожилым людям» (эйджизм в отношении пожилых) и «Предвзятое отношение к молодым людям») нормативные данные не имеют существенных различий ($p=0.05$). Уточненные нормативные значения оказались следующими: A_0 (дискриминация пожилых – $X_{cp} = 15,386$; $\sigma = 3,778$), A_y (дискриминация молодых – $X_{cp} = 8,771$; $\sigma = 4,112$).

Различия на уровне интегрального показателя оказались существенными ($p=0,01$; $X_{cp} = 29,990$; $\sigma = 7,107$), что указывает на актуальность применения национальных норм (для Кыргызстана).

При оценке различий данных параллельных форм опросника установлено, что статистически значимых различий не выявлено ($p=0,01$), а корреляция по Ч. Спирмену между одноименными показателями (русский и кыргызский языки) во всех случаях была статистически значимой ($p=0,01$; $R_s > 0,94$). Результаты подтверждают взаимозаменяемость версий опросника на разных языках.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что Опросник оценки склонности к эйджизму, переведенный на кыргызский язык, имеет хорошие психометрические характеристики и может быть использован в психодиагностической работе личным составом.

Разработка и адаптация высокопродуктивного диагностического инструментария в сотрудничестве МГППУ и психологической службы Вооруженных Сил Республики Кыргызстан показала позитивные возможности подобного взаимодействия. В целом применение инновационного психодиагностического инструментария позволит вывести работу психологов Республики Кыргызстан на качественно новый уровень, повысить точность, надежность и оперативность психологического изучения личности военнослужащих.

Список литературы:

1. Петров В.Е. Психологическая диагностика склонности сотрудников силовых ведомств к эйджизму // Экстремальная психология в экстремальном мире: Материалы II Межд. научн. форума / под ред. В.М. Позднякова, В.И. Екимовой, А.В. Кокурина, А.В. Сечко. М. : МГППУ, 2022. С. 123-127.

2. Психологическая диагностика склонности к возрастной дискриминации военнослужащих (AGEISM INVENTORY): Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2021669560 от 30.11.2021 / В.Е. Петров, А.С. Карпов, В.Н. Бабуцкий и др.; заявитель и правообладатель Военный университет Министерства обороны Российской Федерации. № 2021668962; заявл. 24.11.21.

References:

1. Petrov V.E. Psychological diagnostics of the tendency of employees of power departments to ageism // Extremal psychology in the extreme world: Materialy II Mezhd. Scientific. forum / ed. by V.M. Pozdnyakov, V.I. Ekimova, A.V. Kokurina, A.V. Sechko. M. : MGUPE, 2022. pp. 123--127.

2. Psychological diagnosis of the tendency to age discrimination of military personnel (AGEISM INVENTORY): Certificate of registration of the computer program RU 2021669560 dated 30.11.2021 / V.E. Petrov, A.S. Karpov, V.N. Babutsky and others; the applicant and right holder is the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation. № 2021668962; said. 24.11.21.

Петрова Наталья Николаевна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»
e-mail: petrovann@mgppu.ru

Petrova Natalya Nikolaevna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

Шокот Кира Андреевна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»
e-mail: la_fleur_de_lys@mail.ru

Shokot Kira Andreevna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

**ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СОВМЕСТИМОСТИ ЛЕТНЫХ ЭКИПАЖЕЙ
ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ**

**THE ISSUE OF PSYCHOLOGICAL COMPATIBILITY OF CIVIL AVIATION FLIGHT
CREWS**

Аннотация. В статье резюмировано современное состояние и проблематика совместимости летных экипажей гражданской авиации. Показаны детерминанты межличностной совместимости, а также ее влияние на успешность полетов. Статья носит аналитический характер.

Ключевые слова: совместимость летных экипажей, гражданская авиация, человеческий фактор, психология в авиации.

Abstract. The article summarizes the current state and problems of compatibility of flight crews of civil aviation. The determinants of interpersonal compatibility, as well as its influence on the success of flights, are shown. The article is of an analytical nature.

Keywords: compatibility of flight crews, civil aviation, human factor, psychology in aviation.

Анализ авиационных событий указывает, что совместимость летных экипажей способствует увеличению безопасности полетов и снижению риска авиационных происшествий. На сегодняшний день нет четкого понимания и применения понятия совместимость летных экипажей. Совместимость является многомерным явлением, на которое влияет огромное количество факторов.

Актуальность данной проблемы сопровождает авиацию с момента ее появления и до сегодняшнего дня. Масштабно о вопросе совместимости летных экипажей мировое авиационное сообщество заговорило после крупнейшей в истории авиации авиакатастрофе, когда столкнулись два самолета Боинг-747 АК KLM и Pan Am в Тенерифе (1977), т.к. в результате серии ошибок во взаимодействии экипажа погибло 583 человека. Как было установлено по данным записи радиообмена «черных ящиков», бортинженер высказал сомнение в том, что Boeing Pan Am покинул взлетно-посадочную полосу, однако капитан и второй пилот АК KLM проигнорировали замечание бортинженера. При этом у бортинженера, подавленного авторитетом пилотов, не хватило смелости настоять на своей точке зрения. С конца 1970-х от экипажей всех авиакомпаний мира стали требовать, чтобы все важные решения принимались по взаимному согласию всех находящихся в кабине [8].

Согласно отчетам «О состоянии безопасности полета» Межгосударственного авиационного комитета (МАК) и отчетам Федерального агентства воздушного транспорта (ФАВТ) частая причина авиационных происшествий, это человеческий фактор. Человеческий фактор, это наука о людях в той обстановке, в которой они живут и трудятся, об их взаимодействии с машинами, процедурами и окружающей обстановкой, а также о взаимодействии людей между собой. Взаимодействия членов летного экипажа (пилотов) и членов кабинного экипажа (бортпроводников) [2]. Авиакомпании всего мира направляют огромные усилия на совершенствования работы человека, с целью уменьшения влияния человеческого фактора.

Порядка 8 % авиационных происшествий происходят из-за неправильного взаимодействия между людьми. Примером несовместимости можно считать катастрофу Ан-124-100, происшедшую в аэропорту Турина в 1996 году [4]. Выводы комиссии, которая расследовала авиакатастрофу, недостаточная подготовка и плохое взаимодействие экипажа [1].

В 1979 был организован семинар «Resource Management on the Flight Deck» (управление ресурсами в кабине экипажа). На семинаре было доложено на основе проведенного исследования, что различные субъективные ошибки в большинстве авиационных катастроф определяются несовершенством взаимодействия между членами экипажа [7]. В 1998 году ИКАО выпускает «Руководство по обучению в области человеческого фактора». Учитывая, что ИКАО является мировой организацией, действующий документ стал применяться во всех участвующих странах [10].

Особо отметим, что работа по сплочению летных экипажей (слетанность экипажей) проводилась в СССР задолго до рассматриваемых семинаров и показала свою эффективность. При этом делался акцент на психологической совместимости экипажа. Ведь летный экипаж является ключевой частью авиационно-транспортной системы и наиболее заинтересован в обеспечении безопасности полета потому, что именно экипаж ВС подвергается непосредственной угрозе жизни, а также несет моральную и юридическую ответственность за исход полета, испытывает серьезные моральные и социальные последствия в случае совершения происшествия.

Деятельность летного экипажа часто проходит в напряженных и опасных условиях труда, где на специалистов воздействует комплекс вредных факторов: высота (давление), кислородная недостаточность, подверженность опасности использования излишне сухого воздуха (особенно на дальних маршрутах), шум, озоновая опасность, высокий уровень радиации, низкая температура, вибрация, турбулентность, риск получения травм, облучение электро-радио-аппаратуры, постоянное излучение экранов (приборное оборудование), эргономические проблемы (сидячие положение в ограниченном пространстве, ограничение плечевыми ремнями), неравномерные чередования режима отдыха и работы, необходимость выдерживания графика, межличностные отношения с членами экипажа в рамках устава, ответственность за жизнь и здоровье членов экипажа, пассажиров и т.д. [5].

Профессиональное взаимодействие членов летного экипажа, как правило, осуществляется в сложных условиях наземной и воздушной обстановки, а поэтому более ярко проявляются характерологические особенности всех членов летного экипажа: их мотивационная сфера, интересы, чувства, настроения, способности, профессиональный и жизненный опыт, воля. Таким образом, эффективность выполнения профессиональных задач напрямую взаимосвязана с развитостью как профессионально важных качеств, так и социально-психологической компетентности членов летного экипажа [6].

Опираясь на вышеизложенное, по летному экипажу необходимо отметить, что успешность осуществления им профессиональной деятельности в экстремальных условиях на всех ее этапах детерминирована психологической совместимостью субъектов трудового процесса, в котором они активно взаимодействуют для достижения поставленных целей. В зависимости от выполняемой задачи экипаж состоит от 2 и более человек.

Определение понятия «совместимость летных экипажей в авиации» до сих пор расплывчатое. В авиационной психологии конструкт «совместимость экипажа» имеет историю, но многоплановое его научное изучение началось сравнительно недавно. Первоначально содержание понятия стали раскрывать в контексте изучения процессов и результатов общения и межгрупповой коммуникации, через развитие межличностных отношений и других социально-психологических явлениях. Было замечено, что в разных видах взаимодействий людей слаженность действий обуславливается взаимоотношением взаимодействующих субъектов. В одних случаях это взаимодействие негативно сказывается на изучаемом явлении (снижает эффективность трудовой деятельности, ухудшает психологический климат и т.д.), в других – наоборот, оказывает положительное действие [3].

Для психологической совместимости важно, чтобы люди были схожи. Пилоты со схожими качествами, темпераментом, характером, потребностями, интересами, ценностными ориентирами организуют более сплочённый экипаж. В условиях длительных командировок, взаимодействие пилотов не ограничивается только кабиной. Им приходится контактировать и проводить досуг вместе. В этом случае большое значение приобретает межличностная совместимость пилотов.

На межличностные отношения влияет субъективная удовлетворённость каждого пилота. Одинаковые условия могут устраивать одного и полностью не устраивать другого. Удовлетворенность – неудовлетворенность пилота может быть вызвана разными причинами, например: характер труда; размер зарплаты; престиж профессии; справедливость в распределение работы; перспективы карьерного роста и т.д.

Официально совместимость летных экипажей гражданской авиации на сегодняшний день в крупных авиакомпаниях не оценивается. Летный экипаж проходит обучение по программе подготовки летного персонала в области человеческого фактора, одним из модулей данной программы является – CRM (crew resources management). Данный курс рассчитан помочь пилоту управлять своими эмоциями для осуществления профессиональной деятельности [9]. Все пилоты АК проходят курс CRM. Это является обязательным условия допуска к полетам. Срок годности данного курса 3 года, после чего пилоты проходят периодическую подготовку CRM.

Как понятно из цели данного курса, пилот, прошедший такую подготовку, должен понимать, принимать и применять данную философию в своей работе, чтобы быть универсальным во взаимодействии с любым коллегой. Но стоит отметить, что совместимость в экипаже более многопланова в аспекте безопасности полетов. Выполнение обязанностей экипажем, т.е. выполнения полета, носит коллективный характер и требует от летного состава взаимопонимания, собранности, сработанности и сплоченности в целом.

Сплоченность экипажа может быть определена как согласованность в действиях во времени и пространстве: что именно, с кем и в какой последовательности должен делать каждый из членов экипажа во время выполнения полета. Отсутствие данного понимания в действиях может стать источником конфликтов. Согласованность функций становится возможной, если последовательность в деятельности окончательно сложилась и осуществляется четкое распределение обязанностей. Обозначим один из ракурсов совместимости: летный экипаж совместим, если роль каждого в экипаже определена, последовательность действий соответствует ожиданию, функции соответствуют нормативным и правовым документам, у экипажа установлена одна цель – выполнение безопасного полета.

Групповая эффективность зависит от особенностей межличностных отношений. Позитивные взаимоотношения между членами группы положительно сказываются на групповой эффективности, однако имеются исключения. Например, доказано, что экипаж составленный из друзей, родственников, хуже справляется с заданием чем пилоты, не имеющие похожих связей. В СССР была практика не ставить в экипаж пилотов с родственными связями (отец и сын, братья).

В длительных командировках стремление сохранить общение на прежнем уровне для некоторых личностей является проблемой. Часто встречается отсутствие самоконтроля личности в условиях, отдаленных от работы. Поведение меняется на расслабленное, личность подрывает рабочую дисциплину.

Поведение командира, его метод управления, личные качества существенно влияют на социально-психологический климат в экипаже [4]. Обозначив второй пункт совместимости экипажей – личность командира.

Безопасность полета – это состояние авиационной системы, при котором риски, связанные с авиационной деятельностью, относящейся к эксплуатации воздушных судов или непосредственно обеспечивающей такую эксплуатацию, снижены до приемлемого уровня и контролируются [2].

Таким образом, совместимость экипажей влияет на безопасность полетов. Практика показывает, что подобранный психологически совместимый экипаж увеличивает уровень безопасности полетов, в том числе за счет отсутствия внутри коллектива эмоциональной напряженности, стресса, конфликта, неприязни, страха и прочего дискомфорта. В свою очередь, отсутствие негативных факторов в работе повышает производительность каждого члена коллектива. Поэтому формирование здорового климата внутри коллектива является одной из главных задач штатного психолога авиакомпании.

Совместимость между членами экипажа приводит к срабатываемости. Эффект совместимости чаще всего возникает в условиях личных отношений, а эффект срабатываемости является результатом деловых отношений и связан с профдеятельностью. Главным для совместимости является желание работать вместе. На фоне этого происходит возможная перестройка, гибкость в общении. Происходит объединение, совмещение и сопряжение членов экипажа.

Список литературы:

1. Авиакатастрофа Ан-124-100 в Турине www.avia.pro – 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://avia.pro/blog/aviakatastrofa-124-100-v-turine-1996> (дата обращения 08.11.2022).
2. Безопасность полётов: учебник / Б.В. Зубков, С.Е. Прозоров; под ред. Б.В. Зубкова. Ульяновск: УВАУ ГА(И), 2012. 451 с.
3. Ладанов И.Д. Практический менеджмент (управление персоналом). М.: Ника. 1992.
4. Цибульский В.А. Уникальный опыт воздушных экспедиций. Ульяновск: Волга-Днепр, 2008. 276 с.
5. Сечко А.В. Профессиональное выгорание в системе стрессов у авиационных специалистов // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 102-110. DOI 10.17759/jmfp.2021100110.
6. Сечко А.В. Психологические аспекты профессиональной надежности летного состава // Психология личности и профессиональное развитие: проблемы, перспективы, технологии: материалы Международной научно-практической конференции IV Левитовские чтения в Московском государственном областном университете, Москва, 01 апреля 2009 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство образования Московской области, Московский государственный областной университет, Московское областное общество психологов. М.: Московский государственный областной университет, 2009. С. 25-28.
7. George E. Cooper Maurice D. White, John K. Lauber Resource Management on the Flight Deck // Proceedings of a NASA/Industry Workshop, 1979.
8. Jon Ziomek Collision on Tenerife: the how and why of the world's worst aviation disaster // Post Hill Press, 2020.
9. Papeles del Psicólogo / Psychologist Papers, 2018. Vol. 39(3), pp. 191-199 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.23923/pap.psicol.2018.2870> (дата обращения: 06. 11.2022).
10. The History of ICAO and the Chicago Convention. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icao.int/about-icao/History/Pages/default.aspx> (дата обращения: 06. 11.2022).

References:

1. An-124-100 plane crash in Turin. www.avia.pro – 2014. [Electronic resource]. URL: <https://avia.pro/blog/aviakatastrofa-124-100-v-turine-1996> (date of application 08.11.2022).
2. Flight safety: textbook / B.V. Zubkov, S.E. Prozorov; edited by B.V. Zubkov. Ulyanovsk: Flight school of Ulyanovsk, 2012. 451 p.
3. Ladanov I.D. Practical management (personnel management). M.: Nika, 1992.
4. Tsybulkin V.A. Unique experience of air expeditions. Ulyanovsk: VolgaDneprGroup, 2008. 276 p.
5. Sechko A.V. Professional burnout in the system of stresses in aviation specialists // *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*. 2021. T. 10. № 1. S. 102-110. DOI 10.17759/jmfp.2021100110.
6. Sechko A.V. Psychological aspects of professional reliability of the flight staff // *Psychology of personality and professional development: problems, prospects, technologies: materials of the International Scientific and Practical Conference IV Levitov Readings in the Moscow State Regional University, Moscow, April 01, 2009/ Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ministry of Education of the Moscow Region, Moscow State Regional University, Moscow Regional Society of Psychologists*. M.: Moskovskii gosudarstvennyi oblast'noi universitet, 2009. S. 25-28.
7. George E. Cooper Maurice D. White, John K. Lauber Resource Management on the Flight Deck // *Proceedings of a NASA/Industry Workshop*, 1979.
8. Jon Ziomek Collision on Tenerife: the how and why of the world's worst aviation disaster // *Post Hill Press*, 2020.
9. *Papeles del Psicólogo / Psychologist Papers*, 2018. Vol. 39(3), pp. 191-199 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.23923/par.psicol.2018.2870> (дата обращения: 06. 11.2022).
10. The History of ICAO and the Chicago Convention. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icao.int/about-icao/History/Pages/default.aspx> (дата обращения: 06. 11.2022).

Сечко Александр Владимирович,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), доцент кафедры научных основ экстремальной психологии, кандидат психологических наук
e-mail: setschko@yandex.ru

Sechko Alexander Vladimirovich,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Associate Professor of the Department of scientific foundations of extreme psychology, Ph.D.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР И АВАРИЙНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ АВИАЦИИ

THE HUMAN FACTOR AND ACCIDENT RATE IN MODERN AVIATION

Аннотация. В статье на примере конкретной авиационной катастрофы представлены ее причины с точки зрения психологического подхода, оценки личностного и человеческого факторов расследования аварий на транспорте. Статья носит прикладной характер и направлена на совершенствование различных аспектов авиационной безопасности.

Ключевые слова: человеческий фактор, авиационная безопасность, аварийность, личность пилота.

Abstract. On the example of a specific air crash, the article presents its causes from the point of view of the psychological approach, assessment of personal and human factors in the inves-

tigation of transport accidents. The article is of an applied nature and is aimed at improving various aspects of aviation security.

Keywords: human factor, aviation safety, accident rate, pilot's identity.

Авиация всегда привлекала к себе внимание человека. За красоту летательного аппарата, похожего на птицу, сам полет, всегда неповторимый, за опасность которую он несет. Об авиационных происшествиях говорят чаще ввиду широкого общественного резонанса этих событий и больших разрушениях на земле. За неполный 2022 год (на 18 ноября 2022 года) в гражданском секторе Российской Федерации произошло 31 авиационное происшествие, которые унесли 21 жизни. Ввиду этого факта на протяжении всей истории авиации предпринимались попытки выявить и объяснить причины аварий и катастроф, в первую очередь, для их предотвращения.

На первоначальном этапе развития авиационной отрасли объем происшествий в значительной степени определялся несовершенством техники. Так из 311 серийно произведенных первых советских сверхзвуковых тяжелых ракетно-носцев – бомбардировщиков Ту-22 в авариях и катастрофах с 1958 по 1992 годы потеряно 70 единиц, причем подавляющее большинство по причине отказов техники. Так, 24 июля 1992 года произошла трагедия в небе Белоруссии, когда подполковник Оськин В.С., спасая жизни мирных граждан, увел свой самолет, охваченный пламенем по причине возгорания двигателя от города Гомель. За этот подвиг ему было присвоено звание Героя России, одно из первых в истории.

В настоящее время на первый план выходит другая причина, связанная с профессиональной деятельностью человека в авиации. В психологии разработаны концепции личного и человеческого факторов, описывающих закономерности развития аварийных ситуаций, не связанных с надежностью работы летательных аппаратов.

Наиболее понятное и емкое определение личного фактора первым дал С.Г. Геллерштейн. В его формулировке, личный фактор – это совокупность всех врожденных и приобретенных физических и психических свойств личности, которые могут быть поставлены в связь с причинами возникновения, характером течения и исходом летного происшествия. В соответствии с данным определением личный фактор охватывает сферу эмоциональных и волевых качеств, черты характера и темперамент, задатки и способности, склонности и интересы, вкусы и привычки, моральный облик, здоровье и физическое развитие, общую и специальную подготовленность.

Концепция личного фактора благодаря легкости понимания и доступности практического использования надолго стала основой для анализа причин авиационных происшествий, связанных своеобразием психики, недостатками развития функций у авиатора, как участника инцидента. Однако такой подход, по мнению В.А. Бодрова, В.А. Пономаренко, Н.Д. Заваловой и др., страдает определенной ограниченностью взглядов на причины антропогенных аварий и катастроф, не позволяет увидеть их в тех случаях, когда они скрываются в недостатках техники, несовершенстве организации, содержания и условий дея-

тельности. Кроме того, личный фактор провоцирует на поиск одной причины, которая легла в основу происшествия. С позиций данного подхода при расследовании достаточно выявить только одно ошибочное действие, которое ложится в основу для выводов и признания авиатора единственным виновником случившегося. В результате использования методологии личностного фактора нет возможности установить последовательность развития событий и причинно-следственные связи процесса возникновения, развития и исхода аварийной ситуации. Этот факт не позволяет в итоге говорить о возможности разработки эффективных профилактических мероприятий, позволяющих снизить вероятность подобных происшествий в будущем.

Несостоятельность указанного зауженного подхода в понимании причин аварий в авиации, дало начало развитию в авиационной и инженерной психологии концепции человеческого фактора. Квинтэссенцией данного подхода являлась мысль о том, что предпосылкой происшествия, аварии являются не просто индивидуально-психологические качества, а результат деятельности людей, в которых эти качества актуализируются и проявляются в связи с различными характеристиками техники и производственными условиями [1]. Летное происшествие – слишком сложное явление, поэтому нельзя разрывать взаимосвязь техники и человека: поведение летчика может быть правильно оценено только в связи с состоянием авиационной техники и конкретными условиями полета [3, С. 6].

Большая заслуга в развитии концепции человеческого фактора в нашей стране принадлежит Н.Д. Заваловой и В.А. Пономаренко, В.А. Бодрову, Г.М. Зараковскому, другим психологам и медикам. Под человеческим фактором предлагалось понимать совокупность профессиональных, физиологических, антропометрических, психологических и социальных возможностей и ограничений человека, характерных для данного контингента в целом, не учет которых в конструкции техники, организации, содержании и условиях деятельности может приводить к ошибочным действиям [2, С. 3].

Суть данного подхода иллюстрируется разбором катастрофы рейса PLF101, который произошел под Смоленском 10 апреля 2010 года. В сложных метеоусловиях при ограниченной видимости польский президентский Ту-154 М заходил на посадку с правительственной делегацией, которая могла при новом аэродроме посадки опоздать по времени для участия в траурной церемонии, посвященной 70-й годовщине Катынских событий. Расследование показало, что экипаж в процессе захода на посадку допустил ряд ошибок и нарушений. Командир воздушного судна не принял грамотного решения об уходе на запасной аэродром. На аэродроме была видимость 200 метров (при допуске командира воздушного судна к посадке с видимостью 800 м), о чем несколько раз информировали экипаж диспетчер управления воздушным движением района, группа руководства полетами на аэродроме посадки, экипаж ранее прилетевшего польского самолета Як-40. При этом российский самолет Ил-76 накануне катастрофы принял грамотное решение и ушел на запасной аэродром.

Экспертиза рассматриваемого летного происшествия показала, что заход на посадку осуществлялся по глиссаде гораздо выше расчетной, что привело к

необходимости на заключительном этапе увеличить вертикальную скорость снижения. Неоправданно большая скорость снижения (8 м/с вместо разрешенной 5 м/с) не была уменьшена даже при достижении высоты минимума для аэродрома (100 м) и сохранялась до начала действий по уходу от препятствий (примерно 30 м). Экипаж игнорировал требования регламентирующих документов, звуковые сигналы предупреждающей о столкновении с землей аппаратуры. Комиссия пришла к выводу, что командир корабля вообще не контролировал высоту, а перенес свой взгляд во внекабинное пространство и занимался поиском визуальных ориентиров.

В экипаже отсутствовало определенное инструкцией распределение обязанностей. Помощник командира корабля и штурман не производили ряд важных для этапа посадки докладов. Помощник командира корабля не вмешался в управление, не подал команду для ухода на второй круг при достижении минимальной высоты 65 метров, при которой должны были появиться визуальные ориентиры на аэродроме. В результате самолет потерял высоту и столкнулся с землей, погибло 96 человек, в том числе и президент Польши.

С точки зрения личностного фактора все ясно. Во всем виноват командир корабля. Но так ли это на самом деле? С точки зрения подхода на основе концепции человеческого фактора получается совсем другая картина. Руководство экипажа активно вмешались в развитие катастрофической ситуации, в том числе оказывало непосредственное давление в ходе самого полета. Эксперты считают ответственным и руководство специального полка, выпустившего в полет по существу не подготовленного к полету летчика в прогнозируемых уже на этапе подготовки и взлета, сложных условиях посадки. У командира корабля был утрачен навык попеременного контроля показаний приборов и внекабинного пространства для поиска взлетно-посадочной полосы в силу длительного перерыва в заходе на посадку в сложных метеорологических условиях, что видимо привело к детренированности и появлению сомнения в благополучной посадке, что в свою очередь привело к увеличению психоэмоционального напряжения и резкому снижению внимания на отдельные параметры полета в ущерб целостному образу полета.

Кроме того, в кабине пилотов находилось как минимум, два человека, не входивших в штатный экипаж, - командующий Военно-воздушными силами Польши и Руководитель протокола Президента. экипажа, Они отвлекали своими указаниями внимание пилота, что явилось дополнительным фактором, провоцирования сложной ситуации в полете из-за так называемого феномена «присутствия старшего». Зарегистрированные бортовым магнитофоном фраза Директора протокола: «Пока нет решения Президента, что делать дальше» и фраза штурмана: «Он взбесится» свидетельствуют о том, что командир находился в очень сложном психологическом положении. Очевидно, что в случае ухода на запасной аэродром командир корабля ожидал негативной реакции «главного пассажира», который так уже проявил себя незадолго до этого случая.

В ходе расследования рассматриваемой аварии было запроотоколировано от свидетелей, что в августе 2008 года Президент Польши совершал полет по запланированному маршруту в аэропорт города Гянджа (Азербайджан). У него

в процессе полета планы поменялись, и он отдал приказ следовать в аэропорт Тбилиси (Грузия). Командир воздушного судна по причине отсутствия на борту схем захода на аэродроме Тбилиси и, следовательно, невозможности гарантировать безопасность полета, отказался выполнять приказ. Случай приобрел громкий резонанс, делегации пришлось ехать в Грузию на автомобилях. Впоследствии этот командир уже не включался в список экипажей, выполнявших рейсы с Президентом Польши на борту. По имеющимся данным, командир и помощник командира корабля аварийного рейса 10 апреля 2010 года в том полете были помощником и штурманом соответственно. Вероятно, что этот факт утвердил установку на выполнение полета любой ценой [4].

Таким образом, анализ причины катастрофы авиарейса 10 апреля 2010 года с точки зрения концепции личного фактора в качестве виновника однозначно определяет командира корабля, который нарушил инструкцию по эксплуатации самолета, ряд требований других руководящих документов, совершил грубые ошибки в технике пилотирования, не организовал работу экипажа и т.д. Однако, с точки зрения предупреждения подобных случаев, эти выводы совершенно бесполезны ввиду того, что эта катастрофа была организована на другом, более высоком уровне. Авиация держится только на законах физики, аэродинамики, она не приемлет авторитарных решений и необдуманных, тщательно не подготовленных действий по планированию, организации и контролю за полетами. Необходимо понимать, что члены экипажа летательных аппаратов имеют определенный предел физиологически, психофизиологических и психологических возможностей, которые закономерно проявляются в сложных условиях деятельности [5; 6; 7 и др.]. Сложность, опасность ситуации определяется количеством и силой раздражителей инструментального, организационного, социально-психологического плана, которые интегрируются, объединяются в факторы и определяют исход полета, иногда он становится печальным.

Таким образом, ориентация на концепцию человеческого фактора позволяет вскрыть глубинные, системообразующие причины летных происшествий. Ориентация же на концепцию личного фактора всегда делает виновным исполнителя, летчика или инженерно-технический состав, что не всегда объективно, справедливо и эффективно.

Список литературы:

1. Бодров В.А. Психология профессиональной деятельности: Теоретические и прикладные проблемы. М.: Институт психологии РАН, 2006. 622 с.
2. Гандер Д.В., Профессиональная психопедагогика // Междунар. акад. проблем человека в авиации и космонавтике, Науч.-исслед. испытательный центр авиационно-космической медицины и военной эргономики. М.: Воентехиниздат, 2007. 336 с.
3. Лысаков Н.Д., Гандер Д.В., Лысакова Е.Н. Психология труда в экстремальных условиях. М.: Изд-во Современного гуманитарного университета, 2013. 176 с.
4. Межгосударственный авиационный комитет. Комиссия по расследованию авиационных происшествий. Окончательный отчет Ту-154 м б/н 101 Республики Польша. URL: <https://www.mak-iac.org/rassledovaniya/tu-154m-n101-10-04-2010/> (дата обращения: 19.11.2022).
5. Сечко А.В. Личностные детерминанты летного долголетия летного состава ВВС РФ // Личность в экстремальных условиях. Т. 2. Петропавловск-Камчатский: Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 2012. С. 76-82.
6. Сечко А.В. Профессиональное выгорание в системе стрессов у авиационных специалистов // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 102-110.

7. Сечко А.В. Психологические аспекты профессиональной надежности летного состава // Психология личности и профессиональное развитие: проблемы, перспективы, технологии: материалы Международной научно-практической конференции IV Левитовские чтения в Московском государственном областном университете, Москва, 01 апреля 2009 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство образования Московской области, Московский государственный областной университет, Московское областное общество психологов. М.: Московский государственный областной университет, 2009. С. 25-28.

References:

1. Bodrov V.A. Psychology of professional activity: Theoretical and applied problems. М.: Institut psikhologii RAN, 2006. 622 s.

2. Gander D.V., Professional psychopedagogika // Mezhdunar. acad. Human Problems in Aviation and Cosmonautics, Scientific-Research. test center of aerospace medicine and military ergonomics. М.: Voentekhnizdat, 2007. 336 s.

3. Lysakov N.D., Gander D.V., Lysakova E.N. Psychology of labor in extreme conditions. М.: Izd-vo Sovremennogo turmuncheskii universiteta, 2013. 176 s.

4. Interstate Aviation Committee. Commission of Inquiry into Air Accidents. Final report of the Tu-154 m w/n 101 of the Republic of Poland. URL: <https://www.mak-iac.org/rassledovaniya/tu-154m-n101-10-04-2010/> (date of access: 19.11.2022).

5. Sechko A.V. Personal determinants of letnogo dolgoletiya letnogo sodba VVS RF // Personality v extremal'nykh conditions. Т. 2. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State University named after Vitus Bering, 2012. S. 76-82.

6. Sechko A.V. Professional burnout in the system of stresses in aviation specialists // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2021. Т. 10. № 1. pp. 102--110.

7. Sechko A.V. Psychological aspects of professional reliability of the flight staff // Psychology of personality and professional development: problems, prospects, technologies: materials of the International Scientific and Practical Conference IV Levitov Readings in the Moscow State Regional University, Moscow, April 01, 2009 / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ministry of Education of the Moscow Region, Moscow State Regional University, Moscow Regional University, Moscow Regional University society of psychologists. М.: Moskovskii gosudarstvennyi oblast'noi universitet, 2009. S. 25-28.

Сиворонова Мария Сергеевна,

Академия управления МВД России (г. Москва, Россия),
адъюнкт

e-mail: marija0408@mail.ru

Sivoronova Maria Sergeevna,

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of
Russia (Moscow, Russia), adjunct

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ ПСИХОЛОГОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

REFLEXIVITY AND PROFESSIONAL BURNOUT OF INTERNAL AFFAIRS PSYCHOLOGISTS

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи профессионального выгорания и рефлексивности у психологов органов внутренних дел. Актуализирована необходимость глубокого исследования взаимосвязей проявлений профессионального выгорания и индивидуально-психологических особенностей личности указанных специалистов. Автор приходит к выводу о возможности снижения профессионального выгорания посредством развития рефлексивности.

Ключевые слова: профессиональное выгорание; психологи органов внутренних дел; рефлексивность; факторы, влияющие на возникновение профессионального выгорания; индивидуально-психологические особенности личности.

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the relationship between professional burnout and reflexivity among psychologists of internal affairs bodies. The necessity of a deep study of the interrelationships of the manifestations of professional burnout and the individual psychological characteristics of the personality of these specialists is actualized. The author comes to the conclusion about the possibility of reducing professional burnout through the development of reflexivity.

Keywords: professional burnout; psychologists of internal affairs bodies; reflexivity; factors influencing the occurrence of professional burnout; individual psychological characteristics of the individual.

Проблематика профессионально-личностного становления психологов экстремального профиля была и остается актуальной для прикладной психологии [13]. В современных условиях, характеризующихся нарастанием стресса, недопонимания и вспышек агрессии, вызванных распространением новой коронавирусной инфекцией COVID-19, проблема профессионального выгорания психологов органов внутренних дел особенно актуальна [10, С. 59-61; 11; 12; 13; 14, С. 63-70]. Это обуславливает необходимость её глубоко исследования, установления взаимосвязей с индивидуально-психологическими особенностями личности в целях сохранения психического здоровья указанных специалистов и повышения эффективности их профессиональной деятельности.

Профессиональное выгорание рассматривается в науке как состояние напряжения (физического, эмоционального, умственного), включающего три компонента: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений [3]. Ученые (В.В. Бойко, М.В. Борисова, Н.Е. Водопьянова, К. Маслач, В.Е. Орёл, Б. Перлман, Е.С. Старченкова, Т.В. Форманюк, Е. Хартман и др.) раскрывают сущность и содержание выгорания с точки зрения разнообразных методологических подходов (личностного, ситуационного, процессуального, системного, структурного, субъектно-деятельностного) [7, С. 43-48], но, несмотря на это, основные источники выгорания объединяют в две группы: объективные (внешние) и субъективные (внутренние, индивидуально-психологические особенности личности) [8, С. 114-117]. Среди индивидуально-психологических особенностей, которые могут оказывать влияние на развитие профессионального выгорания специалистов, выделяют: мотивацию, нервно-психическую устойчивость [1, С. 98]; систему саморегуляции эмоций и поведения [2, С. 211-214], копинг-поведение [6, С. 116-133], уровень рефлексивности [4] и др.

Рефлексивность (способность обращать внимание на понимание происходящего у себя и в психике окружающих людей) является одним из профессиональных значимых качеств психолога и «может являться как фактором профилактики, так и предиктором формирования профессионального выгорания у психологов и психотерапевтов» [9, С. 50-68]. В связи с этим нами была предпринята попытка исследования взаимосвязи профессионального выгорания и рефлексивности психологов органов внутренних дел.

В исследовании приняли участие 162 психолога (40 мужчин, 122 женщины). Средний возраст – 31,5 года, средний стаж профессиональной психологической деятельности – 8,5 лет. Для исследования профессионального выгорания была использована методика диагностики профессионального «выгорания» (в адаптации Н.Е. Водопьяновой) [3], для измерения степени развития рефлексивности – методика изучения рефлексивности (А.В. Карпов, В.В. Пономарев) [5, С. 45-57]. Статистическая обработка данных включала использование критерия ранговой корреляции Спирмена.

Анализ взаимосвязи между уровнем рефлексии и компонентами профессионального выгорания показал (табл. 1), что статистически значимая обратная связь выявлена между рефлексивностью и шкалой «Деперсонализация» ($r = -0,28$, $p \leq 0,001$). Это свидетельствует о том, что у респондентов, не склонных к критическому мышлению и осознанию собственных действий и поступков, деперсонализация проявляется сильнее и ярче. При увеличении показателя рефлексивности показатели деперсонализации снижаются. Значимых корреляционных связей с другими компонентами выгорания не выявлено.

Полученные данные о взаимосвязи рефлексивности и профессионального выгорания подтверждают её влияние на процесс развития профессионального выгорания в целом и деперсонализации в частности. Подобные результаты получены и в других исследованиях, проведенных среди психологов и психотерапевтов [9, С. 50-68; 11; 12 и др.].

Таблица 1 – Результаты корреляционного анализа взаимосвязи компонентов профессионального выгорания и рефлексивности психологов органов внутренних

Шкалы	Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Редукция
Рефлексивность	-0.14	-0.28***	0.14

Примечание: *** $p \leq 0,001$ (для критерия корреляции Спирмена).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что развитие рефлексивных процессов в процессе прохождения супервизии, интервизии, социально-психологического тренинга позволит снизить развитие профессионального выгорания у психологов органов внутренних дел.

Список литературы:

1. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб, 2007. 278 с.
2. Борисова М.В., Анисимова Н.П. Основные направления профилактики и коррекции профессионального выгорания // Ярославский педагогический вестник. 2001. № 2. Т. 2. С. 211-214.
3. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
4. Волканевский С.В. Рефлексивность как детерминанта синдрома «психического выгорания» личности: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2010. 25 с.
5. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методики её диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45-57.
6. Короткина Т.И., Мельникова А.А. Исследование профессионального выгорания и выраженности способов его преодоления у работников различных промышленных предприятий // Южно-Российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 3. С. 116-133.

7. Костина Л.Н., Ларова М.С. Основные теоретические подходы в психологической науке к проблеме профессионального выгорания представителей профессий типа «человек-человек» // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 3. С. 43-48.

8. Лаврова М.С., Костина Л.Н. О факторах влияния на профессиональное выгорание психологов органов внутренних дел // Экстремальная психология в экстремальном мире: Материалы II Международного научного Форума / Под ред. В.М. Позднякова, В.И. Екимовой, А.В. Кокурина, А.В. Сечко. М.: Изд-во МГППУ, 2022. С. 114-117.

9. Матюшкина Е.Я., Кантемирова А.А. Профессиональное выгорание и рефлексия специалистов помогающих профессий // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 2. С. 50-68.

10. Никульченкова Е.В., Черник В.А., Вольвач В.Г. Негативное влияние на психологическое состояние человека информационного воздействия в условиях пандемии COVID-19 // Инновационное образование и экономика. 2020. № 24 (24). С.59-61.

11. Петров В.Е., Левашова Т.Н. Психодиагностика в прогнозировании успешности профессиональной деятельности психолога ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах / Омская академия МВД России. Омск, 2011. № 1 (44). С. 71-73.

12. Петров В.Е., Левашова Т.Н. Особенности профессионально-личностного становления психологов ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах / Омская академия МВД России. Омск, 2010. № 4 (43). С. 71-77.

13. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.

14. Тепанян С.А. Влияние пандемии COVID-19 на психологическое состояние населения // Научно-практические исследования. 2020. № 12-2 (35). С. 63-70.

References:

1. Boyko V.V. The syndrome of «emotional burnout» in professional communication. St. Petersburg, 2007. 278 p.

2. Borisova M.V., Anisimova N.P. The main directions of prevention and correction of professional burnout // Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2001. № 2. Vol. 2. pp. 211-214.

3. Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S. Burnout syndrome: diagnosis and prevention. St. Petersburg: St. Petersburg, 2005. 336 p.

4. Volkanevsky S.V. Reflexivity as a determinant of the syndrome of «mental burnout» of personality: abstract. diss. ... cand. psychological sciences. Yaroslavl, 2010. 25 p.

5. Karpov A.V. Reflexivity as a mental property and methods of its diagnosis // Psychological Journal. 2003. Vol. 24. № 5. pp. 45-57.

6. Korotkina T.I., Melnikova A.A. Investigation of professional burnout and the severity of ways to overcome it in workers of various industrial enterprises // South-Russian Journal of Social Sciences. 2021. Vol. 22. № 3. pp. 116-133.

7. Kostina L.N., Larova M.S. Basic theoretical approaches in psychological science to the problem of professional burnout of representatives of professions of the «man-man» type // Psychology and pedagogy of official activity. 2021. № 3. pp. 43-48.

8. Lavrova M.S., Kostina L.N. On the factors of influence on professional burnout of psychologists of internal affairs bodies // Extreme Psychology in an extreme World: Materials of the II International Scientific Forum / Edited by V.M. Pozdnyakov, V.I. Ekimova, A.V. Kokurin, A.V. Sechko. M.: Publishing House of MGPPU, 2022. pp. 114-117.

9. Matyushkina E.Ya., Kantemirova A.A. Professional burnout and reflection of specialists of helping professions // Consultative psychology and psychotherapy. 2019. Vol. 27. № 2. pp. 50-68.

10. Nikulchenkova E.V., Chernik V.A., Volvach V.G. The negative impact of information influence on the psychological state of a person in the conditions of the COVID-19 pandemic // Innovative education and Economics. 2020. № 24 (24). pp. 59-61.

11. Petrov V.E., Levashova T.N. Psychodiagnostics in predicting the success of the professional activity of an ATS psychologist // Psychopedagogy in law enforcement agencies / Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Omsk, 2011. № 1 (44). pp. 71-73.

12. Petrov V.E., Levashova T.N. Features of professional and personal formation of psychologists of the Department of Internal Affairs // Psychopedagogy in law enforcement agencies / Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Omsk, 2010. № 4 (43). pp. 71-77.

13. Psychology of official activity: textbook and workshop for universities / A.V. Kokurin [et al.]; under the general editorship of A.V. Kokurin, V.E. Petrov, V.I. Ekimova, V.M. Pozdnyakov. M.: Yurayt Publishing House, 2020. 375 p.

14. Terpanyan S.A. The impact of the COVID-19 pandemic on the psychological state of the population // Scientific and practical research. 2020. № 12-2 (35). pp. 63-70.

Токарева Мария Николаевна,

Академия управления МВД России (г. Москва, Россия),
старший психолог отдела психологической работы
управления по работе с личным составом
e-mail: mariya-tokareva-90@mail.ru

Tokareva Maria Nikolaevna,

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of
Russia (Moscow, Russia), senior psychologist of the Psycho-
logical Work Department of the Personnel Management De-
partment

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ САНОГЕННОГО МЫШЛЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

THE PROBLEM OF STUDYING THE SANIC THINKING OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION: STATE AND PROSPECTS OF THE RESEARCH

Аннотация. В статье рассматривается необходимость изучения саногенного мышления сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с целью внедрения новых форм и методов работы психологической службы МВД России. Рассмотрено влияние саногенного мышления на формирование эмоциональной компетентности сотрудников органов внутренних дел, а также на повышение нервно-психической устойчивости и снижение влияния отрицательных эмоций.

Ключевые слова: саногенное мышление. саногенная рефлексия. эмоциональная компетентность. сотрудник органов внутренних дел.

Abstract. The article considers the need to study the sanogenic thinking of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation in order to introduce new forms and methods of work of the psychological service of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The influence of sanogenic thinking on the formation of emotional competence of employees of internal affairs bodies, as well as on increasing neuropsychic stability and reducing the influence of negative emotions is considered.

Keywords: sanogenic thinking. sanogenic reflection. emotional competence. an employee of the internal affairs bodies.

Саногенное мышление в контексте современных психологических концепций рассматривается в качестве инструмента контроля и совершенствования распознавания собственных эмоций и субъектности в саморегуляции. Оно способствует выработке адаптивных стратегий поведения, повышению стрессоустойчивости и является фактором развития психологической компетентности,

что в свою очередь приводит к повышению эффективности профессиональной деятельности.

В психологии под мышлением принято понимать психический процесс отражения действительности, высшую форму творческой активности человека [1; С. 456]. Мышление, которое уменьшает внутренний конфликт, напряженность, предотвращает заболевания, обозначается термином «саногенное», то есть «порождающее здоровье» [3; С. 141-142].

Наиболее полно и всесторонне саногенное мышление рассмотрено в концепции отечественного психолога Ю.М. Орлова. Мышление здесь рассматривается с позиции его влияния на качество жизни человека, в том числе и качество эмоциональной сферы. Основная роль саногенного мышления – это создание условий для самосовершенствования: гармонизация индивидуально-психологических черт личности, управление своими эмоциями, снижение эмоциональной напряженности, контроль своих потребностей [4; С. 141-142].

В отечественной психологии существует ряд экспериментальных исследований, которые подтверждают положительное влияние саногенного мышления на развитие личности человека, на повышение результативности его деятельности, а также на снижение тревожного состояния, улучшение социально-психологической адаптации, развитие эмоциональной компетентности.

Вопросы, связанные с изучением саногенного мышления, нашли свое отражение в современных психологических трудах и публикациях известных теоретиков и практиков в различных областях:

1) в области развития саногенного поведения как компонента саморегуляции (Л.И. Адамян., И.В. Арцимович, В.В. Лысенко, С.Ф. Марчукова, Ю.М. Орлов, А.Л. Рудаков и др.);

2) в области медицины (А.Л. Катков, М.А. Крамм, Н.Д. Творогова, Е.А. Фролова и др.);

3) в области повышения эффективности учебной деятельности (Т.Н. Васильева, Т.О. Гордеева, Л.А. Кананчук, Ю.Н. Крайнова, С.Н. Морозюк, В.А. Насонов, Е.Н. Осин, В.А. Рудагина и др.);

4) в области коррекции эмоциональных состояний осужденных (Л.А. Высотина, М.С. Козловская, В.М. Поздняков и др.).

В системе органов внутренних дел данная тема практически не изучена, за исключением исследования саногенной рефлексии как фактора оптимизации социально-психологической адаптации курсантов образовательных учреждений МВД России (С.Ф. Марчукова). При этом умение управлять своим эмоциональным состоянием, снижение влияния нежелательных эмоций, повышение работоспособности являются важнейшим условием качественного выполнения сотрудниками органов внутренних дел своих служебных задач.

Саногенное мышление является не только эффективным средством коррекции негативных эмоциональных состояний личности, но и инструментом изменения смысложизненных ориентаций. Средством достижения саногенного мышления является саногенная рефлексия. С.Н. Морозюк под саногенной рефлексией понимает «умственные акты различного уровня организации, возникающие в ответ на неопределенность ситуации и ведущие к определению ситуации и выбору оптимального решения» [3; С. 64-67]. Это рефлексия, направленная на снижение влияния негативных эмоций (обиды, вины, агрессии и др.)

на личность в стрессогенных ситуациях, обеспечивающая выбор конструктивных программ поведения, адекватных текущим обстоятельствам. Направленность саногенной рефлексии на осознание источника возникновения негативных эмоций является движущей силой саморегуляции отрицательных эмоциональных состояний.

Привычка саногенного рефлексирования позволяет снизить негативное влияние стрессовых ситуаций на эмоциональное состояние человека, а значит является эффективным профилактическим средством профессионального выгорания у сотрудников органов внутренних дел. Посредством овладения саногенной рефлексией возможно успешное преодоление негативных ситуаций и получение позитивного эмоционального опыта, который подкрепляет привычку в распознавании стереотипов мышления, программ поведения, запускающих отрицательные эмоции.

Саногенное мышление, безусловно, положительно влияет и на эмоциональную компетентность сотрудника органов внутренних дел, т.е. на «способность понимать свои собственные чувства, эмоциональные состояния других, правильно оценивать их, а также контролировать свои эмоции и конструктивно их выражать, используя их для того, чтобы управлять своим поведением» [6; С. 112].

Поскольку деятельность сотрудников силовых структур связана с постоянным стрессом, то каждый сотрудник должен понимать, что аспекты поддержания психологического здоровья, выход из стрессовых ситуаций, умение управлять своим состоянием становятся приоритетными и во многом определяют эффективность служебной деятельности. Таким образом, развитие навыков саногенного мышления сотрудников органов внутренних дел представляется одним из наиболее актуальных направлений в развитии психологической службы МВД России [2, 5, 6 и др.]. Именно поэтому объективно необходимыми и важными представляются исследования, посвященные методам управления сотрудниками своим эмоциональным состоянием и профилактики негативных последствий стрессогенных ситуаций.

Саногенное мышление не может возникнуть стихийно, ему необходимо обучать: формировать навыки, позволяющие контролировать мысли и управлять эмоциями. Организуя целенаправленную работу по обучению саногенному мышлению, психолог может своевременно заметить даже слабые признаки начинающейся психологической дезадаптации и своевременно организовать коррекционную работу с сотрудником органов внутренних дел.

Таким образом, развитие саногенного мышления может стать одним из важнейших направлений работы по формированию у сотрудников органов внутренних дел навыков бесконфликтного общения и нивелирования акцентуаций характера в поведении, снижению тревожности и повышению нервно-психической устойчивости, развитию психологической саморегуляции, в том числе в экстремальных ситуациях.

Список литературы:

1. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. С. 456.

2. Марьин М.И., Петров В.Е. Организация психологического обеспечения в образовательных учреждениях МВД России: учебно-методическое пособие / Под общ. ред. В.Л. Кубышко. М.: ЦОКР МВД России, 2006. 309 с.

3. Морозюк Ю.В., Морозюк С.Н. Саногенная рефлексия как фактор стрессоустойчивости персонала // Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международ. науч.-практ. конференции: в 34 ч. 2013. С. 64-67.

4. Орлов Ю.М. Восхождение к индивидуальности: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1991. С. 141-142.

5. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.

6. Райнольдс М. Коучинг: эмоциональная компетентность / пер. с англ. Центра поддержки корпоративного управления и бизнеса, 2003. 112 с.

References:

1. Big Psychological dictionary / edited by B.G. Meshcheryakova, V.P. Zinchenko. St. Petersburg: Prime-Euroznak, 2009. p. 456.

2. Maryin M.I., Petrov V.E. Organization of psychological support in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia: educational and methodical manual / Under the general editorship of V.L. Kubyshko. M.: TSOKR of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 309 p.

3. Morozyuk Yu.V., Morozyuk S.N. Sanogenic reflection as a factor of personnel stress resistance // Science and education in the XXI century: a collection of scientific papers based on the materials of the International. scientific and practical conferences: at 34 h. 2013. pp. 64-67.

4. Orlov Yu.M. Ascent to individuality: Book for a teacher. M.: Enlightenment, 1991. pp. 141-142.

5. Psychology of official activity: textbook and workshop for universities / A.V. Kokurin [et al.]; under the general editorship of A.V. Kokurin, V.E. Petrov, V.I. Ekimova, V.M. Pozdnyakov. M.: Yurayt Publishing House, 2020. 375 p.

6. Reynolds M. Coaching: emotional competence / translated from English. Center for Corporate Governance and Business Support, 2003. 112 p.

Шашкова Ирина Алексеевна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»
e-mail: irinashashkova@list.ru

Shashkova Irina Alekseevna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

ПРОФИЛАКТИКА ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА КУРСАНТОВ КАК УСЛОВИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗОВ МВД РОССИИ

PREVENTION OF INTRAPERSONAL CONFLICT OF CADETS AS A CONDITION FOR ENSURING THE PSYCHOLOGICAL SECURITY OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE UNIVERSITIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена отдельным аспектам профессионально-личностного становления курсантов вузов МВД России. Рассматриваются особенности генерализации

внутриличностного конфликта у курсантов старших курсов обучения. Подчеркивается актуальность профилактической работы с обучающимися.

Ключевые слова: психологическая безопасность личности, внутриличностный конфликт, психологическое сопровождение, образовательная среда.

Abstract. The article is devoted to certain aspects of professional and personal formation of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The features of generalization of intrapersonal conflict in senior cadets are considered. The urgency of preventive work with students is emphasized.

Keywords: psychological security of the individual, intrapersonal conflict, psychological support, educational environment.

Внутриличностные конфликты затрагивают все стороны жизни человека, включая систему социальных отношений, профессиональную деятельность, определяют полноту самореализации, особенности личностного и профессионального роста. В отношении будущих специалистов это является причиной понижения профессиональной активности, скрытой ненадежности и высокой уязвимости личности, негативно отражается на мотивации и качестве исполнения им профессиональных обязанностей, что в итоге приводит к преждевременному завершению карьеры. Тезис в полной мере справедлив в отношении представителей профессий особого риска [1, 5 и др.].

Известно, что одним из первых ученых, кто экспериментально исследовал внутриличностный конфликт как психологическое явление был К. Левин [цит по. 2, С. 47]. Было доказано, что данное психологическое явление детерминировано борьбой одновременно разнонаправленных потребностей. К. Левин предложил классифицировать внутриличностный конфликт по следующим типам: 1) «приближение – приближение» (в таком состоянии человеку приходится выбирать между одинаковыми актуально-значимыми альтернативами, которые взаимоисключают друг друга); 2) «приближение – удаление» (одна и та же цель вызывает у человека одновременно отрицательные и положительные эмоции); 3) «удаление – удаление» (человек вынужден выбрать одну из равнозначных актуальных альтернатив).

Проблема внутриличностного конфликта раскрывалась в исследованиях отечественных психологов, среди них Л.И. Божович, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, В.С. Мерлин, В.Н. Мясищев, Ф.Е. Василюк, Т.В. Мальцева и др. Рассмотрим кратко их основные идеи.

Внутриличностный конфликт детерминирован наличием противоречий, возникающих у человека при осознании сложившейся ситуации, в которой он находится, например: когда образ желаемого не соответствует действительному (т.е. когнитивный диссонанс); наличие объективных / субъективных трудностей при реализации образа будущего [3], или его не четкого представления и др.

В контексте обучающихся в образовательных организациях высшего образования отметим, что у них внутриличностный конфликт проявляется в мыслях о ненужности обучения, неправильного выбора учебного заведения и предполагаемой специальности, неадекватное и низкоэффективное взаимодействие с профессорско-преподавательским составом и членами учебного коллектива и др.

Успешное профессиональное образование будущих специалистов для органов внутренних дел возможно только при качественном психологическом сопровождении учебно-воспитательного процесса, включающем в себя, в том числе диагностику внутриличностного конфликта обучающихся, так как он является детерминантой снижения успеваемости и дезорганизации поведения курсанта. Поэтому так важны своевременное обнаружение внутриличностного конфликта у курсантов образовательных организаций МВД России в период их обучения, адекватная помощь со стороны психологов, профессорско-преподавательского состава и курсовых офицеров в их конструктивном преодолении [4, 6, 7 и др.].

Процесс формирования и развития профессиональных качеств курсантов и слушателей с учетом специфических условий обучения можно разделить условно на учебно-академический и учебно-профессиональные периоды.

В учебно-академический период входят первые 3 курса обучения. Здесь большую роль играют именно те фундаментальные знания, которые закладывались еще в школьное время, способности к познавательной деятельности, наличие мотивации в освоении выбранной специальности и др. Новообразованием данного периода является привыкание и освоение новых форм обучения, которые характерны уже для высших образовательных учреждений, в частности у курсантов это освоение себя в новой специфической среде обучения.

На 4 и 5 курсах учебно-академический период сменяется на учебно-профессиональный. На данном этапе курсанты и слушатели принимают свой профессиональный выбор, и происходит формирование профессионального самосознания. Курсанты и слушатели изучают дисциплины, связанные с профессиональной деятельностью, а также проходят практику согласно выбранной специальности. На данном этапе в качестве новообразования выступает развитие и формирование мотивации к будущей профессиональной деятельности; становление структуры профессионального интеллекта.

Полагаем, что именно в период между 3 и 4 годами обучения у курсантов образовательных организаций МВД России возникает внутриличностный конфликт. Это мнение обусловлено тем, что после 3 курса курсанты направляются на практику по получению первичных знаний и умений оперативно-служебной деятельности в территориальных подразделениях ОВД. Там они сталкиваются с той проблемой, когда многие теоретические аспекты, которым их обучали преподаватели, значительно отличаются от практических реалий, у них возникает когнитивный диссонанс. Также курсанты воочию видят будни сотрудников полиции, сами погружаются в них и в основном, их идеалистическое представление отличается от объективных реальных условий, в которых сотрудник полиции проходит службу. По окончании практики курсант начинает реально задумываться и задавать себе вопросы: «А надо ли мне все это?»; «Смогу ли я принять и преодолеть профессиональные трудности» и так далее. Следовательно, возникает борьба мотивов, противоречивость восприятия и другие факторы дезорганизующие курсанта. По возвращению с практики курсант вновь погружается в среду образовательной организации, например, при нахождении на занятии по той или иной профильной дисциплине у курсанта возникает внутрен-

ний диалог, противоречие между тем, чему учит преподаватель и тем, что имеется в реалиях его будущей профессиональной специальности на практике.

В этой связи начинается искажаться восприятие учебной информации, снижается успеваемость и учебная мотивация. Могут возникать конфликтные ситуации с другими курсантами, курсовыми офицерами, снижается уровень исполнительской и служебной дисциплины. Именно в этот период психологической службе образовательной организации МВД России, профессорско-преподавательскому составу, курсовым офицерам и другим субъектам учебно-воспитательного процесса необходимо обращать внимание на проявление различных паттернов поведения курсантов, а также в рамках внеаудиторной деятельности проводить психолого-педагогические мероприятия с обучающимися.

Список литературы:

1. Анкудинов Н.В., Жарких А.А., Кокурин А.В., Марьин М.И. Развитие готовности курсантов вузов ФСИН России к профессиональной деятельности в отделах специального назначения // Психология и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 109-125.
2. Жданов В.О. Внутриличностный конфликт госслужащего и акмеологический подход к его разрешению: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.
3. Вагина В.О., Кочетов Р.Г. Внутриличностный конфликт. конфликт по Зигмунду Фрейду // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 6-10. С. 40-42.
4. Литвинова А.В., Котенева А.В., Кокурин А.В., Иванов В.С. Проблемы психологической безопасности личности в экстремальных условиях жизнедеятельности // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 8-16.
5. Марьин М.И., Петров В.Е. Организация психологического обеспечения в образовательных учреждениях МВД России: учебно-методическое пособие / Под общ. ред. В.Л. Кубышко. М.: ЦОКР МВД России, 2006. 309 с.
6. Мальцева Т.В., Реуцкая И.Е., Петров В.Е. Психологическое консультирование личности в процессе профессионализации: учебное пособие. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2020. 136с.
7. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.

References:

1. Ankudinov N.V., Zharkikh A.A., Kokurin A.V., Maryin M.I. Development of readiness of cadets of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia for professional activity in special purpose departments // Psychology and Law. 2021. Vol. 11. № 4. pp. 109-125.
2. Zhdanov V.O. The intrapersonal conflict of a civil servant and the acmeological approach to its resolution: abstract of the dissertation ... cand. psychological sciences. M., 2000.
3. Vagina V.O., Kochetov R.G. Intrapersonal conflict. conflict according to Sigmund Freud // Modern trends in the development of science and technology. 2015. № 6-10. pp. 40-42.
4. Litvinova A.V., Koteneva A.V., Kokurin A.V., Ivanov V.S. Problems of psychological security of the individual in extreme conditions of life // Modern foreign psychology. 2021. Vol. 10. № 1. pp. 8-16.
5. Maryin M.I., Petrov V.E. Organization of psychological support in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia: educational and methodical manual / Under the general editorship of V.L. Kubyshko. M.: TSOKR of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 309 p.
6. Maltseva T.V., Reutskaya I.E., Petrov V.E. Psychological counseling of a person in the process of professionalization: textbook. M.: RIOR: INFRA-M, 2020. 136 p.
7. Psychology of official activity: textbook and workshop for universities / A.V. Kokurin [et al.]; under the general editorship of A.V. Kokurin, V.E. Petrov, V.I. Ekimova, V.M. Pozdnyakov. M.: Yurayt Publishing House, 2020. 375 p.

Секция 2. Психология безопасности личности и социальной среды
в транзитивном мире

Аникеева Наталья Викторовна,

Московский университет МВД России имени
В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия), доцент кафедры психоло-
гии, кандидат психологических наук
e-mail: n.anikeeva0606@yandex.ru

Anikeeva Natalya Viktorovna,

Moscow University Russian interior Ministry named
V.Ya. Kikot (Moscow, Russia), associate professor of the de-
partment of psychology, Ph.D

**К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ РЕФЛЕКСИИ У БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ В
ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

**TO THE QUESTION OF THE DEVELOPMENT OF REFLECTION IN FUTURE
PSYCHOLOGISTS IN THE PROCESS OF LEARNING IN AN EDUCATIONAL
INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION**

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу условий развития личностной и профессиональной рефлексии у будущих практических психологов. Особое внимание автор уделил влиянию «субъект-субъектной» или «диалогической» парадигме на развитие профессионала. Материал носит аналитико-обзорный характер.

Ключевые слова: профессионально важные качества личности, рефлексия, «субъект-субъектная» или «диалогическая» парадигма, развивающая стратегия воздействия.

Abstract. The article is devoted to the theoretical analysis of the conditions for the development of personal and professional reflection in future practical psychologists. The author paid special attention to the influence of the «subject-subject» or «dialogic» paradigm on the development of a professional. The material is analytical and review in nature.

Keywords: professionally important personality qualities, reflection, «subject-subject» or «dialogic» paradigm, developing influence strategy.

Современная система подготовки психологов построена таким образом, что учебные программы, по которым осуществляется профессиональная подготовка будущих специалистов, направлены на формирование у обучающихся профессиональных компетенций, развитие необходимых профессионально важных и личностных качеств. В то же время существует необходимость их дополнения целенаправленными усилиями по развитию у будущих специалистов устойчивой потребности в профессиональном самосовершенствовании, формированию адекватной профессиональной «Я-концепции», развитию профессиональной идентичности, связанной, в частности, и с развитой рефлексией.

Существующая концепция профессиональной подготовки практических психологов в образовательных организациях России предусматривает ступенчатую профессиональную подготовку, где на начальном этапе (первом курсе обучения в образовательной организации) происходит овладение основным концептуальным аппаратом психологической науки и получение начальных представлений о будущей профессиональной деятельности, затем на втором-третьем курсах осваиваются основы проведения психодиагностики и экспери-

ментальных исследований. Наконец, на старших курсах – четвертом-пятом – обучающиеся знакомятся с практико-ориентированными дисциплинами, которые предусматривают обучение практическим методам и приемам психологической помощи. Попутно здесь решаются задачи формирования профессиональных компетенций с помощью использования активных методов обучения [3, 7 и др.], включающие, в частности, проигрывание ролей «психолога» и «клиента» в моделируемых проблемных ситуациях (на дисциплинах «Психологическое консультирование», «Психологическая коррекция и реабилитация» и др.).

Анализ психологических исследований [3, 6, 8 и др.] и многолетний опыт наблюдения за будущими психологами в процессе освоения профессии показывает, что профессиональная подготовка будущих специалистов не может ограничиваться исключительно накоплением профессиональных знаний, умений и навыков. Выполнение профессиональных функций (особенно это касается профессий системы «человек-человек») предполагает личностную реализацию, интегрированные индивидуальные реакции на определенные ситуации, неповторимый индивидуальный стиль межличностного взаимодействия с другими участниками профессиональной деятельности. Следовательно, образовательный процесс должен способствовать переходу субъектов обучения от стратегии самосозерцания к стратегии самопреобразования и саморазвития, перестройки структур субъективного опыта в соответствии с задачами профессиональной подготовки. Реализация этих задач связана с необходимостью формирования профессиональной составляющей Я-концепции и постоянной работой по развитию рефлексивного отношения к себе как к субъекту профессиональной деятельности, развитию внутреннего образа себя как будущего специалиста.

Важным условием формирования профессионального самосознания, профессионального саморазвития, сознательного формирования профессионально значимых качеств выступает рефлексия. Учитывая, что развитие является процессом внутренним и судить о его прохождении доступно, прежде всего, самому субъекту, то оценку такого развития и позволяет совершить рефлексия, как акт самонаблюдения, самоанализа, саморазмышления.

В процессе подготовки будущих практических психологов первостепенными являются два аспекта рефлексии – профессиональный и личностный. Эти аспекты взаимосвязаны и взаимообусловлены, и в своем единстве составляют проблематику профессионального становления личности специалиста.

Важным условием развития личности психолога должна стать открытость новому опыту, связанному с личностным познанием. Психологу нужны знания рефлексивные, поскольку именно они дают возможность развивать свой личностный социально-перцептивный потенциал, овладеть навыками самоанализа и анализа целостной ситуации взаимодействия.

Для организации эффективного воздействия на личность обучающегося предпочтительна «субъект-субъектная» или «диалогическая» парадигма, которая «основана на вере в конструктивное, активное, созидательное и творческое начало человеческой природы, на его изначальной моральности и доброте, его альтруистической и коллективистической направленности, выступающих в качестве предпосылок и условий совместного существования и выживания людей» [4, С. 41]. В рамках этой парадигмы действует развивающая стратегия

воздействия, реализуемая в диалоге двух и более равноправных субъектов взаимодействия, которая предусматривает: эмоциональную и личностную открытость; психологическую ориентацию на актуальные состояния друг друга, доверительность и искренность в выражении чувств. При соблюдении этих условий возникает общее психическое пространство и временная протяженность в процессе взаимодействия преподавателя с обучающимися, их эмоциональное «бытие вместе», где взаимодействие в объектном, монологическом смысле уже не существует, а ее место занимает психологическое единство субъектов.

В образовательной организации необходимо уделять больше внимания реализации коммуникативного потенциала личности; созданию комфортной образовательной среды для двусторонней коммуникации. Применительно к образовательному процессу специфика диалогического воздействия раскрывается, прежде всего, в ориентации преподавателя на сотрудничество с обучающимися, признании принципиальной личностной равноценности с ними в диалоге и совместном творчестве, когда за обучающимся признается право на собственную позицию; в то же время преподаватель с уважением относится к мнению обучающихся и, при необходимости вносит коррективы в собственную позицию, тем самым показывая на личном примере рефлексивность взаимодействия.

Диалогическое взаимодействие является выражением педагогической позиции, суть которой, по мнению Г.С. Абрамовой, состоит в том, что она является отражением концепции жизни, согласно которой и преподаватель, и студенты являются носителями собственной сущности. Вследствие этого рефлексия становится необходимостью, влияние другого не расценивается как проявление силы; согласие, сотрудничество является логическим следствием взаимодействия; принятие решения – выражением собственной экзистенции, пусть в бытовой форме, но последняя и является естественной в данный момент жизни [1, С. 191]. Участники взаимодействия при этом не теряют собственного «Я», а утверждают его разнообразие и идентичность собственной экзистенции, взаимодействие не деформирует людей, а приносит им новые, более глубокие переживания собственной сущности.

Построение системы взаимоотношений между участниками образовательных отношений на принципах диалога, гармонии деловых и личностных отношений, в результате которых реализуется коммуникативный потенциал субъектов взаимодействия, выступает существенным условием при решении учебных и профессиональных задач в образовательной организации.

Реализация этого подхода дает возможность будущим практическим психологам развивать собственный творческий потенциал и продуктивно заниматься самосовершенствованием. Кроме того, диалогический подход предполагает интериоризацию внешней профессиональной деятельности, сознательное развитие и совершенствование на этой основе профессионально важных качеств, психологических особенностей речевой деятельности.

Обучающиеся должны быть поставлены в позицию активных субъектов деятельности, а преподаватель создает условия, необходимые для такого включения, и выполняет функции: а) добивается, чтобы цели и задачи обучения были связаны с потребностями, запросами, интересами обучающихся, а последние при этом осознавали возможности их достижения; б) направляет и регулирует процесс деятельности при решении разного рода учебных и квазипрофессио-

нальных задач, причем такая регуляция включает как информационный (передача знаний о свойствах объектов и способы действий с ними), так и организационный (включение в те или иные формы учебной деятельности) аспекты; в) осуществляет контроль и оценку, причем речь идет, с одной стороны, о пооперационном контроле, который осуществляется во время решения отдельных операций учебной задачи, а с другой, о итоговой оценке достигнутых результатов, анализе их достижений и ошибок, о выборе направлений дальнейшей работы.

Максимально эффективным диалогический подход будет в роли средства освоения ситуационных и имитационных моделей, которые воспроизводят будущую профессиональную деятельность. Диалог при этом сначала строится как развернутый, на котором надстраивается его обсуждение.

В. Франкл утверждал, что «во времена экзистенциального вакуума, основная задача образования состоит не в том, чтобы довольствоваться передачей традиций и знаний, а в том, чтобы совершенствовать способность, которая дает человеку возможность находить те уникальные смыслы, которые не задеты распадом универсальных ценностей» [цит. по 5, С. 44]. Сегодня образование не может оставаться в русле традиции, оно должно развивать способность принимать независимые аутентичные решения [9, 10 и др.].

Таким образом, необходимо создание такой модели обучения, в которой были бы последовательно реализованы следующие условия: понимание будущими специалистами-психологами профессиональной деятельности как преимущественно коммуникативной; осознание себя как активного инициатора диалогического субъект-субъектного взаимодействия с другими участниками этого процесса, роли своих коммуникативных возможностей для оптимизации общения; признание личности клиента как активного и ответственного участника и партнера в общении во время взаимодействия с ним.

Список литературы:

1. Абрамова Г.С. Введение в практическую психологию. 2-е изд., М.: Издательский центр «Академия», 1996. 224 с.
2. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
3. Климов Е.А. Становление профессионала: приближение к идеалам культуры и сотворение их: учебное пособие. М.: МПСИ, 2006. 176 с.
4. Ковалев Г.А. Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 41-49.
5. Пергаменщик Л. Кризисная психология: Учебное пособие. Мн.: Вышэйшая школа, 2004. 288 с.
6. Петров В.Е. Введение в профессию «Психолог органов внутренних дел»: учебное пособие. М., 2006. 424 с.
7. Пряжников Н.С. Психологический смысл труда: учебное пособие к курсу «Психология труда и инженерная психология». М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997. 352 с.
8. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
9. Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 31-40.

10. Тюков А.А. О путях описания психологических механизмов рефлексии // Проблемы рефлексии. Современные комплексные исследования. Новосибирск, 1978. С. 70-75.

References:

1. Abramova G.S. Introduction to practical psychology. 2nd ed., Moscow: Publishing Center «Academy», 1996. 224 p.
2. Zinchenko V.P. Consciousness and creative act. M.: Languages of Slavic cultures, 2010. 592 p.
3. Klimov E.A. Becoming a professional: approaching the ideals of culture and creating them: textbook. M.: MPSI, 2006. 176 p.
4. Kovalev G.A. Three paradigms in psychology – three strategies of psychological impact // Questions of psychology. 1986. № 4. pp. 41-49.
5. Pergamenshchik L. Crisis psychology: Textbook. Mn.: Higher School, 2004. 288 p.
6. Petrov V.E. Introduction to the profession of «Psychologist of internal affairs bodies»: textbook. M., 2006. 424 p.
7. Pryazhnikov N.S. The psychological meaning of labor: a textbook for the course «Labor psychology and engineering psychology». M.: In-t prakt. Psychology; Voronezh: MODEK, 1997. 352 p.
8. Psychology of official activity: textbook and workshop for universities / A.V. Kokurin [et al.]; under the general editorship of A.V. Kokurin, V.E. Petrov, V.I. Ekimova, V.M. Pozdnyakov. M.: Yurayt Publishing House, 2020. 375 p.
9. Stepanov S.Yu., Semenov I.N. Psychology of reflection: problems and research // Questions of psychology. 1985. № 3. pp. 31-40.
10. Tyukov A.A. On ways of describing psychological mechanisms of reflection // Problems of reflection. Modern comprehensive research. Novosibirsk, 1978. pp. 70-75.

Боган Виталий Алексеевич,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»
e-mail: zikolaev@yandex.ru

Bogdan Vitaly Alekseevich,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ВИРТУАЛЬНО МОДЕЛИРУЕМЫХ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

FEATURES OF THE PSYCHOLOGICAL IMPACT OF VIRTUALLY SIMULATED EXTREME SITUATIONS IN ADOLESCENCE AND ADOLESCENCE

Аннотация. Приводятся материалы исследования влияния виртуально моделируемых экстремальных ситуаций на эмоциональную сферу учащихся юношеского и молодежного возраста. На выборке 33 испытуемых (18-22 года; экспериментальная группа – 15 чел., контрольная группа – 18 чел.) показано, что виртуально моделируемые экстремальные ситуации влияют на эмоциональную сферу в юношеском возрасте, и это влияние, скорее, позитивное. У испытуемых увеличиваются положительные эмоции приобретения и интереса, а также повышаются показатели ощущения безопасности учебной среды. Материал направлен на совершенствование психологической работы с юношами и подростками.

Abstract. The materials of the study of the influence of virtually simulated extreme situations on the emotional sphere of students of adolescence and youth age are presented. A sample of

33 subjects (18-22 years old; experimental group – 15 people, control group – 18 people) showed that virtually simulated extreme situations affect the emotional sphere in adolescence, and this influence is rather positive. The subjects have increased positive emotions of acquisition and interest, as well as increased indicators of the sense of security of the learning environment. The material is aimed at improving psychological work with young men and adolescents.

Ключевые слова: психологическое воздействие, экстремальные ситуации, подростковый возраст, юношеский возраст.

Keywords: psychological impact, extreme situations, adolescence, adolescence.

В наше время, когда в социуме происходит множество изменений в различных областях жизни, люди зачастую становятся участниками экстремальных ситуаций, из которых необходимо скорейшим образом найти выход, сменить ориентиры, адаптироваться к нестабильному положению и к неопределенности. Актуальной выступает проблема сохранения психологической и эмоциональной стабильности у юношей и девушек в ситуации нестабильности. Важным вопросом является помощь юношам и девушкам в процессе становления личности. На сегодняшний день вопрос психологического воздействия виртуально моделируемых экстремальных ситуаций на эмоциональную сферу в данном возрасте является недостаточно изученным.

Юношеский возраст рассматривается психологами как значимый период жизни, который определяет развитие и становление субъективной и эмоциональной области психики и процессов саморегуляции [6; 15]. Современные юноши и девушки все чаще сталкиваются с экстремальными ситуациями. Возникает вопрос, как научить их справляться с этими ситуациями, до того как они произойдут, чтобы экстремальные ситуации не способствовали росту незрелой идентичности, формированию образа «неудачника» [2]. Для этого можно использовать технологии виртуальной реальности, которые могут помочь превентивно научить молодых людей реагировать на экстремальное событие в безопасной (виртуально моделируемой) форме. Также обучение в виртуальной реальности может помочь адаптировать эмоциональную сферу к экстремальным ситуациям. События, созданные в виртуальном мире, могут в большей мере повлиять на определенный вид деятельности юношей и девушек. При этом исследование виртуальной реальности содержит в себе и основу для разработки предложений по реализации такого вида деятельности [1; 7; 9, 15].

Проблемы эмоциональной сферы являются предметом многих психологических исследований. Так, например, в специализированных литературных источниках большое внимание отводилось исследованию конкретных эмоций, чувств [8; 13 и др.]. Отрицательные эмоции (тревога и страх) изучались Н.Д. Левитовым [12]. Дистресс и фрустрация были объектом внимания К. Хорни [17, С. 95]. Состояние аффекта и агрессия в поведении исследовались Р.С. Лазарусом [11]. Положительные эмоции (смех, любовь и т.д.) ставились во главу угла З. Фрейдом [16, С. 42].

В настоящее время проводятся исследования влияния виртуальной реальности на эмоциональную сферу и поведение юношей и девушек. Ряд исследований Э.Н. Гайнуллиной были направлены на изучения воздействия виртуальной компьютерной реальности на развитие компьютерной аддикции [4, С. 127;

14 и др.]. А.Е. Войкунским анализировалась проблема психологических особенностей коммуникации и мотивации в компьютерной игре, а также необходимость общения в подростковом и юношеском возрасте, у которых совершенно разный уровень компьютерной аддикции [3, С. 206]. В.М. Емельяновым исследовались особенности влияния компьютерной трехмерной графики [5, С. 368]; С.А. Кожевников исследовал оценки различных VR-систем [10, С. 36].

Анализ специальных публикаций отечественных и зарубежных авторов в области влияния виртуальной реальности, смоделированной на основе применения различных экстремальных ситуаций, на подростков и юношей, показал, что при указании на актуальность проблемы, данной проблематике посвящено немного исследований.

Целью нашего исследования выступило изучение особенностей психологического воздействия виртуально моделируемых экстремальных ситуаций на эмоциональную сферу обучающихся юношеского возраста. Применялись следующие методики: «Самооценка эмоциональных состояний» (А. Уэссман и Д. Рикс); Опросник САН (В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьева и др.); «Шкала ситуативной тревожности» Ч.Д. Спилбергера (адаптация Ю.Л. Ханина); «Шкала-градусник самооценки эмоциональной сферы» (Т.Н. Березина).

В качестве методик воздействия, виртуально моделируемых экстремальных ситуаций, был взят ряд компьютерных игр. Первая игра была DragonRollerCoaster VR, где виртуально моделированный экстремальный сюжет и развитие ситуации представлены симуляцией «американских горок» и необходимостью оторваться от догоняющего «игрока-дракона», который старается игрока сжечь. В процессе погружения в данную виртуально моделируемую экстремальную ситуацию испытуемым необходимо было перемещаться на большой скорости. Перемещение происходило с вызыванием эмоций из-за резких и непредсказуемых перепадов высоты.

Вторая игра Overflight представляла собой авиа-симулятор, причем состоит из двух раундов продолжительностью по 5 минут. В процессе первого раунда испытуемый примеряет на себя роль пилота при выполнении им обычного рейса. Во время второго раунда происходит бой с противником с динамичными действиями, как со стороны испытуемых, так и со стороны виртуально моделируемого противника.

Погружение испытуемых в виртуально моделируемые экстремальные ситуации осуществлялось с помощью автономного шлема с полноценным функционалом компьютерного VR-шлема. Он имеет хорошие экраны и мощную начинку для изменений. Довольно быстро и просто с помощью Wi-fi или кабеля данный шлем подключается к компьютеру и расширяет свой функционал за счет поддержки VR-программ, созданных только для компьютерных шлемов. Конструкция шлема позволяет увеличить угол обзора, в комплект входят контроллеры, способные отслеживать движение в пространстве по шести осям.

В исследовании приняло участие 33 человека от 18 до 22 лет (13 муж. и 20 жен.). Испытуемых были разделены на две равнозначные по составу представителей группы (экспериментальную и контрольную). Для математической обработки данных применялся Z-критерий.

На основании анализа результатов самооценки эмоциональных состояний испытуемых до и после воздействия (рис. 1) можно утверждать, что установлены достоверные сдвиги значений по шкале И3 – Приподнятость – подавленность ($T=6$; $z=-2,219$; $p<0,05$; показатели И3 после воздействия значительно повысились).

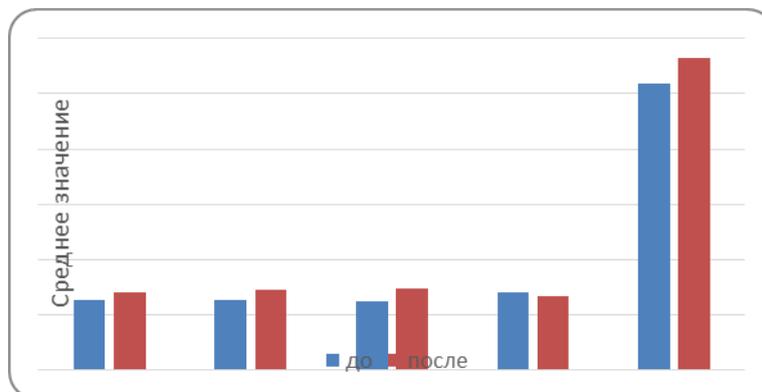

Рисунок 1 – Показатели эмоциональных состояний до и после ВР-воздействия

Можно обратить внимание на изменения, значимые на уровне тенденции ($p<0,1$): повысились показатели И2 – Энергичность – усталость ($z=-1,843$; $p<0,1$) и И5 – Суммарная оценка состояния ($z=-1,742$; $p<0,1$). Изменение (положительный сдвиг) показателей активности можно считать значимым на уровне тенденции ($z=-1,660$; $p<0,1$).

При проведении сравнительного анализа результатов самочувствия, активности и настроения испытуемых до и после воздействия достоверных сдвигов не обнаружено (рис. 2).

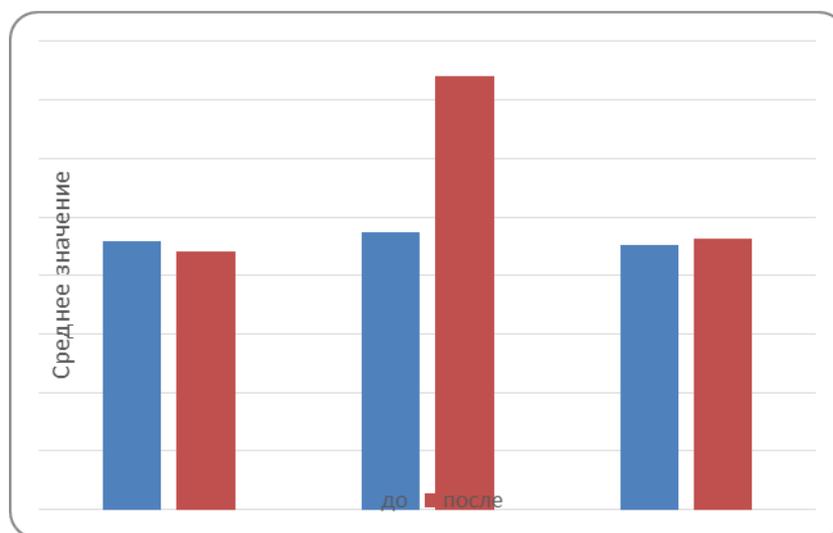

Рисунок 2 – Средний показатели по методике САН до и после ВР-воздействия

Сравнительный анализ эмоциональных переживаний испытуемых до и после воздействия показал (рис. 3), что существуют достоверные положительные сдвиги значений по шкалам «Эмоции приобретения» ($T=2$; $z=-2,944$; $p<0,01$) и «Эмоции наступления» ($T=4$; $z=-2,172$; $p<0,05$). Значимо (на уровне тенденции) повысились показатели по шкале «Эго» ($z=-1,760$; $p<0,1$).

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что под VR-влиянием на эмоциональную сферу у юношей и девушек происходит повышение активности, несмотря на то, что испытуемые чувствовали усталость.

У участников исследования после воздействия виртуальной реальности растут положительные эмоции приобретения, возбуждающие эмоции наступления и уровень эмоций, которые связаны с сознанием человека.

В ходе исследования, наряду со всем вышеперечисленным, был обнаружен и рост показателей домашнего благополучия и общей эмоциональной безопасности образовательной среды.

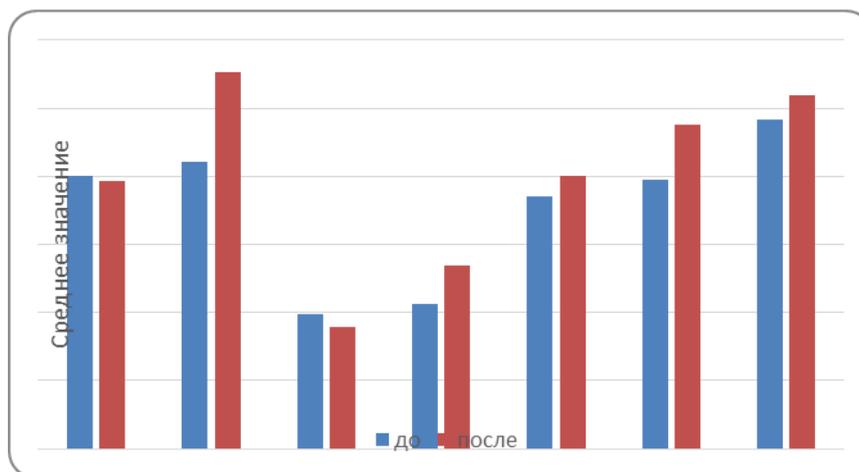

Рисунок 3 – Показатели эмоциональных переживаний испытуемых до и после VR-воздействия

Таким образом, результаты дают возможность констатировать, что виртуально моделируемые экстремальные ситуации влияют на эмоциональную сферу в юношеском возрасте, и это влияние, скорее позитивно, потому что увеличиваются положительные эмоции и показатели безопасности образовательной среды.

Список литературы:

1. Березина Т.Н., Литвинова А.В., Кошелева С.Н. Психолого-педагогическая безопасность виртуальных игр, рекомендуемых для младших школьников // Перспективы науки и образования. 2022. № 3 (57). С. 565-581.
2. Березина Т.Н. Формирование эмоциональной безопасности образовательной среды (психолого-педагогические аспекты) // Современное образование. 2015. № 1. С. 53-68.
3. Войскунский А.Е. Теоретико-эмпирическое исследование становления психологии Интернета в Китае на материале проблемы зависимости от Интернета // NB: Психология и психотехника, 2013. № 4. С. 155-237.
4. Гайнуллина Э.Н. Ценность здоровья в структуре ориентаций студентов-геймеров: дисс... канд. социол. наук. Уфа. 2010. 153 с.
5. Емельянов В.М. Коханов В.Н., Некрасов П.А. и др. Защита населения и территорий в чрезвычайных ситуациях. М.: Академический проект, 2018. 480 с.
6. Зорин К.В. Зависимость: компьютерная, игровая, никотиновая... М.: Русский Хронограф, 2017. 641 с.
7. Иванов Д.В. Виртуализация общества [Электронный ресурс]. URL.: <http://ml6.medport.ru/USSR/chapters/society.htm> (дата обращения: 04.06.2022).

8. Иванов Д. Субъектно-ориентированные модели виртуальных реальностей целевого назначения (МВР) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fact.ru/archive/07/mvp.shtml> (дата обращения: 04.06.2022).

9. Каменская Е.Н. Психологическая безопасность личности и поведение человека в чрезвычайной ситуации: учеб. пособие. Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2017. 110 с.

10. Кожевников С.А. Увлеченность компьютерными играми как предмет психологического анализа // Студенческий вестник. 2018. № 27-1 (47). С. 33-40.

11. Лазарус Р.С. Теория стресса и психофизиологические исследования. Эмоциональный стресс: физиологические и психологические реакции / под ред. Л. Леви, В.Н. Мясищева. СПб.: Питер, 2016.

12. Левитов Н.Д. Психическое состояние беспокойства, тревоги // Тревога и тревожность: хрестоматия / Сост. В.М. Астапов. СПб., 2008. С. 75-84.

13. Легостаев Б.Л. Организация педагогического оценивания обучающихся с использованием технологий виртуальной реальности: дисс... кан. пед. наук. М., 2021. 126 с.

14. Рахматуллаев А.Н. Технология виртуальной реальности // Молодой ученый, 2021. № 18 (360). С. 50-58.

15. Соловьева А.В. Психологическая защита в подростковом возрасте. Сущность, содержание, причины. М.: Наука, Флинта, 2015. 184 с.

16. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М.: Экспо, 2017. 64 с.

17. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Новые пути в психоанализе. СПб.: Питер, 2014. 102 с.

References:

1. Berezina T.N., Litvinova A.V., Kosheleva S.N. Psychological and pedagogical safety of virtual games recommended for younger schoolchildren // Prospects of science and education. 2022. № 3 (57). pp. 565-581.

2. Berezina T.N. Formation of emotional security of the educational environment (psychological and pedagogical aspects) // Modern education. 2015. № 1. pp. 53-68.

3. Voiskunsky A.E. Theoretical and empirical study of the formation of Internet psychology in China based on the problem of dependence on the Internet // NB: Psychology and Psychotechnics, 2013. № 4. pp. 155-237.

4. Gainullina E.N. The value of health in the structure of student-gamers' orientations: diss... cand. social sciences. Ufa. 2010. 153 p.

5. Emelyanov V.M. Kohanov V.N., Nekrasov P.A. and others Protection of the population and territories in emergency situations. M.: Academic project, 2018. 480 p.

6. Zorin K.V. Addiction: computer, gaming, nicotine... Moscow: Russian Chronograph, 2017. 641 p.

7. Ivanov D.V. Virtualization of society [Electronic resource]. URL.: <http://ml6.medport.ru/USSR/chapters/society.htm> (accessed: 06/04/2022).

8. Ivankov D. Subject-oriented models of target-purpose virtual realities (MVR) [Electronic resource]. URL: <http://www.fact.ru/archive/07/mvp.shtml> (accessed: 06/04/2022).

9. Kamenskaya E.N. Psychological security of personality and human behavior in an emergency situation: studies.stipend. Rostov-on-Don: SFU Publishing House, 2017. 110 p.

10. Kozhevnikov S.A. Passion for computer games as a subject of psychological analysis // Student Bulletin. 2018. № 27-1 (47). pp. 33-40.

11. Lazarus R.S. Theory of stress and psychophysiological research. Emotional stress: physiological and psychological reactions / edited by L. Levi, V.N. Myasishchev. St. Petersburg: Peter, 2016.

12. Levitov N.D. Mental state of anxiety, anxiety // Anxiety and anxiety: a textbook / Comp. V.M. Astapov. SPb., 2008. pp. 75-84.

13. Legostaev B.L. Organization of pedagogical assessment of students using virtual reality technologies: diss... kan. ped. nauk. M., 2021. 126 p.

14. Rakhmatullaev A.N. Virtual reality technology // Young scientist, 2021. № 18 (360). pp. 50-58.
15. Solovyova A.V. Psychological protection in adolescence. Essence, content, causes. M.: Nauka, Flint, 2015. 184 p.
16. Freud Z. Introduction to psychoanalysis: lectures. Moscow: Expo, 2017. 64 p.
17. Horney K. Neurotic personality of our time. New ways in psychoanalysis. St. Petersburg: Peter, 2014. 102 p.

Быкова Таусия Ивановна,

Московский университет МВД России имени
В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия), курсант
e-mail: bykovataisia8@gmail.com

Vukova Taisiya Ivanovna,

Moscow University Russian interior Ministry named
V.Ya. Kikot (Moscow, Russia), cadet

Сударик Александр Николаевич,

Московский университет МВД России имени
В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия), заместитель начальника
кафедры психологии, кандидат психологических наук,
доцент
e-mail: asударик@list.ru

Sударик Alexander Nikolaevich,

Moscow University Russian interior Ministry named
V.Ya. Kikot (Moscow, Russia), deputy head of the depart-
ment of psychology, Ph.D, Associate Professor

**СОЗНАНИЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ СФЕРА ПОДРОСТКА: ПРОБЛЕМНЫЕ
ВОПРОСЫ В РАМКАХ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКА
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

**CONSCIOUSNESS AND THE UNCONSCIOUS SPHERE OF A TEENAGER:
PROBLEMATIC ISSUES IN THE FRAMEWORK OF THE PRACTICAL ACTIVITIES OF
AN EMPLOYEE OF JUVENILE AFFAIRS UNITS**

Аннотация. В статье дается анализ проявлений бессознательного для объяснения отклоняющегося поведения несовершеннолетних. Приводятся высказывания выдающихся ученых, изучающих бессознательные явления в рамках психоаналитического направления в психологии. Авторы статьи определяют практические ситуации применения знаний психоаналитической теории в деятельности сотрудников полиции при работе с подростками.

Ключевые слова: сознательная и бессознательная регуляция поведения, коллективное и индивидуальное бессознательное, подросток, произвольная психическая саморегуляция.

Abstract. The article analyzes the manifestations of the unconscious to explain the deviant behavior of minors. The statements of outstanding scientists studying unconscious phenomena within the framework of the psychoanalytic direction in psychology are given. The authors of the article determine the practical situations of applying the knowledge of psychoanalytic theory in the activities of police officers when working with adolescents.

Keywords: conscious and unconscious regulation of behavior, collective and individual unconscious, adolescent, voluntary mental self-regulation.

Проблема сознательного и бессознательного в психологии всегда была и будет актуальной. Во многом это связано с риторическими и актуальными для любого человека вопросами: «Как работает сознание и бессознательное?»; «Каким образом влияет бессознательная регуляция поведения на наше сознание?». Чтобы ответить на эти и многие иные вопросы, для начала надо разобраться, в чем суть этих двух взаимосвязанных понятий.

В наиболее общем виде сознание человека представляет собой то, что он может увидеть, управлять и самое главное осознать. Бессознательное противоположно сознанию, мы не можем его увидеть, потому что оно управляет процессами скрытно. На самом деле не все задумываются, как бессознательное на нас реально воздействует, а ведь в этом стоит разбираться, иначе мы не сможем понять себя и окружающих людей. Понимание в целом – это уже путь к великому. Мы должны понимать, что в бессознательном поведении нет целенаправленного контроля за своими действиями, они происходят абсолютно неосознанно. С точки зрения системной концепции психики, сознание – специфическая особенность психики, позволяющая ей быть направленной на саму себя.

Австрийский психолог и основатель психоанализа, Зигмунд Фрейд, объясняя природу бессознательного, приводил в пример айсберг. Так, сознательное является лишь верхушкой, а вся его основная невидимая часть – это бессознательные процессы. Существует определенное отличие между ними. Бессознательный уровень психической деятельности представляет собой инстинктивно-рефлекторную деятельность, которая начинает формироваться с момента рождения человека. Также З. Фрейд утверждал, что человек совершает собственные ошибки не случайно. Ошибки могут возникать при столкновении неосознанных потребностей с осознанными. Так, мы можем не замечать, что переживаниями, эмоциями, жизненными трудностями человека управляет бессознательная регуляция (работают стереотипы из прошлого опыта жизни). Например, люди часто ошибаются в выборе будущего спутника жизни или своей будущей профессии. Здесь бессознательное блокирует наше сознание, то есть, выбрав место работы, не осознаешь, что она тебе не подходит по душе, а выбрав спутника жизни, не осознаешь, что не любишь. З. Фрейд так же выделил три сферы: подсознание (Ид), сознание (Эго) и сверх (Суперэго). Подсознание – психические явления, которые, находясь в памяти человека, влияют на его поведение, но им не осознаются и не переживаются. Сознание – высшая форма психического отражения, которая полностью осознается человеком. Сверх эго-предписания общества и культуры. Все эти понятия подробно раскрывают сущность трех сфер, которые есть у всех людей [5; С. 252].

Один из немногих специалистов и ученых в этой области, Карл Густав Юнг. Он доказал, что бессознательное – это не просто дополнение к сознательному разуму, в которое остаются «забытые» воспоминания и неприятные ощущения. Ученый доказал, что бессознательное – источник всей жизни, которое превращается в сознание и делает из человека личность. То есть, из бессознательной материи рождается осознанный разум, который на протяжении нашей жизни увеличивается и осознается, беря плоды из бессознательного мира. Еще он доказал, что осознание и бессознательное играют очень важную роль в под-

держание общего «Я»: если не будет достигнуто равновесие, то их сила разрушается, после чего люди становятся нервными, вспыльчивыми и т.д. [6; С. 45-58].

Исследовательская работа Юнга позволила сделать общий вывод, что бессознательная регуляция является главным источником сознания, а именно: информация, которая запоминается с рождения и имеет длительное свойство хранения, должна быть прочувствована и умело, правильно и грамотно использована разумом. Природа бессознательного, по Юнгу, – коллективное и индивидуальное бессознательное. Коллективным можно считать то, что хранится в памяти (воспоминаниях), в том числе опыт предшествующих поколений [6; С. 89]. Личное бессознательное могут составлять эмоционально окрашенные представления и комплексы, которые образуют интимную душевную жизнь личности.

Сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН) часто сталкиваются с отклоняющимся поведением подростков, т.к. им трудно управлять своими эмоциями, желаниями, потребностями из-за того, что бессознательная регуляция преобладает в этом возрасте. На это может влиять множество факторов. Половой инстинкт подростков можно рассматривать как феномен бессознательной сферы. В подростковом возрасте начинает доминировать психологический аспект, и духовный мир подростка, юноши и девушки начинает становится актуальным. Насколько и как связаны духовное развитие и половое созревание в этот период – ключ к пониманию и объяснению регуляции поведения подростков.

Вместе с тем, чем сложнее общество (индустриальное, постиндустриальное), тем еще более усложняется проблема развития для отдельного индивида, т.к. семья, дети с малых лет начинают испытывать вторжение в личную жизнь «всемирной паутины» (интернет-пространства) без ограничений [1; С. 106]. Это очень сильно влияет на бессознательную сферу. У подростка может возникать и зависимость, привыкание к компьютеру, смартфону, планшету и т.д. Если забрать это все, то у них появляется повышенная агрессия и, в первую очередь, на родителей, т.к. они являются субъектами ограничений. Это и есть бессознательная реакция подростков, как деструктивные проявления (резкие, спонтанные).

Установлено, что на подростков одновременно влияют и семья, и сверстники. Часто говорят, что все идет из семьи. От родителей зависит поведение ребенка сейчас и в будущем времени, когда он станет личностью в обществе. Дети подражают действиям своих родителей, не осознавая ни очень хороших и достойных, ни плохих поступков, потому что не умеют или не способны их оценить и правильно ими управлять. Однако сегодня при наличии интернета подростки они хотят быть похожими как на своих сверстников, так и избранных ими в соцсетях кумиров, чтобы была повышенная самооценка. Снижается она в том случае, когда их никто не понимает, не поддерживает, и дети начинают в себе замыкаться, подавляя в себе качества лидера и правильно поступающего человека. Очень часто в культурах семей, где господствует табу на какое-либо «просвещение» в половом воспитании, подростки сами ищут интере-

сужаемое в интернете. В случае указания родителям на этом, они оправдываются, что это было преждевременно, постыдно и неприемлемо. Да и в школах попытки включить в воспитание и просвещение половой вопрос, встречает сопротивление со стороны определенного слоя общества, чему способствуют стереотипы, негативные установки и предвзятое отношение [1; С. 110].

В конечном итоге, в результате такого подхода подростки часто оказываются наедине со своими «взрослеющими» проблемами. Если не общаться с детьми на интимные темы об их взрослении и о просоциально ответственном поведении, то они потеряют веру в близких и не захотят им рассказывать о своих внутренних проблемах, переживаниях.

Сотрудники полиции, работая с «трудными подростками», должны быть терпеливыми, сильными духом и выносливыми, ведь их общение в подразделениях по делам несовершеннолетних изначально конфликтно. Общаясь с подростками, нужно раскрыть их внутренние проблемы, бессознательные побуждения, то есть из бессознательного хранилища зажимов извлечь комплексы, «выложить на стол», вспомнить вместе с ними детские годы и те ситуации, которые заложили их на бессознательном уровне. Самое главное поговорить о снах, потому что они проходят на бессознательном уровне регуляции, на котором человек не можем ими управлять. Именно там, во сне, находятся страхи из детства и проблемы, которые переживаются подростками в реальной жизни.

Важность учета бессознательного уровня регуляции подчеркивается в многочисленных публикациях [2; С. 13, 3, 4 и др.]. Психологи, работающие в подразделениях по делам несовершеннолетних, должны быть способными помочь трудному подростку научиться управлять своими бессознательными процессами и состояниями. Для этого необходимо помочь им освоить технологию произвольной психической саморегуляции. Саморегуляция позволит извлечь глубинные психофизические резервы человека, сделать бессознательные процессы управляемыми [4; С. 61, 221]. Важным является применение в работе с трудными подростками и психотехник повышения ими осознания собственных действий. При этом психологическое знание в области сознания и бессознательной сферы индивидов позволит более точно анализировать происходящее.

В заключение отметим, что сегодня психологическая подготовка сотрудников полиции должна рассматриваться как основа успешности профессиональной деятельности. Если наиболее общие знания в области психологии в той или иной степени изучаются в ведомственном вузе, то проблематика бессознательного и работа с ним остается вне внимания педагогов. Именно поэтому необходимо расширить образовательные программы в области практической подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Список литературы:

1. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 480 с.
2. Львов В.М., Рахманова Т.Р., Сударик А.Н. Методический подход к решению проблемы профессиографического описания управленческих воинских должностей // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2004. № 1 (26). С. 10-14.

3. Марьин М.И., Мальцева Т.В., Петров В.Е. и др. Психологическая подготовка сотрудников полиции к профессиональной деятельности: учебно-методическое пособие. Руза: Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2014. 195 с.

4. Тренинги в профессиональной подготовке и деятельности психологов органов внутренних дел: учебно-практическое пособие / под ред. Л.Н. Костиной. Т. 1. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 276 с.

5. Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. 258 с.

6. Юнг К. Г. ,Франц М.-Л. фон, Хендерсон Дж. Л., Якоби Н., Яффе А. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 1997. 368 с.

References:

1. Vygotsky L.S. Pedagogical psychology. M.: Pedagogy, 1991. 480 p.

2. Lvov V.M., Rakhmanova T.R., Sudarik A.N. Methodological approach to solving the problem of the professional description of managerial military positions // The human factor: problems of psychology and ergonomics. 2004. № 1 (26). pp. 10-14.

3. Maryin M.I., Maltseva T.V., Petrov V.E. et al. Psychological preparation of police officers for professional activity: an educational and methodological manual. Ruza: Moscow Regional branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. 195 p.

4. Trainings in the professional training and activity of psychologists of internal affairs bodies: an educational and practical manual / edited by L.N. Kostina. Vol. 1. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2018. 276 p.

5. Freud Z. Psychology of the unconscious. M.: Enlightenment, 1990. 258 p.

6. Jung K.G., Franz M.-L. von, Henderson J.L., Jacobi N., Jaffe A. Man and his symbols. M.: Silver threads, 1997. 368 p.

Галяутдинова Наира Азаматовна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»

e-mail: nairka59@mail.ru

Galyautdinova Naira Azamatovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

РЕФЛЕКСИЯ И МОТИВАЦИЯ К РИСКУ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР

REFLECTION AND MOTIVATION FOR RISK AMONG REPRESENTATIVES OF YOUTH SUBCULTURES

Аннотация. В статье рассматриваются такие понятия как «степень мотивации к риску» и «рефлексивность» применительно к молодежным представителям субкультур ругеров и реконструкторов. Представлено исследование оценки уровня рефлексивности и степени мотивации к риску групп ругеров и реконструкторов. Материал направлен на совершенствование форм и методов социализации подростков.

Ключевые слова: рефлексивность, риск, мотивация к риску, субкультура, юношеский возраст, ругеры, реконструкторы.

Abstract. The article discusses such concepts as «the degree of risk motivation» and «reflexivity» in relation to youth representatives of the subcultures of rufers and reenactors. A study of the assessment of the level of reflexivity and the degree of risk motivation of groups of rufers and

reconstructors is presented. The material is aimed at improving the forms and methods of socialization of adolescents.

Keywords: reflexivity, risk, risk motivation, subculture, adolescence, rufers, reenactors.

Одним из актуальных вопросов социальной жизни общества является воспитание и развитие личности в условиях действия различных негативных факторов. Как известно, формирование личности в подростковом и юношеском возрастах детерминируется множеством факторов [1, 3 и др.]. Например, у личности в данные периоды появляются специфические потребности: в подростковом возрасте – потребность в признании ровесниками, в юношеском – потребность в близости. Индивид определяется со своей социальной ролью в обществе, что в большей степени воздействует на личность в вышеуказанных возрастах. Однако не всегда становление личности, удовлетворение своих потребностей может соответствовать нормативному поведению в обществе. Различного рода девиации уже проявляются в подростковом возрасте. В процессе «поиска себя», формирующиеся личности начинают искать тот круг общения, который будет удовлетворять потребности в признании. В этот период подростки могут группироваться по общим интересам, взглядам. Принадлежность к членству в какой-либо группе часто порождает появление субкультур [1, 5, 6]. При этом нередко подростков и юношей может объединять общая склонность к различного рода девиациям. Субкультуры не всегда могут негативно влиять на человека. Они помогают найти свои сильные стороны, принять человеку себя и свои особенности.

Молодежные субкультуры исследовались такими учеными, как А.Н. Тарасов, Т.Б. Щепанская, Е. Омельченко, Д. Доунс, П. Уиллис и др. Активное изучение субкультур в России началось в 90-х годах XX века, в то время как за рубежом к этому моменту у исследователей имелись свои теоретические разработки. В первую очередь ученые старались описать существующие на тот момент субкультуры через их ценности и нормы. Во-вторых, исследователи старались изучить причины появления субкультур. Так, Д. Доунс и П. Уиллис выдвинули гипотезу о том, что на формирование субкультур по большей части влияет образование, но предложенная гипотеза подтвердилась лишь частично [цит. по 3]. Особый интерес в контексте изучения субкультур представляет проблема риска. Согласимся с М.А. Кленовой, которая пишет: «Субкультура как сообщество людей, противопоставляющих себя обществу, несомненно, сталкивается с разного рода рисками» [3]. О негативном влиянии на личность подростка деструктивных психотехнологий указывают Д.В. Деулин и В.Е. Петров [5].

Мотивацию и риск во взаимосвязи рассматривали А. Вилдавски, Т.В. Корнилова. Наиболее распространена эта тема для зарубежных ученых, таких как Йенсс О. Зинн, Дж. Аткинс, Л. Декерс, Б. Фишхофф, С. Лихтенштейн, Дж. Рив, Дж. Ф. Йетс. Отмечается, что в целях профилактики и коррекции неконструктивного рискованного поведения молодежи следует проводить раннюю диагностику склонности к риску, выявлять и изучать факторы, определяющие появление данной склонности.

Анализ публикаций свидетельствует, что одним из возможных факторов склонности к рискованному поведению является потребность в «поиске сильных ощущений» [8, 9, 10 и др.]. Стремление к острым ощущениям, тяга современной молодежи к экстремальному поведению, выпадение из системы ценностей ценности «жизнь», в свою очередь, выступает показателем недостаточной сформированности рефлексии [2, 4, 6 и др.]. Рефлексия – это деятельность человека, направленная на осмысление собственных действий, внутренних состояний, чувств, переживаний, их критичный анализ и формулирование корректив просоциального плана [7].

Несмотря на определенную проработку вопросов социализации подрастающего поколения, в отечественной психологии сочетание мотивации к риску и рефлексии изучено недостаточно. В зарубежных источниках научный интерес к данным феноменам значительно выше, однако также не столь развит, как хотелось бы. Наблюдается дефицит работ, посвященных данным феноменам у представителей различных субкультур (одним из немногих является исследование М.А. Кленовой).

Существуют различные виды субкультур: эмо, панки, хипстеры и т.д. С течением времени появляются все новые группы: руферы, сталкеры, анимешники и т.д. При выборе субкультур для нашего исследования мы остановились на таких субкультурах, как «руферы» и «реконструкторы». Руферы – это люди, вскрывающие замки и проникающие в технические помещения, крыши. Реконструкторы – те, кто впечатлился историческими событиями и решил поучаствовать в группе по воссозданию каких-либо знаменитых событий, сражений и пр. Согласно исследованию, проведенном под руководством Е.Н. Омельченко, распространенность этих субкультур примерно одинакова и составляет от 0,5 % до 1,4 % среди представителей субкультур в различных российских городах. При этом обе субкультуры интересны молодежи, т.к. предполагают и рискованное поведение.

Целью нашего исследования явилось выявление взаимосвязи мотивации к риску и рефлексивности у представителей субкультур руферов и реконструкторов юношеского и молодежного возраста. Предмет исследования: взаимосвязь мотивации к риску и рефлексивности у представителей различных субкультур юношеского возраста. Гипотеза состоит в том, что существует различие во взаимосвязи уровня рефлексивности и степени мотивации к риску у «руферов» и «реконструкторов».

Для измерения уровня рефлексивности и степени мотивации к риску использовались методика диагностики степени готовности к риску А.М. Шуберта и опросник рефлексивности А.В. Карпова. Тестирование проходило с ноября по декабрь 2020 года. В исследовании принимали участие 108 респондентов (54 представителя субкультуры руферов и 54 представителя реконструкторов позднего юношеского и раннего зрелого возраста (18-25 лет)).

Результаты исследования показали, что среди группы руферов у 68 % респондентов наблюдается высокая степень мотивации к риску, у 25 % – средняя степень, 5 % опрошенных имеют низкие показатели. Среди группы реконструк-

торов у 28 % респондентов обнаружена высокая степень, у 45% – средняя, у 11 % – низкая степень мотивации к риску (рис. 1).

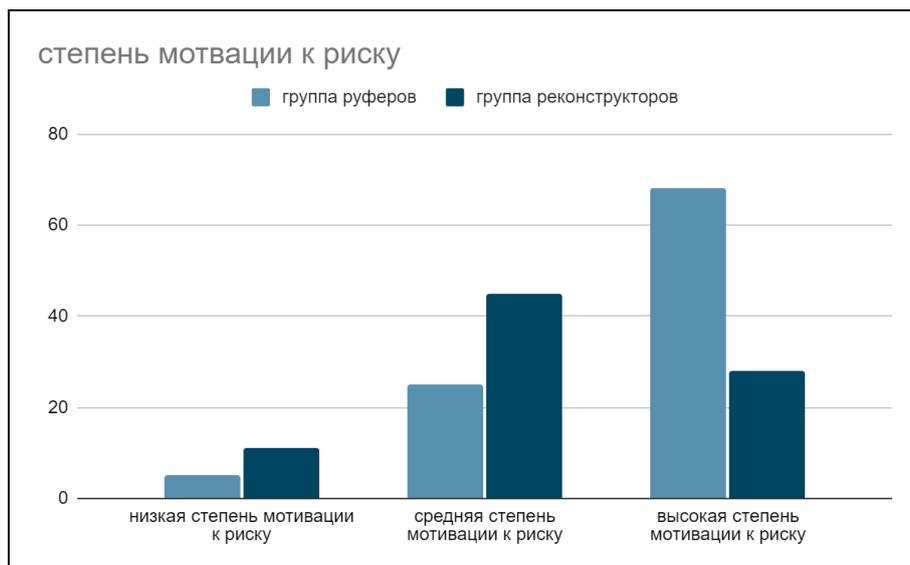

Рисунок 1 – Степень выраженности мотивации к риску у различных групп молодежи

По показателю уровня развития рефлексивности были выявлены следующие данные: 53 % среди представителей субкультуры руферов имеют низкий уровень развития рефлексивности, у 47 % наблюдается средний уровень; в группе реконструкторов 45 % с низким уровнем развития рефлексивности и 55 % со средним. Стоит отметить, что высокий уровень развития рефлексивности не наблюдается ни у одного представителя из обеих групп (рис. 2).

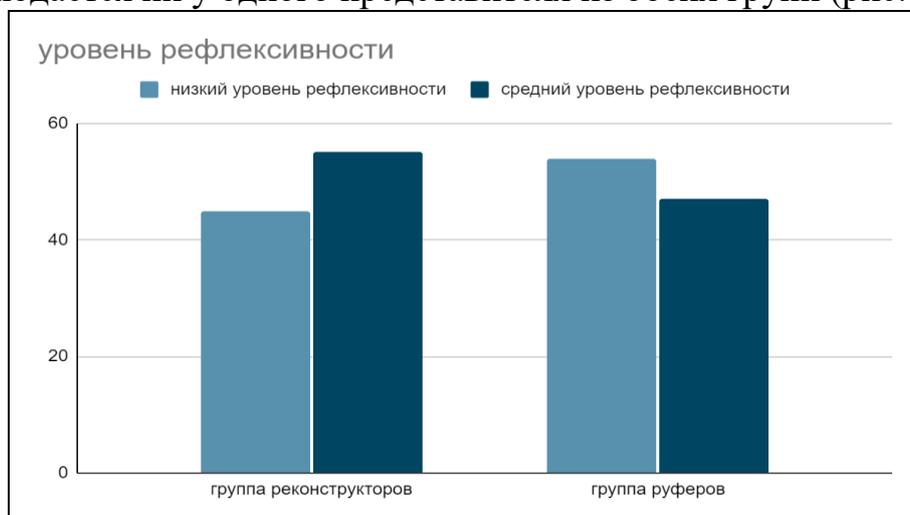

Рисунок 2 – Степень выраженности рефлексивности у различных групп молодежи

Для поиска статистически значимой взаимосвязи мы использовали корреляционный анализ Спирмена, который показал отсутствие взаимосвязи между показателями уровня рефлексивности и степени мотивации к риску только у представителей группы реконструкторов. Корреляционный анализ установил наличие слабой взаимосвязи на уровне тенденции по показателям мотивации к риску и рефлексивности у группы руферов. Окончательная проверка выдвинутой гипотезы требует статистически более значимой выборки респондентов.

Полученные результаты можно объяснить тем, что субкультура риферов более рискованна в своем поведении. Говоря о том, почему степень мотивации к риску «крышелазов» выше, чем у реконструкторов, следует обратить внимание на причины вступления людей в вышеуказанную субкультуру. Чаще всего это группы людей с низкой самооценкой, отвергнутые обществом. Я.И. Поздняков, В.В. Делибалт характеризуют поведение риферов как «зависимое от социального одобрения», что может свидетельствовать о их низкой самооценке. На поведение подростков и их выбор типов экстремальных увлечений влияют и иные факторы (например, особенности воспитания в семье, уровень материального достатка, организация общественной жизни, развитость институтов социализации и др.).

Заявленная нами проблематика требует углубленного научного исследования, т.к. апробирование себя юношами идет через контрастные субкультуры. По результатам подобных изысканий целесообразно формировать технологии психологической поддержки молодежи, совершенствовать формы и методы психолого-педагогической работы с подростками.

Список литературы:

1. Абдулгалимов Р.М., Абдулгалимова Г.Н., Алибекова З.Н. и др. Современные психолого-педагогические исследования: результаты, проблемы, прогнозы. Коллективная монография Кафедры Юнеско «Психология и педагогика высшего образования» МИГУП. Москва, 2017. С. 136-145.
2. Давыдова Г.И., Семенов И.Н. Эволюция «Образа Я» личности в рефлексивном диалоге // Мир психологии: науч.-метод. журн. 2009. № 4. С. 142-149.
3. Кленова М.А. Взаимосвязь готовности и мотивации к риску: монография. М., 2010. 224 с.
4. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности: монография. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 424 с.
5. Петров В.Е., Деулин Д.В. Проблема деструктивных психологических технологий как механизма влияния на молодежную субкультуру // Прикладная психология и педагогика. 2022. Т. 7. № 2. С. 9-20.
6. Семенова А.В. Склонность к риску в подростковом и юношеском возрасте // Педагогика: история, перспективы. 2019. Т. 3. № 5. С. 131-136.
7. Щедровицкий Г.П. Коммуникация, деятельность, рефлексия // Практическая психология в образовании. 2018. № 9. С. 174-176.
8. Zinn J.O. The Biographical Approach: A Better Way to Understand Behaviour in Health and Illness // Health, Risk & Society. 2005. № 7 (1).
9. Zinn J.O. Heading into the Unknown: Everyday Strategies for Managing Risk and Uncertainty // Health, Risk & Society. 2008. № 10 (5).
10. Zinn J.O. The meaning of risk-taking – key concepts and dimensions // Journal of Risk Research Received. 18 Jul 2016, Accepted 23 Mar 2017, Published online: 14 Jul 2017.

References:

1. Abdulgaliimov R.M., Abdulgaliimova G.N., Alibekova Z.N., etc. Modern psychological and pedagogical research: results, problems, forecasts. A collective monograph of the UNESCO Chair «Psychology and Pedagogy of Higher Education» MIGUP. Moscow, 2017. pp. 136-145.
2. Davydova G.I., Semenov I.N. Evolution of the «Self-image» of a personality in a reflexive dialogue // World of Psychology: scientific method. journal. 2009. № 4. pp. 142-149.
3. Klenova M.A. The relationship of readiness and motivation to risk: monograph. M., 2010. 224 p.

4. Karpov A.V. Psychology of reflexive mechanisms of activity: monograph. M.: Publishing house «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences», 2004. 424 p.
5. Petrov V.E., Deulin D.V. The problem of destructive psychological technologies as a mechanism of influence on youth subculture // Applied psychology and pedagogy. 2022. Vol. 7. № 2. pp. 9-20.
6. Semenova A.V. Propensity to risk in adolescence and adolescence // Pedagogy: history, prospects. 2019. Vol. 3. № 5. pp. 131-136.
7. Shchedrovitsky G.P. Communication, activity, reflection // Practical psychology in education. 2018. № 9. pp. 174-176.
8. Zinn J.O. The Biographical Approach: A Better Way to Understand Behaviour in Health and Illness // Health, Risk & Society. 2005. № 7 (1).
9. Zinn J.O. Heading into the Unknown: Everyday Strategies for Managing Risk and Uncertainty // Health, Risk & Society. 2008. № 10 (5).
10. Zinn J.O. The meaning of risk-taking – key concepts and dimensions // Journal of Risk Research Received. 18 Jul 2016, Accepted 23 Mar 2017, Published online: 14 Jul 2017.

Деулин Дмитрий Владимирович,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), декан факультета «Экстремальная психология», доцент кафедры научных основ экстремальной психологии, кандидат психологических наук, доцент
e-mail: ddeulin@yandex.ru

Deulin Dmitry Vladimirovich,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Dean of the faculty of «Extreme Psychology», Associate Professor of the Department of scientific foundations of extreme psychology, Ph.D, Associate Professor

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ У ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГОВ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В МИРЕ

DEVELOPMENT OF PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES IN EXTREME PSYCHOLOGISTS IN THE CONDITIONS OF CRISIS PHENOMENA IN THE WORLD

Аннотация. В рамках материалов научной публикации рассматривается проблема развития профессионально важных качеств у психологов, включенных в условия экстремальной деятельности. Основным методом исследования являются системного анализа, контент-анализа учебной и научной литературы, анализ практики. Автор приходит к выводу о необходимости комплексного подхода к проблеме формирования профессионально важных качеств личности экстремального психолога.

Ключевые слова: познавательные процессы, профессионально важные качества, экстремальная психология, развитие и формирование качеств, обучение.

Abstract. Within the framework of the materials of the scientific publication, the problem of the development of professionally important qualities in psychologists included in the unusual conditions of extreme activity is considered. The main method of research is system analysis, content analysis of educational and scientific literature, analysis of practice. The author comes to the conclusion about the need for an integrated approach to the problem of the formation of professionally important personality traits of an extreme psychologist.

Keywords: cognitive processes, professionally important qualities, extreme psychology, development and formation of qualities, training.

Профессионально важные качества традиционно рассматриваются в психологической научной парадигме как качества, необходимые человеку для успешного решения профессиональных задач [3]. В рамках теоретических концепций содержание профессионально важных качеств интерпретируется с точки зрения различных подходов: как психические процессы, психические состояния, мотивы и способности [7]; как общесоматические и нейродинамические свойства человеческого организма, направленность личности, свойства психических процессов, потребности, убеждения, морально-нравственные ценности и др. [12]; как совокупность психологических качеств личности, физических, антропометрических и физиологических показателей человека. [2]

Профессиональная деятельность психолога, вовлеченного в психологическое сопровождение субъектов труда в экстремальных условиях, безусловно, требует наличия сформированных на достаточно высоком уровне профессионально важных качеств. Поскольку психологам требуется оказывать помощь людям в необычных ситуациях, стрессоёмких по своему содержанию, это также требует специальных знаний, умений и навыков, эффективное усвоение которых может проходить только в рамках специально организованного обучения с опорой на мотивацию профессионального выбора, осознанности образа своей будущей профессии, психологической готовности к решению сложных задач.

По мнению Д.В. Сочивко мотивация выбора профессии психолога представляет собой комплекс побудительных механизмов личности, который обеспечивает адекватное овладение профессией и ядром здесь выступают учебная и профессиональная мотивация [9]. В целом профессионально важные качества экстремального психолога – это совокупность психологических характеристик специалиста, влияющих на эффективность выполнения его трудовой функции в стрессогенных ситуациях.

В отдельных исследованиях констатируется, что анализ проблем субъектности профессиональной деятельности позволяет сформулировать подходы к психодиагностике профессионально важных качеств [4]. Поэтому несомненным условием диагностики и развития профессионально важных качеств психолога, включенного в экстремальные условия профессиональной деятельности, является предварительное моделирование профессиональной деятельности в разных условиях, где раскрыта системная взаимосвязь между психологическими единицами труда.

Поскольку экстремальная психология представляет собой «отрасль психологической науки, изучающая общие психологические закономерности жизни и деятельности человека в измененных (непривычных) условиях существования» [5], соответственно, требования к профессионально важным качествам специалиста особые, требующие компетенций в области преодоления трудных ситуаций. Развитие профессионально важных качеств в контексте предиктора жизнеспособности обеспечивают благополучие в профессиональной среде, профессиональный рост и успешность, могут помочь в адаптации к условиям

труда, а также к стрессовым ситуациям в процессе трудовой деятельности, что, в свою очередь, отражает сходство с конструктом «жизнеспособность профессионала», где присутствует «взаимодействие индивидуальных и ситуативных факторов, обеспечивающих поддержание профессионального благополучия [11].

Немаловажным аспектом «профессионального долгожития» является формирование профессиональной устойчивости специалиста в чрезвычайных ситуациях, ситуациях повышенного стресса и при возникновении конфликтов [1]. Существует предположение, что именно развитие эмпатии как компетенции (профессионально важного качества) помогает более эффективно понять другого человека и оказать ему психологическую помощь [10].

Развитие профессионально важных качеств может осуществляться в рамках профессионального становления специалиста, основными этапами которого являются: формирование профессиональных намерений; профессиональное обучение и подготовка к профессиональной деятельности; вхождение в профессию и реализация в профессиональном труде. Н.П. Локалова в качестве одного из уровней профессионализации специалиста выделяет «самостроительство, самосозидание, достижение вершин в развитии своей личности» [6, С. 43].

Профессиональная деятельность экстремального психолога достаточно многогранна и может быть на основе анализа научной литературы выражена в таких важных качествах, как: высокий уровень когнитивных способностей; ответственность; работоспособность; умение эффективно выстраивать коммуникативные паттерны; способность к принятию автономных решений; инициативность; способность к саморегуляции; находчивость и гибкость мышления; эмоциональная устойчивость; организованность и гуманность; владение содержанием профессиональной деятельности психолога; честность и высокий уровень культуры; умения и навыки психологической работы; способность к адекватной самооценке; эмпатийная установка; способность к творческому применению профессионального опыта и др. [8].

Продуктивность профессиональной деятельности рассматриваемого специалиста определяется содержанием его образовательной траектории, в рамках которой должны гармонично согласовываться теоретические знания, полученные в рамках учебного процесса, и практические навыки, приобретаемые в условиях стажировки обучающимися на практике. Ключевым здесь является способность к саморазвитию своих когнитивных процессов, адаптивность к экстремальным условиям, выработка стрессоустойчивого поведения и др. В процессе обучения важно ориентировать подготовку на практико-содержательные технологии с использованием инновационных лабораторных комплексов. Прекрасным дополнением к системе формирования профессионально важных качеств будет являться работа по программам психологического обеспечения трудовых коллективов, а также элементы супервизии.

В заключении необходимо отметить, что в настоящее время профессия экстремального психолога является очень востребованной, отражает и возникающий запрос на психологов в новых видах деятельности.

Список литературы:

1. Бессонова Ю.В., Броневицкий Г.Г. Психологическое благополучие у представителей опасных профессий // Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 327-351.
2. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности. М. : ПЕР СЭ, 2001. 511 с.
3. Долгих Г.И. Проблема профессионально важных качеств в свете учения об интегральной индивидуальности // Сибирский психологический журнал. 2013. С. 110-115
4. Костин А.Н., Голиков Ю.Я. Организационно-процессуальный анализ психической регуляции сложной деятельности: монография. М.: Институт психологии РАН, 2014. 448 с.
5. Лебедев В.И. Личность в экстремальных ситуациях. М., 1989. 304 с.
6. Локалова Н.П. Психология. Введение в профессию: учебное пособие. СПб.: Питер, 2010. 176 с.
7. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996. 308 с.
8. Мальцева О.А., Мальцева В.Р. Формирование профессионально-важных качеств психолога как основа профессионального образования // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. С. 279-282.
9. Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в уголовно-исполнительной системе: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию со дня образования психологической службы уголовно-исполнительной системы (Рязань, 31 марта 2017 г.) / под общ. ред. Д.В. Сочивко. Рязань: Академия ФСИН России, 2017. 739 с.
10. Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в уголовно-исполнительной системе: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Рязань, 30 марта 2018 г.) / под общ. ред. Т.В. Кирилловой. Рязань: Академия ФСИН России, 2018. 502 с.
11. Тарасова Е.В., Черемухин А.Д. Профессионально важные качества личности психологов-консультантов как предикторы жизнеспособности профессионала // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2017. С. 100-104.
12. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека: Учебное пособие для вузов. М.: Изд. корпорация «Логос». 1996. 318 с.

References:

1. Bessonova Yu.V., Bronevitsky G.G. Psychological well-being among representatives of dangerous professions // Psychological studies of personality: history, modern state, prospects / Otv. ed. M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev, N.E. Kharlamenkova. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2016. S. 327-351.
2. Bodrov V.A. Psychology of professional fitness. M. : PER SE, 2001. 511 p.
3. Dolgikh G.I. The problem of professionally important qualities in the light of the doctrine of integral individuality // Siberian Psychological Journal. 2013. pp. 110-115.
4. Kostin A.N., Golikov Yu.Ya. Organizational and procedural analysis of the mental regulation of complex activity: monograph. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2014. 448 p.
5. Lebedev V.I. Personality in extreme situations. M., 1989. 304 p.
6. Lokalova N.P. Psychology. Introduction to the profession: study guide. St. Petersburg: Peter, 2010. 176 p
7. Markova A.K. Psychology of professionalism. M.: International. humanitarian Foundation «Knowledge», 1996. 308 p.
8. Maltseva O.A., Maltseva V.R. Formation of professionally important qualities of a psychologist as the basis of professional education // Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2019. pp. 279-282.

9. Scientific support of psychological, pedagogical and social work in the penitentiary system: a collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the formation of the psychological service of the penitentiary system (Ryazan, March 31, 2017) / edited by D.V. Sochivko. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2017. 739 p.

10. Scientific support of psychological, pedagogical and social work in the penal system: a collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ryazan, March 30, 2018) / under the general editorship of T.V. Kirillova. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2018. 502 p.

11. Tarasova E.V., Cheremukhin A.D. Professionally important personality traits of consulting psychologists as predictors of professional viability // Bulletin of the Adygea State University. Series 3: Pedagogy and Psychology. 2017. pp. 100-104.

12. Shadrikov V.D. Psychology of human activity and abilities: A textbook for universities. Moscow: Publishing House of Logos Corporation. 1996. 318 p.

Дубченко Мария Александровна,

Белорусский государственный педагогический университет (г. Минск, Беларусь), студент

Института психологии

e-mail: dubchenko.marie@gmail.com

Dubchenko Maria Alexandrovna,

Belarusian State Pedagogical University (Minsk, Belarus),
student of the Institute of Psychology

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗОВАННОСТИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ МОТИВАЦИЙ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

PROBLEMS OF REALIZATION OF FUNDAMENTAL EXISTENTIAL MOTIVATIONS IN INTERPERSONAL RELATIONSHIPS OF BOYS AND GIRLS

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования уровня реализации фундаментальных экзистенциальных мотиваций в межличностных отношениях у студентов первого курса Института психологии БГПУ. Обсуждается проблема реализованности фундаментальных мотиваций личности в современном обществе. Материал направлен на совершенствование обучения в вузе.

Ключевые слова: межличностные отношения, аутентичность, фундаментальные экзистенциальные мотивации, экзистенциальная психология, смысл, юность.

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the level of realization of fundamental existential motivations in interpersonal relationships among first-year students of the Institute of Psychology of BSPU. The problem of realization of fundamental motivations of the individual in modern society is discussed. The material is aimed at improving education at the university.

Keywords: interpersonal relationships, authenticity, fundamental existential motivations, existential psychology, meaning, youth.

Межличностные отношения – важная часть жизни каждого человека, особенно, если это близкие отношения, например, с другом/подругой или любимым/любимой. Связь с другими людьми благоприятно влияет на личность, её психологическое благополучие, становится опорой в кризисных ситуациях. С

точки зрения экзистенциальной психологии через эту, в том числе доверие, ценность жизни, аутентичность и смысл.

Инструментом для изучения данного аспекта жизни является опросник «ТЭММО». В 2012 году была представлена его первая версия. Опросник предназначен для оценки степени реализованности фундаментальных экзистенциальных мотиваций в близких межличностных отношениях. Он состоит из четырёх основных шкал, каждая из которых, в свою очередь, делится на три субшкалы, соответствующие предпосылкам реализации фундаментальных экзистенциальных мотиваций [3].

Реализованность фундаментальных мотиваций напрямую связана с благополучием межличностных отношений и их устойчивостью. Те отношения, в которых экзистенциальные ценности не реализуются, с большей вероятностью будут тяготить, давать чувство неудовлетворённости, делать партнёров несчастными.

Для понимания тенденций, складывающихся в межличностных отношениях в период юности, было проведено исследование, участниками которого являлись студенты первого курса Института психологии БГПУ.

Согласно результатам исследования, средние значения в процентах по каждой из четырёх шкал распределены следующим образом: 84 % – шкала доверия, 85 % – шкала ценности жизни, 86 % – шкала аутентичности, 76 % – шкала смысла. Таким образом, самый высокий показатель получен по шкале «Аутентичность», причём, наибольший показатель установлен по субшкале «признание ценности» – 89 % из возможных 100 %. Аутентичный человек стремится раскрыть своё подлинное «Я», а поэтому эта тенденция больше остальных реализована в межличностных отношениях первокурсников, они стремятся находиться с тем партнёром, отношения с которым являются равноправными и он ценит их уникальность и неповторимость, уделяет внимание. Такие выводы можно сделать на основе среднего значения субшкал шкалы «Аутентичность»: 86 % – «заинтересованное внимание», 84 % – «справедливое отношение», 89 % – «признание ценности».

Человек раскрывает своё «Я» в контакте с другим человеком, «демонстрирует» себя ему. Похожую мысль высказывал знаменитый австрийский психолог, создатель логотерапии – В. Франкл. Он говорил, что для человека важны другие люди. В любви к другому человек осуществляет себя, причем чем больше он отдаёт партнёру, тем в большей степени становится человеком, самим собой [2]. «Быть человеком означает находиться в отношении к чему-то или кому-то иному, нежели он сам, – будь то смысл, требующий осуществления, или человек, сулящий встречу» [2, С. 77].

Шкалы «Доверие» и «Ценности жизни» также имеют довольно высокий показатель (84 %), а вот самые низкие показателя – по шкале «Смысл» (74 %). Здесь в субшкалах встречаются минимальные показатели. Самое низкое среднее значение у шкалы «Включённость во взаимосвязи» (68 %), эта шкала отвечает за чувство включённости во что-то важное благодаря отношениям.

Следует заметить, что результаты опроса подтверждают мнение некоторых экзистенциальных психологов, которые отмечают тенденцию к потере

смысла как основной ценности у молодежи. К их числу, например, относится С.В. Кривцова, которая данную тенденцию напрямую связывает с современным состоянием жизни общества [1].

Другая тенденция, которую, на наш взгляд, важно отметить – ни одна шкала не принимает среднее значение ниже 50 %. Из этого можно делать вывод, что большинство опрошенных находятся в гармоничных отношениях, в которых реализуются фундаментальные экзистенциальные мотивации. Этому может способствовать распространённость и доступность информации о «здоровых» отношениях в сети Интернет, а также интерес студентов к психологии, о чём свидетельствует профиль их обучения – все респонденты – студенты-психологи.

Список литературы:

1. Кривцова С.В. Школа может помочь растущему поколению преодолеть кризис смысла? // Воспитательная работа в школе. М.: Народное образование, 2013. № 4. С. 5-15.
2. Франкл В. Человек в поисках смысла [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bookap.info/book/frankl_chelovek_v_poiskah_smysla/bypage/ (дата обращения – 10.11.2022).
3. Шумский В.Б., Уколова Е.М., Осин Е.Н., Лупандина Я.Д. Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 763-768.

References:

1. Krivtsova S.V. School can help the growing generation overcome the crisis of meaning? // Educational work at school. Moscow: National Education, 2013. № 4. pp. 5-15.
2. Frankl V. Man in search of meaning [Electronic resource]. Access mode: https://bookap.info/book/frankl_chelovek_v_poiskah_smysla/bypage/ (accessed 10.11.2022).
3. Shumsky V.B., Ukolova E.M., Osin E.N., Lupandina Ya.D. Diagnostics of existential fulfillment: the original Russian version of the test of existential motivations // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2016. № 4. pp. 763-768.

Загадская Динара Ралифовна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»
e-mail: zagadskayapsy@yandex.ru

Zagadskaya Dinara Ralifovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА У СТАРШЕКЛАССНИКОВ

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE FORMATION OF PATRIOTISM AMONG HIGH SCHOOL STUDENTS

Аннотация. В статье рассмотрены понятие «патриотизм», «патриотическое воспитание», а также описаны особенности формирования патриотизма у обучающихся старших классов. Гражданско-патриотическое воспитание на данный момент является одним из важнейших и востребованных направлений психолого-педагогической деятельности в образова-

тельных учреждениях. Оно направлено на формирование целостной патриотичной личности, обладающей чувством любви и уважения к своей Родине, активной гражданской позицией, а также высоким уровнем развития духовно-нравственных и социальных ценностей, ответственности в отношении выполнения гражданского долга и готовности применять профессионально-важные учения и качества в различных сферах жизни в обществе. Работа с обучающимися старших классов в рамках патриотического воспитания должна учитывать психологические и личностные особенности учеников.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, старшеклассники, юношеский возраст, гражданственность.

Abstract. The article discusses the concept of "patriotism", "patriotic education", and also describes the features of the formation of patriotism among high school students. Civic and patriotic education is currently one of the most important and most popular areas of psychological and pedagogical activity in educational institutions. It is aimed at the formation of a holistic patriotic personality with a sense of love and respect for his Homeland, an active civic position, as well as a high level of development of spiritual, moral and social values, responsibility for the fulfillment of civic duty and readiness to apply professionally important teachings and qualities in various spheres of life in society. Working with high school students in the framework of patriotic education should take into account the personal and psychological characteristics of students.

Keywords: patriotism, patriotic education, high school students, youth, citizenship.

В настоящее время гражданско-патриотическое воспитание школьников является одним из самых актуальных и востребованных направлений воспитательной и психолого-педагогической работы в образовательных учреждениях всей страны. Обстоятельства, происходящие сейчас в нашей жизни в период СВО, требуют более действенных и активных мер со стороны государства и общества в целом по формированию у всех граждан, включая учащихся школ, патриотической воспитанности как результата патриотического воспитания и уровня развития внутренней позиции по отношению к своему Отечеству.

В Толковом словаре понятие «патриотизм» рассматривается как «преданность и любовь к своему отечеству и своему народу», а «патриот» – это «человек, пропитанный патриотизмом» [3], который предан своему народу, любит свое Отечество и действует на благо ему.

С 1 сентября 2022 года во всех школах России в школьные программы были включены патриотические уроки «Разговоры о важном», где школьники совместно с классными руководителями обсуждают темы, связанные с ключевыми аспектами жизнедеятельности людей в современной России. Также в рамках данного направления, каждая рабочая неделя начинается с исполнения гимна страны и с подъема флага. Данные мероприятия всецело направлены на формирование активной гражданской позиции и патриотических чувств.

Выдающиеся отечественные публицисты, педагоги и психологи рассматривали патриотизм как стремление человека к процветанию своей страны, являющееся основой его духовной и социальной жизни. Большую роль в решении данной проблемы сыграли труды А.Н. Радищева, Н.М. Добролюбова, Г.В. Белинского, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского и др. К.Д. Ушинский, являющийся основоположником педагогической науки в России, считал, что патриотизм и воспитание гражданского долга занимает одно из самых главных

мест в нравственном воспитании детей. Большая роль в решении проблемы выявления педагогических аспектов формирования патриотизма у детей принадлежит ряду отечественных ученых – А.В. Мудрику, В.А. Сластенину, П.И. Пидкасистому и др. [7].

Несмотря на то, что понятия «патриотизм» и «патриотическая воспитанность» многопланово изучались в истории, философии, политологии, педагогике, в психологии данным феноменом углубленно заинтересовались лишь в последние десятилетия.

Анализ исследований, направленных на изучение патриотизма и различных детерминант данного феномена, позволяет определить его как «сложное интегральное психологическое явление», включающее в себя четыре основных компонента: потребностно-мотивационный (воспитание стремления к гражданственности, гордости и чувства любви к Родине); когнитивно-интеллектуальный (понимание сущности патриотизма и знание его проявлений в различных областях человеческой жизнедеятельности); эмоционально-волевой (переживание гражданских чувств на уровне отстаиваемой позиции); поведенческий (формирование патриотического поведения, готовность к деятельности, направленной на благо Отечества) [8].

Современные исследователи (Н.И. Головченко, С.В. Кривых, Н.Г. Милованова, А.Ю. Нагорнова, Н.И. Ильин и др.) рассматривают в своих трудах патриотическое патриотизм, как социально-нравственную ценность общества и акцентируют внимание на исследовании нового содержания данных феноменов в современных социально-экономических условиях [4]. Воспитание и патриотическое развитие личности – длительный процесс, определяемый множеством факторов психологической и внепсихологической природы [5, 6 и др.]. Это многоплановая и целенаправленная деятельность школьных педагогов и воспитателей, государственных органов и общественных организаций, направленная на формирование у детей и молодежи гражданского долга, верности своей Родине и высокого уровня развития патриотического сознания [2]. Под патриотическим воспитанием детей также понимается формирование патриотической личности, наделенной общечеловеческими нравственными качествами, чувством сопричастности к культуре, которое происходит в процессе совместной деятельности и общения со взрослыми.

Анализ публикаций позволяет констатировать, что целью патриотического воспитания подрастающего поколения является развитие у них гражданственности (важнейших социальных и духовно-нравственных ценностей), верности законам и понимания конституционного долга, а также формирование различных профессиональных знаний и умений, ответственности в их выполнении в будущем в различных сферах жизнедеятельности общества своей страны, готовности встать на защиту своего Отечества. Поэтому патриотическое воспитание в образовательной организации должно рассматриваться в рамках взаимодействия обучающихся с педагогами, направленного на формирование

патриотического сознания у детей. Важным моментом в данном процессе является учет психологических и возрастных особенностей обучающихся, степени гражданской зрелости в восприятии тем о патриотизме, и, в целом, их готовности [1].

В контексте запланированного нами исследования психологических детерминант патриотического воспитания учеников старших классов (периода ранней юности в возрасте 16-18 лет), предстоит выявить его роль в переходе юношей и девушек к самостоятельности в выборе и принятии важных решений в своей жизни, в том числе профессионального самоопределения. При этом актуальным будет выявление, что происходит в условиях интернет-погруженности мировоззрением как системой обобщенных представлений о себе, других и мире в целом, как самосознание связано с психической и гражданской зрелостью.

Период юности является границей между детством и взрослой жизнью. Тот выбор, который делают старшеклассники, обуславливает всю их дальнейшую жизнь. Именно поэтому он зачастую является таким сложным и ответственным. Данный этап касается не только вопроса определенного выбора профессии и места дальнейшего обучения, но связан с более глубоким и всесторонним самоопределением и самосознанием. К концу 11 класса ученики должны уже подойти с четким пониманием и представлением о своих целях, а также с уже установленными жизненными ценностями и принципами, т.е. выпускники школы – это уже фактически зрелые личности.

В связи с большой школьной нагрузкой и подготовкой к единому государственному экзамену ученики старших классов вынуждены поддерживать достаточно высокий темп работы. В результате такого высокого уровня самоорганизованности и развития познавательных способностей, когнитивные способности старшеклассников практически достигают показатели взрослых людей. Но это не говорит о том, что их субъектность на этом заканчивается. Необходимо отметить, что в данный период идет активное и всестороннее развитие личности обучающихся. Продолжает формироваться характер, коммуникативная компетентность, развивается целеустремленность, сила воли, практические навыки, что в дальнейшем поможет эффективно выполнять профессиональные и жизненные задачи.

Важным моментом, на который следует обратить внимание педагогов в процессе патриотического воспитания, является уровень развития эмоциональной сферы обучающихся старших классов. Юноши уже не так болезненно и эмоционально реагируют на изменения окружающей обстановки, чем подростки. Старшеклассники способны контролировать свои чувства и эмоции, их реакции более уравновешены и, часто, оптимистичны.

Таким образом, все вышеуказанные сферы развития обучающихся старших классов должны быть важными ориентирами при осуществлении патриотического воспитания, т.к. его результатом должна быть гражданско зрелая

личность, готовая направлять свои знания, умения и навыки на ту деятельность, которая принесет пользу своему Отечеству, а также выполнять свой гражданский долг и обязанности в соответствии с законами своей страны.

Список литературы:

1. Аветисян А.В. Психологические особенности старшеклассников в контексте патриотического воспитания // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 46-48.

2. Кривых С.В., Милованова Н.Г. Организационно-педагогические условия оптимизации патриотического воспитания на современном этапе // Вестник ТОГИРРО. 2015. № 1. С. 295-301.

3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Издательство АСТ : Мир и образование, 2019. 1360 с.

4. Петелин А.С., Исаева Т.В. Сущность и структура понятия «патриотическое воспитание» // Актуальные проблемы науки и образования на современном этапе: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Институт экономики и права г. Воронеж, 2015. С. 238-247.

5. Петров В.Е., Харитиди Д.П. Динамика личностного становления студентов-юристов в процессе подготовки к профессиональной деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах / Омская академия МВД России. Омск, 2013. № 1 (52). С. 33-37.

6. Талипова О.А., Гатауллина Р.Ф., Богданова А.М. Управление процессом формирования патриотических чувств у старшеклассников // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-1. С. 308-312.

78. Федотов Ю.В. О теоретических основах воспитания патриотизма российских граждан // Научно-аналитический журнал Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2014. № 1 (22). С. 39-43.

References:

1. Avetisyan A.V. Psychological features of high school students in the context of patriotic education // Science, education, society: trends and prospects of development : materials of the VII International Scientific and Practical Conference) / editorial board: O.N. Shirokov [et al.]. Cheboксary: CNS «Interactive Plus», 2017. pp. 46-48.

2. Krivykh S.V., Milovanova N.G. Organizational and pedagogical conditions for optimizing patriotic education at the present stage // Bulletin of TOGIRRO. 2015. № 1. pp. 295-301.

3. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: About 100,000 words, terms and phraseological expressions / edited by Prof. L.I. Skvortsov. 27th ed., ispr. M.: AST Publishing House: World and Education, 2019. 1360 p.

4. Petelin A.S., Isaeva T.V. The essence and structure of the concept of «patriotic education» // Actual problems of science and education at the present stage: Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference: Non-governmental educational institution of higher professional education Institute of Economics and Law Voronezh, 2015. pp. 238-247.

5. Petrov V.E., Haritidi D.P. Dynamics of personal formation of law students in the process of preparation for professional activity // Psychopedagogy in law enforcement agencies / Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Omsk, 2013. № 1 (52). pp. 33-37.

6. Talipova O.A., Gataullina R.F., Bogdanova A.M. Management of the process of formation of patriotic feelings among high school students // Problems of modern pedagogical education. 2019. № 62-1. pp. 308-312.

7. Fedotov Yu.V. On the theoretical foundations of the education of patriotism of Russian citizens // Scientific and analytical journal Psychological and pedagogical problems of human security and society. 2014. № 1 (22). pp. 39-43.

Козлова Алина Борисовна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»
e-mail: lina_kozlova_2019@bk.ru

Kozlova Alina Borisovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

КИБЕРБУЛЛИНГ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

CYBERBULLYING IN THE TEENAGE ENVIRONMENT: A REVIEW OF FOREIGN STUDIES

Аннотация. В статье представлен обзор современных зарубежных исследований проблемы кибербуллинга в подростковой среде. Цель исследования – выявить перечень базовых причин кибербуллинга в подростковой среде, а также основные последствия кибербуллинга. Материал направлен на определение мер профилактики и безопасности в подростковой среде.

Ключевые слова: cyberbullying, psychological consequences, adolescence, internet space, cyber aggression, online security.

Abstract. The article presents an overview of modern foreign studies of the problem of cyberbullying in the adolescent environment. The purpose of the study is to identify a list of the basic causes of cyberbullying in the adolescent environment, as well as the main consequences of cyberbullying. The material is aimed at determining preventive and safety measures in the adolescent environment.

Keywords: кибербуллинг, психологические последствия, подростковый возраст, интернет пространство, киберагрессия, безопасность онлайн.

С развитием Интернет-пространства со второй половины 90-х гг. XX в. жизнь современных подростков стала неразрывно связана со всемирной сетью, компьютерными технологиями и мобильными средствами связи. Помимо очевидных преимуществ использования Интернета, существует и серьезная угроза для подростков – кибербуллинг.

Термин «кибербуллинг» введен в научный оборот в 1997 году канадским ученым Биллом Белси. Согласно его мнению, кибербуллинг – это использование информационных и коммуникативных технологий для намеренного, неоднократного и враждебного поведения лица или группы, направленного на травлю других людей. Массово зарубежные исследования феномена кибербуллинга стали проводиться с начала 2000-х годов, а российские научные статьи по данной тематике стали появляться только с 2011 года. В настоящий момент проблема кибербуллинга изучается многопланово в зарубежной (R. Kowalski, S.P. Hinduja, R.S. Tokunaga и др.) и российской (А.А. Бочавер, Г.У. Солдатова, К.Б. Хломов и др.) психологической науке.

Специалисты ЮНИСЕФ трактуют «кибербуллинг» как запугивание и травлю с использованием цифровых технологий. В 2010 году исследователи из

американского штата Коннектикут предложили еще также термины «нецивилизованность онлайн» (англ. incivility online) или «кибернецивилизованность» (англ. cyber incivility), но данная терминология не прижилась в литературе. В зарубежных исследованиях можно встретить термин «киберагрессия» (англ. cyber-aggression), который получил популярность в начале 2000-х годов благодаря развитию компьютерных технологий и всемирной сети Интернет.

Отметим, что в данной публикации термины «кибербуллинг», «киберагрессия» и «онлайн-травля» будут использоваться как синонимы, обозначающие умышленные и конкретные действия индивида в виртуальной среде, направленные на травлю других посредством электронно-коммуникативных средств в глобальной сети Интернет.

Феномен кибербуллинга не имеет привязки к конкретному сайту или к социальной площадке Интернета: травля происходит там, где массово общаются люди. Случаи кибербуллинга детей были зарегистрированы в групповых чатах и мессенджерах, так как дети и подростки проводили много времени на этих площадках. С 2010 года стали создаваться фейковые аккаунты, которые благоприятствовали анонимности для агрессоров [5].

Основные площадки для кибербуллинга сегодня: мобильная связь, sms-сообщения, мессенджеры и сервисы мгновенных сообщений, электронная почта, форумы и чаты, сервисы видеохостинга, онлайн-игры и виртуальные миры, но первенство по распространению кибербуллинга занимают социальные сети. Австралийские и американские исследователи из штата Юта отмечают в своих работах распространение случаев кибербуллинга в социальных сетях от 25 % до 42 % от общего количества случаев [6].

В зарубежных исследованиях выделяются 5 основополагающих критериев кибербуллинга:

- Различие в соотношении сил. Итальянские исследователи из Флорентийского университета (University of Florence, UNIFI) данный критерий определяют наиболее значимым в оценке кибербуллинга. Исследователи из США (J.W. Patchin, S. Hinduja) воздействие данного критерия объясняют одним или несколькими признаками: количественное преимущество агрессоров над жертвой (кибератака), моральное превосходство, давление на пострадавшего через лидерскую позицию или административный ресурс в интернет-площадке.

- Ретранслирующий характер. Ученые из Великобритании (R. Slonje, P.K. Smith) действие этого критерия объясняют не только повторением случаев, но и пересылкой оскорбительного контента многим другим, увеличивая количество свидетелей кибербуллинга. Как показало исследование в 2008 году, данный критерий является релевантным среди прочих [7].

- Умышленность. Качественные исследования специалистов США, Австралии и Бельгии определили, что намерение задеть чувства жертвы является определяющим в ситуации кибербуллинга [2, 8, 9].

- Анонимность. Канадские исследователи определяют анонимность, как главный отличительный признак кибербуллинга от буллинга [5]. Как отмечает James J. Dooley (США), данный критерий способен усиливать ощущение беспомощности у пострадавшего от негативного влияния кибербуллинга. При этом

участники кибербуллинга в роли агрессоров и свидетелей недооценивают наносимый вред пострадавшему от их действий из-за невозможности видеть реакцию жертвы.

▪ Публикация частной информации о жертве кибербуллинга. Наибольшей проблемой для пострадавших от кибербуллинга, по мнению исследователей из Великобритании (R. Slonje, P.K. Smith), является обнаружение личной информации на широкую аудиторию интернет пространства [7].

Факультет медиа и коммуникаций в составе Лондонской школы экономики и политических наук (LSE) регулярно выпускают отчет в рамках проекта EU Kids Online II, где исследуют детско-родительский опыт столкновения с интернет-угрозами, безопасное использование интернета и новые онлайн-технологии в странах мира. В отчете за 2020 год были представлены и данные по Российской Федерации. Примерно 90 % отечественных подростков ежедневно пользуются социальными сетями. С проявлением различных видов кибербуллинга сталкиваются 58 % детей в возрасте от 12 до 13 лет и 69 % детей России в возрасте от 14 до 17 лет. 70 % старших подростков в возрасте от 14 до 17 лет и 37 % подростков от 12 до 13 лет признают себя инициаторами случаев киберагрессии. 67 % родителей отслеживают профили своих детей в социальных сетях, а 83 % родителей чувствует достаточный уровень компетенций для оказания помощи детям, пострадавшим от кибербуллинга.

Среди онлайн-рисков лидирующую позицию занимают риски, связанные с проявлением разных видов кибербуллинга: 85 % лиц в возрасте от 14 до 17 лет сталкиваются по крайней мере, с одним из них, а среди лиц в возрасте от 12 до 13 лет этот показатель составляет 71 %. Воздействие ненадлежащего или вредного контента в Интернете – находится на втором месте (76 % лиц в возрасте от 14 до 17 и 54 % лиц в возрасте от 12 до 13 лет). Каждый третий подросток сталкивается с техническими рисками, такими как кража пароля или компьютерные вирусы, шпионские программы и другие программы, которые мешают работе системы. Каждый пятый подросток старшего возраста сталкивается с потребительскими рисками – мошенничеством в Интернете, кражей наличных или нежелательной тратой наличных. Пятая часть подростков проявляет признаки проблем с чрезмерным использованием Интернета.

Американские исследователи (B. Russell, С.М. Ohannessian, D. Patton) в 2017 году выяснили, что в ситуациях травли в Интернете, родительская поддержка снижает уровень виктимизации у пострадавшего. При этом коммуникация в сети между ребенком и родителем на высоком уровне снижает уровень агрессии ребенка в сети Интернет к сверстникам. Низкий уровень связи между ребенком и родителем увеличивает вероятность попадания ребенка в ситуацию кибербуллинга [6].

Также множество иностранных исследований посвящено причинам возникновения киберагрессии. Основными причинами признаются: скука, желание отомстить, желание выделиться из толпы, чувство страха, межкультурные конфликты, чувство безнаказанности от анонимности в сети, конфликты на фоне социального неравенства и влияние сверстников, потребность показать собственное превосходство и завоевать высокую позицию среди сверстников, ком-

плекс неполноценности, недостаток эмпатии (78 % киберагрессоров не могут оценить ущерб от собственного участия в кибербуллинге).

Основной объем современных зарубежных исследований посвящен последствиям онлайн-травли. В отчете в рамках проекта EU Kids Online II поясняется, что влияние травли в Интернете в первую очередь сказывается на социальной стороне жизни подростка. Возможные проявления: ухудшение коммуникативных навыков, закрытость и нежелание идти на контакт с близкими, избегание учебных заведений и компаний друзей, дезадаптация, дезинтеграция, девиантное поведение. Однако, канадский ученый W. Cassidy в своем исследовании от 2013 года отмечает, что данные проявления и отклоняющееся поведение могут быть не только последствиями кибербуллинга, но и его предиктором [1].

Исследование последствий кибербуллинга у японских подростков показало, что кибербуллинг влияет на учебный процесс – снижается успеваемость, появляются прогулы, падает учебная активность [10].

Исследование, проведенное швейцарскими учеными на выборке из 765 подростков, показало, что психологические последствия могут быть крайне серьезны: нарушение психического развития, снижение самооценки, психоэмоциональная нестабильность и подавленность, повышение уровня тревожности и страха [4]. Результаты исследования 2019 года специалистов из Валенсии (Испания) подтвердили связь появления суицидальных мыслей с опытом участия в ситуации кибербуллинга [3].

Американские ученые отмечают, что последствия кибертравли влияют на работу организма в целом. Возможные проявления: депрессия и как следствие – снижение иммунитета, тошнота и снижение аппетита, головные и сердечные боли, нервные тики, плохой сон и повышенная утомляемость [6].

Подростки проводят в интернете огромное количество времени, а значит и шанс стать участником кибербуллинга резко возрастает. Из этого следует важность изучения явления онлайн травли в подростковой среде, в связи с его распространенностью и с последствиями, к которым может привести кибербуллинг.

Кибербуллинг в подростковой среде является особой стрессовой ситуацией, когда на пострадавшего влияет не только агрессор, но и огромная аудитория сети Интернет, которая может стать свидетелями травли. Модель поведения, которая была эффективна ранее, перестает быть актуальна для подростка, а потому не может быть реализована в виртуальном пространстве. Последствия кибербуллинга могут затронуть все уровни функционирования подростка и привести к стойким личностным изменениям.

Список литературы:

1. Cassidy W. Cyberbullying among youth: A comprehensive review of current international research and its implications and application to policy and practice // *School Psychology International*. 2013. № 34 (6). pp. 575-612.
2. Grigg D.W. Cyber-aggression: Definition and concept of cyberbullying // *Journal of Psychologists and Counsellors in Schools*. 2010. № 2. pp. 143-156.
3. Iranzo B. Cyberbullying, psychosocial adjustment, and suicidal ideation in adolescence // *Psychosocial Intervention*. 2019. № 28. pp 75-81.

4. Machmutow K. Peer victimisation and depressive symptoms: can specific coping strategies buffer the negative impact of cybervictimisation? // Emotional and Behavioural Difficulties. 2012. № 17 (3-4). pp. 403-420.
5. Mishna F. Ongoing and online: Children and youth's perceptions of cyber bullying // Children and Youth Services Review. 2009. Т. 31. № 12. pp. 1222-1228
6. Reyns B.W. Being pursued online: Applying cyberlifestyle-routine activities theory to cyberstalking victimization // Criminal justice and behavior. 2011. № 11. pp. 1149-1169.
7. Slonje R., Smith P.K. Cyberbullying: Another main type of bullying? // Scandinavian journal of psychology. 2008. № 2. pp. 147-154.
8. Spears B. Behind the scenes and screens: Insights into the human dimension of covert and cyberbullying // Journal of Psychology. 2009. № 4. pp. 189-196.
9. Vandebosch H. Defining cyberbullying: A qualitative research into the perceptions of youngsters // CyberPsychology & Behavior. 2008. № 4. pp. 499-503.
10. Zhou Z. Cyberbullying and its risk factors among Chinese high school students // School Psychology International. 2013. № 34. pp. 630-647.

Литвинова Анна Викторовна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), доцент кафедры научных основ экстремальной психологии, кандидат психологических наук, доцент
e-mail: annaviktorovna@mail.ru

Litvinova Anna Viktorovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Associate Professor of the Department of scientific foundations of extreme psychology, Ph.D, Associate Professor

Березина Татьяна Николаевна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, доктор психологических наук, профессор
e-mail: tanberez@mail.ru

Berezina Tatiana Nikolaevna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Professor of the Department of scientific foundations of extreme psychology, Doctor of Psychological Sciences, Professor

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА С МАРКЕРАМИ ЗДОРОВЬЯ

THE RELATIONSHIP OF SOCIAL INTELLIGENCE WITH HEALTH MARKERS

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь показателей социального интеллекта с маркерами субъективного и объективного здоровья, входящими в состав батареи оценки биологического возраста по В.П. Войтенко. Испытуемые: взрослые обучающиеся, 33 человека (средний возраст 30 лет), магистранты гуманитарного профиля. Показана взаимосвязь показателей одного субтеста Гилфорда (истории с завершением) с маркерами здоровья. Статья носит прикладной характер.

Ключевые слова: личность, социальный интеллект, субъективная оценка здоровья, статическая балансировка, биологический возраст.

Abstract. The article examines the relationship of indicators of social intelligence with markers of subjective and objective health, which are part of the battery of biological age assessment according to V.P. Voitenko. Subjects: adult students, 33 people (average age 30 years), undergraduates in the humanities. The relationship of indicators of one Guilford subtest (stories with completion) with health markers is shown. The article is of an applied nature.

Keywords: personality, social intelligence, subjective assessment of health, static balancing, biological age.

Проблема сохранения здоровья и работоспособности стала актуальной вследствие проходящих во многих странах накапливающего постарения населения и пенсионных реформ. Впервые о правильном подходе к долгожительству, как важнейшей социальной задаче, эксперты заговорили в 2002 году, когда в рамках ВОЗ была сформулирована Рамочная стратегия активного долголетия. Активное долголетие было определено как «процесс оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества и защищенности человека с целью улучшения качества его жизни в ходе старения» [2]. Как показывают исследования, развивать навык активного долголетия следует начинать как можно раньше, со студенческого возраста, чтобы сформировать у молодых людей компетенции долгожительства [3]. Навык активного долголетия может быть полезен также для конструирования продуктивной старости [3].

Одним из направлений развития компетенций долгожительства в возрасте ранней зрелости является развитие у обучающихся взрослых людей социального интеллекта [5]. Как писал академик Д.В. Ушаков, социальный интеллект – это интегральная способность, определяющая успешность социального взаимодействия. Он включает в себя такие способности как: 1) способность понимать поведение другого человека, 2) способность осознать и правильно интерпретировать своё собственное социальное поведение, а также 3) способность действовать сообразно в любой социальной ситуации [5]. Социальный интеллект обеспечивает лучшую обучаемость. Исследователями в США были обнаружены значительные корреляции между успеваемостью и такими субшкалами социального интеллекта, как самосознание, самомотивация и даже эмпатия [7]. Социальный интеллект также влияет на работоспособность взрослых людей. Обнаружены корреляции между шкалами теста на социальный интеллект (социальными навыками, социальной осведомленностью, обработкой социальной информации) и поглощенностью работой, преданностью компании и трудовой энергией работника [9]. При этом хороший социальный интеллект позволяет снизить стресс, испытываемый работниками на рабочем месте [8], что напрямую влияет на состояние здоровья и долгожительство.

В предпенсионном и пенсионном возрасте социальный интеллект способствует здоровому старению и увеличению ожидаемой продолжительности жизни. Оптимальный выход на пенсию, как пишут исследователи из Индии, возможен только в том случае, если человек заранее спланировал свою жизнь с надлежащими финансами и сбережениями или правительство предоставляет ему много пособий по социальному обеспечению. Они изучили около 252 чело-

век в возрасте от 55 до 70 лет из Дели и Северной Каролины. Сравнили тех, кто вышел на пенсию, и тех, кто продолжил работу. Оказалось, что у тех, кто сумел добиться финансовой независимости перед выходом на пенсию в срок социальный интеллект выше, чем у сверстников [10].

Показатели благополучного старения также выше у тех, кто имеет высокий социальный интеллект. Многоплановое исследование было проведено в Иране, где принимали участие 288 пожилых людей, средний возраст $65,24 \pm 5,10$. У всех участников эксперимента оценили показатель успешности старения, в который были включены здоровье, отсутствие хронических заболеваний и субъективное благополучие. Также были измерены показатели: рост и вес, семейное положение, предыдущая или текущая работа, экономическое положение и источник дохода, уровень образования, человек, с которым они жили, тип проживания, хронические заболевания, курение, использование вспомогательных устройств, уровень участия в жизни общества, религиозные убеждения и др. Было установлено, что сильнее всего на степень благополучности старения влиял именно социальный интеллект. Люди с хорошим социальным интеллектом и чувствовали себя более здоровыми, чем сверстники [11].

Среди социально-психологических факторов, влияющих на продолжительность жизни в России, исследователи называют: получение образования, карьерный рост, смена местожительства. При этом получение образование, карьерный рост, а также наличие детей, увеличивают продолжительность жизни в старшем возрасте, а социальная мобильность (переезды внутри страны) снижает риск преждевременной смерти, увеличивает общую продолжительность жизни, а также улучшает субъективное здоровье у молодых мужчин. Также для нашей страны показано преимущество жизни в крупных городах, которое увеличивает продолжительность жизни в старшем возрасте, не увеличивая количества заболеваний, а также снижает риск преждевременной смерти [1].

Цель проведенного нами исследования заключалась в изучении взаимосвязи между социальным интеллектом и объективными и субъективными маркерами здоровья, входящими в состав оценки биологического возраста. Испытуемые: взрослые люди, студенты магистратуры гуманитарного профиля – 33 человека (средний возраст 30 лет), все женщины.

Примененные методы: 1) диагностика социального интеллекта с помощью теста Гилфорда-Салливана, 2) Оценка маркеров здоровья (статистическая балансировка) и субъективная оценка здоровья (оба показателя входят в батарею методик по изучению биологического возраста по В.П. Войтенко). Методы статистики: корреляционный анализ Пирсона.

По результатам исследования у испытуемых отмечаются в основном средние значения социального интеллекта. Выше среднего показатели по 1 субтесту и 3 субтесту. Самооценка здоровья (это шкала обратная, здесь показатель, который, наоборот, характеризует количество возрастных недугов, а не собственно здоровье) – довольно высокая для 30-ти летних. Как следует из полученных результатов, испытуемые находят у себя в среднем 10 недугов. Статистическая балансировка хорошая – соответствует возрастной норме (табл. 1).

В основном обнаружена слабая корреляция, на уровне тенденции, между 1 субтестом Гилфорда и маркерами здоровья (табл. 2). Чем выше показатели по «историям с завершениями», тем лучше показатели равновесия. Также обнаружена обратная корреляция по шкале СОЗ, т.е., чем выше показатель социального интеллекта по первому субтесту Гилфорда, тем сильнее уменьшается количество возрастных заболеваний, которые находит у себя испытуемый (шкала СОЗ).

Таблица 1 – Показатели здоровья и социального интеллекта студентов магистратуры

Показатель	Социальный интеллект				Маркеры здоровья		
	1 с/тест	2 с/тест	3 с/тест	4 с/тест	Соц. интеллект, общий	СОЗ	Стат. балансировка (сек)
среднее	3,9	3	3,6	2,9	3,3	10,6	30,9
ст. отклонение	0,9	0,74	0,48	0,51	0,45	3,2	30,74

1 с/тест – субтест «Истории с завершением».

2 с/тест – субтест «Группы экспрессии».

3 с/тест – субтест «Вербальная экспрессия».

4 с/тест – субтест «Истории с дополнением».

СОЗ – субъективная оценка здоровья.

Таблица 2 – Коэффициенты корреляции между шкалами социального интеллекта и маркерами здоровья

Показатель	Социальный интеллект				Соц. интеллект, общий
	1 с/тест	2 с/тест	3 с/тест	4 с/тест	
Субъективная оценка здоровья	-0,3*	-0,1	-0,2	0,2	-0,1
Стат. балансировка	0,3*	0	-0,2	0	0,3

Примечание: * $p < 0,1$ (обозначения субтестов – аналогичные предыдущей таблице).

Выводы: социальный интеллект связан с показателями биологического возраста. Чем выше показатели социальной интуиции, измеряемой 1-м субтестом Гилфорда, тем лучше у человека развито чувство равновесия и работа опорно-двигательного аппарата. Развитие социальной интуиции связано с лучшим субъективным самочувствием, чем выше показатели интуиции, тем меньше количество возрастных недугов человек в себе ощущает.

Поддержка гранта. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00058 П.

Список литературы:

1. Березина Т.Н. Социально-психологические факторы продолжительности жизни в России. СПб.: Издательство Алетей, 2020. 210 с.
2. Международный план действий по проблемам старения: доклад // 115 сессия ВОЗ, 4 апреля 2002 г.
3. Розенова М.И. Обучение долголетию как формирование компетенции // Высшее образование в современном мире: история и перспективы: Международная междисциплинарная коллективная монография, Ницца-Сицилия-Москва, 06-27 декабря 2020 года / Составители и редакторы М.Ле. Шансо, И.Э. Соколовская. М.: Энциклопедист-Максимум, 2020. С. 278-286.
4. Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д. Конструирование продуктивной старости: биологические, психологические и средовые факторы // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 1 (115). С. 8-28.

5. Ушаков Д.В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Институт психологии РАН. 2004.

6. Финогенова Т.А., Березина Т.Н., Литвинова А.В. Социальный интеллект как ресурс биопсихологической безопасности личности в период пандемии // Живая психология. 2021. Т. 8. № 2 (30). С. 30-39.

7. Obilor, Ezezi Isaac & Ikechukwu, Ikpa. Social Intelligence and Academic Achievement of Students in Selected Senior Secondary Schools in Rivers State // International Journal of Social Sciences and Humanities. 2020. № 7. Pp. 93-100.

8. Sanwal T., Sareen P. Stress and Performance in NGOs: The Mediating Role of Social Intelligence and Ergonomics. In: Tomar, A., Malik, H., Kumar, P., Iqbal, A. (eds) Proceedings of 3rd International Conference on Machine Learning, Advances in Computing, Renewable Energy and Communication. Lecture Notes in Electrical Engineering, 2022. Vol. 915. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-19-2828-4_54.

9. Sanwal T., Sareen P. Higher Employee Engagement through Social Intelligence: A Perspective of Indian Scenario. *Employ Respons Rights J*, 2022. <https://doi.org/10.1007/s10672-022-09404-7>.

10. Sanwal T., Sareen P. The Relevance of Social Intelligence for Effective Optimization of Retirement and Successful Ageing. *Ageing Int*, 2021. <https://doi.org/10.1007/s12126-021-09469-z>.

11. Soleimani M.A., Mohammadi F., Mafi M., Zakani A. The predictive role of social intelligence in successful aging in the elderly. *Soc Health Behav [serial online]*, 2020 [cited 2022 Nov 27]. № 3:166-73, doi 10.4103/SHB.SHB_44_20.

References:

1. Berezina T.N. Socio-psychological factors of life expectancy in Russia. St. Petersburg: Aleteya Publishing House, 2020. 210 p.

2. International Plan of Action on Ageing: report //115 session of WHO, April 4, 2002.

3. Rozenova M.I. Longevity training as the formation of competence // Higher Education in the Modern World: History and Prospects: An international interdisciplinary collective monograph, Nice-Sicily-Moscow, 06-27 December 2020 / Compiled and edited by M.Le. Shanso, I.E. Sokolovskaya. M.: Encyclopedist-Maximum, 2020. pp. 278-286.

4. Strizhitskaya O.Yu., Petrash M.D. Constructing productive old age: biological, psychological and environmental factors // Consultative psychology and psychotherapy. 2022. Vol. 30. No. 1 (115). pp. 8-28.

5. Ushakov D.V. Social intelligence as a type of intelligence // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2004.

6. Finogenova T.A., Berezina T.N., Litvinova A.V. Social intelligence as a resource of biopsychological security of the individual during the pandemic // Living Psychology. 2021. Vol. 8. No. 2 (30). pp. 30-39.

7. Obilor, Ezezi Isaac & Ikechukwu, Ikpa. Social Intelligence and Academic Achievement of Students in Selected Senior Secondary Schools in Rivers State // International Journal of Social Sciences and Humanities. 2020. № 7. Pp. 93-100.

8. Sanwal T., Sareen P. Stress and Performance in NGOs: The Mediating Role of Social Intelligence and Ergonomics. In: Tomar, A., Malik, H., Kumar, P., Iqbal, A. (eds) Proceedings of 3rd International Conference on Machine Learning, Advances in Computing, Renewable Energy and Communication. Lecture Notes in Electrical Engineering, 2022. Vol. 915. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-19-2828-4_54.

9. Sanwal T., Sareen P. Higher Employee Engagement through Social Intelligence: A Perspective of Indian Scenario. *Employ Respons Rights J*, 2022. <https://doi.org/10.1007/s10672-022-09404-7>.

10. Sanwal T., Sareen P. The Relevance of Social Intelligence for Effective Optimization of Retirement and Successful Ageing. *Ageing Int*, 2021. <https://doi.org/10.1007/s12126-021-09469-z>.

11. Soleimani M.A., Mohammadi F., Mafi M., Zakani A. The predictive role of social intelligence in successful aging in the elderly. Soc Health Behav [serial online], 2020 [cited 2022 Nov 27]. № 3:166-73, doi 10.4103/SHB.SHB_44_20.

Милованова Светлана Владимировна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»

Milovanova Svetlana Vladimirovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

ПРОФАЙЛИНГ КАК МЕТОД ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОВЫШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА СПЕЦИАЛИСТА

PROFILING AS A METHOD OF ENSURING SECURITY AND IMPROVING THE PROFESSIONALISM OF A SPECIALIST

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования метода профайлинга, как инструмента, помогающего в выявлении причастности к противоправным действиям посредством анализа вербального и невербального канала, а также возможности прогнозирования поведения человека, в том числе в обеспечении безопасности и повышения уровня профессионализма сотрудников служб безопасности.

Ключевые слова: безопасность; профайлинг; профайлер; кадровый профайлинг; базовая линия поведения; оперативная психодиагностика; невербальное поведение; противоправные действия.

Abstract. The article discusses the possibilities of using the profiling method as a tool that helps in identifying involvement in illegal actions through the analysis of the verbal and non-verbal channel, as well as the possibility of predicting human behavior, including in ensuring security and increasing the level of professionalism of security personnel.

Keywords: safety; profiling; profiler; personnel profiling; base line of behavior; operational psychodiagnostics; non-verbal behavior; illegal actions.

Возможность определения причастности человека к совершенному деянию без использования инструментальных методов исследуют на протяжении последних десятилетий. Теорий и методологий в этом направлении можно найти в открытых источниках довольно много. Однако есть и закрытые источники, которые предназначены для использования в рамках служебной деятельности сотрудниками профессии особого риска. Вместе с тем, в большом массиве информации не всегда можно определить ведущие методы, используемые в практической деятельности, а многие теории даже противоречат друг другу. Важно отметить, что сегодня используют практикующие сотрудники служб безопасности для возможности выявления причастности лиц к противоправным действиям и что входит в метод профайлинга, а также в каких направлениях он используется.

Профайлинг – комплекс психологических методик по диагностике личностных особенностей, скрываемых мотивов и оценке сообщаемой информа-

ции, а также оценки невербального, вербального и субвербального поведения объекта, который позволяет прогнозировать модели поведения и общения человека, в том числе в ракурсе сценариев развития ситуаций и отношений [1]. Метод профайлинга в России получил широкое распространение с конца 2010 года и прежде всего для обеспечения безопасности в коммерческих бизнес-структурах и на предприятиях, а также используется при подборе персонала и усиливает эффективность работы специалистов кадровых специальностей и сотрудников служб безопасности. Сегодня метод профайлинга включает в себя комплекс направлений и методик, которые помогают получать валидную и объемную информацию, дающую возможность оценивать риски со стороны человека.

Профайлинг все больше получает распространение в различных сферах и направлениях деятельности человека [8, 9 и др.]. Постепенно, благодаря возможности разнопланово использовать профайлинг его стали применять в таких направлениях как кадровый профайлинг, криминальный профайлинг, авиационный профайлинг и даже использование профайлинга в неймаркетинге с целью прогнозирования поведения потенциального покупателя. Возможность проведения кадрового «профилирования» помогает составить психологический портрет человека и таким образом понять насколько кандидат соответствует профилю должности, на которую он претендует, какие могут быть риски со стороны сотрудника учитывая его личностные характеристики, какова вероятность, что при определенных обстоятельствах может быть совершено противоправное действие в организации данным сотрудником и, что необходимо сделать, чтобы эти риски минимизировать [6, 7, 10 и др.].

Со стороны сотрудников служб безопасности профайлинг используется с целью раскрытия корпоративных преступлений, выявлению рисков со стороны персонала, а также скрининг при приеме на работу. При скрининге чаще проверяются такие риски как сокрытие биографических данных, связи с криминалом, алкогольная и наркотическая зависимости, наличие крупных долгов, использование ресурсов компании в корыстных целях, промышленный шпионаж.

Анализ публикаций свидетельствует, что на протяжении многих лет оценка невербального поведения больше использовалась для обеспечения безопасности на транспорте и в местах скопления большого количества людей. С начала 2000-х годов профайлинг получил широкое распространение в коммерческих структурах, появились первые учебные заведения, проводящие повышение квалификации именно по данному направлению [3, 4, 5, 8, 10 и др.]. Так, в 2010 году в программу профайлинга входили следующие направления: активно использовались техники НЛП (нейролингвистическое программирование), оперативная характерология (модель семи радикалов В. Пономаренко), теория П. Экмана о движениях мышц лица (FACS, 1967 [11]) и надежных признаках эмоций (О. Фрай, Дж. Наварро). Вместе с тем, довольно мало уделялось внимания анализу вербального канала, т.к. первые программы не включали в себя

обучение контент-анализу высказываемого. С течением времени в метод профайлинга добавлялись все новые направления и методики, которые позволяли больше использовать в совокупности критерии вербального и невербального канала, а также данные исследования специалистов в области аппаратной детекции лжи [8].

На наш взгляд, сегодня есть возможность расширить методики выявления лжи дополнительными критериями оценки. Так, оперативная характерология может быть дополнена данными оценки вербального и невербального каналов, причем с учетом отнесения испытуемого к конкретному типу личности и описанию акцентов в его психологическом профиле. В нашу практику были включены дополнительные методики контент-анализа сказанного, в том числе по процедуре «Оценка валидности утверждения» Удо Ундойча (Statement Validity Assessment, SVA, ОВУ [12]). Отметим, что методика SVA разрабатывалась как инструмент, предназначенный для определения достоверности показаний детей-свидетелей в судебных процессах по делам о сексуальных преступлениях. Оценки SVA принимаются в качестве доказательства в некоторых североамериканских судах и в уголовных судах в нескольких странах Западной Европы. Внетестовый инструмент возник в Швеции и Германии и состоит из четырех этапов. Большая часть исследований SVA связана со способностью контент-анализа на основе выявленных критериев (CBCA) дать материал, позволяющий различать тех, кто говорит правду, и лжецов [2].

Для оценки причастности к противоправным действиям важно понимать, что мы сравниваем и от каких критериев отталкиваемся в анализе невербального и вербального поведения. Так, существует понятие базовой линии поведения человека – своеобразное «фоновое» поведение человека в норме без предъявления ему вопросов проверочного характера, то есть без влияния стресс-стимула. Именно для этого в профайлинге прежде, чем начать исследование на выявление причастности, проводится исследование характерологических черт личности опрашиваемого лица и составляется портрет базовой линии поведения без предъявлений релевантных вопросов. Чаще всего если исследуемый знает, что его проверяют на причастность, то он находится в стрессовом состоянии и именно здесь помогает знание невербальных критериев оценки типа личности человека для того, чтобы иметь возможность определить базовую линию поведения. При исследовании профайлер проводит опросную беседу, в определенной мере сравнимую с предтестовой беседой специалиста полиграфолога. Иначе говоря, профайлер использует заранее подготовленный список проверочных вопросов, которые задаются опрашиваемому лицу неоднократное количество раз с целью получения статистики проявления отклонений от базовой линии поведения при предъявлении. При анализе сведений профайлер использует оценку по следующим критериям:

1. Точка ориентировочного замирания: изменения реакции на задаваемый проверочный вопрос и первичное проявление в невербальном поведении человека признаков стрессовой реакции.

2. Психолингвистика и контент-анализ информации, предоставленной в устной форме.

3. Жестикуляция: изменение типа жестикуляции с иллюстрационных на адаптационные жесты, проявление смещенной активности в поведении человека.

4. Микровыражения: невербальное проявление выражения эмоций на лице человека за счет движения мышц лица в контексте проверочной темы.

5. Изменения в вегетативной нервной системе, свойственные при сильных стресс-стимулах, а именно: изменение частоты дыхания, цвета кожных покровов, потливость, тремор, повышенный уровень жажды.

Изменения, зафиксированные только в одном из вышеперечисленных каналов, не являются надежными данными по причастности. Для получения валидного вывода необходимо зафиксировать системные изменения при неоднократном предъявлении проверочных вопросов и одновременного контроля по вербальному и в нескольких невербальных каналах. При этом отметим, что профайлинг не дает результата при задавании вопроса однократно. Изменения поведения человека при заданном стимуле означает то, что данная тема является для него значимой, а поэтому необходима дополнительная проверка для уточнения информации. Только при исследовании всех критериев можно делать выводы о наличии причастности к проверяемой теме.

В настоящее время профайлинг зарекомендовал себя как достаточно универсальный метод, который помогает решать одновременно несколько прикладных задач (например, как основной – в деятельности сотрудников охранных предприятий, как дополнительный – в деятельности практического психолога). Профайлинг удобен в применении, так как не требует сложных аппаратных устройств и метод можно использовать на расстоянии при помощи дистанционных форм видео- и аудио-наблюдения. Для проведения обследования не требуется ничего кроме согласия со стороны исследуемого лица на аудио- и видеофиксацию материала, а также выяснения того, что не имеется медицинских противопоказаний (к примеру, тех же, что для прохождения исследования методом СПФИ). Все это делает профайлинг оперативным, гибким способом повышения эффективности работы специалистов, работающих в области экстремальной психологии, а также специалистов служб безопасности, сотрудников кадрового подразделения, юристов, медиаторов и многих других направлений.

Заключение профайлера можно использовать совместно с комплексной экспертизой других специалистов и повышать таким образом, достоверность и полноту полученной информации об исследуемом лице. Перспективы профайлинга многогранны, а гибкость в его применении обеспечивает возможность использования метода в оперативном режиме и не требует сложной предвари-

тельной подготовки, что влияет на повышение эффективности работы квалифицированного специалиста в области обеспечения безопасности и других сферах, связанных с оценкой поведения человека.

Список литературы:

1. Артемьева М.Р. Профайлинг как экспертная технология // Сборник статей международной научно-практической конференции 22-23 сентября 2016 г. Калуга. 2016. 270 с.
2. Аминов И.И. и др. Профайлинг. М.: Юнити-Дана, 2012. 183 с.
3. Багдасарова Н.А. Невербальные формы выражения эмоций в контексте разных культур: универсальное и национальное // Материалы межвузовского семинара по лингвострановедению. МГИМОИД РФ, 2006. МГИМО-Университет, 2006.
4. Горелов И.Н., Енгальчев В.Ф. Невербальные компоненты коммуникации. – М.: Наука, 1980. 238 с.
5. Жуков Д.А. Стресс, который всегда с тобой. М.: Наука, 2018. 241 с.
6. Жуков Д.А. Стой, кто ведет. Биология поведения человека. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 802 с.
7. Енгальчев В.Ф., Моисеева И.Г. К проблеме выявления признаков достоверности / недостоверности показаний в процессе изучения видеозаписи следственных действий // Актуальные вопросы экспертизы видеозаписей: материалы всероссийского семинара, проходившего в г. Нижнем Новгороде 13-17 мая 2013 года / под ред. В.Н. Пронина, П.Г. Лесниковой. Нижний Новгород, 2014. 406 с. С. 280-286.
8. Мальцева Т.В., Петров В.Е. Психологический профайлинг. Практикум: учебное пособие. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2020. 95 с.
9. Мягих С., Петров А., Бессонова С. Психологические возможности выявления скрываемой информации. Пермь: Компаньон, 2003. 196 с.
10. Пономаренко В. Практическая характерология. Методика 7 радикалов. М.: АСТ, 2019. 240 с.
11. Ekman P. Facial Expression and Emotion // American Psychologist. № 48 (4). 1993, pp 384-392.
12. Statement Validity Assessment (SVA) – 2020 [электронный ресурс] URL: <http://criminal-justice.iresearchnet.com/forensic-psychology/statement-validity-assessment-sva/> (дата обращения 13.01.2022).

References:

1. Artemyeva M.R. Profiling as an expert technology. Collection of articles of the international scientific-practical conference September 22-23, 2016. Kaluga. 2016. 270 p.
2. Aminov I.I. etc. Profiling. M.: Unity-Dana, 2012. 183 p.
3. Bagdasarova N.A. Non-verbal forms of expression of emotions in the context of different cultures: universal and national // Materials of the interuniversity seminar on linguistic and regional studies. MGIMOMID RF, 2006. MGIMO-University, 2006.
4. Gorelov I.N., Engalychev V.F. Non-verbal components of communication. M.: Nauka, 1980. 238 p.
5. Zhukov D.A. Stress that is always with you. M.: Nauka, 2018. 241 p.
6. Zhukov D.A. Stop who's leading. Biology of human behavior M.: Alpina non-fiction, 2018. 802 p.
7. Engalychev V.F., Moiseeva I.G. On the problem of identifying signs of reliability / inaccuracy of testimony in the process of studying video recordings of investigative actions // Topical issues of examination of video recordings: materials of the All-Russian seminar held in Nizhny Novgorod on May 13-17, 2013 / ed. V.N. Pronina, P.G. Lesnikova. Nizhny Novgorod, 2014. 406 p. pp. 280-286.

8. Maltseva T.V., Petrov V.E. Profiling: textbook. M.: RIOR: INFRA-M, 2020. 95 p.
9. Myagkih S., Petrov A., Bessonova S. Psychological possibilities of revealing hidden information. Perm.: Kompanion, 2003. 196 p.
10. Ponomarenko V. Practical characterology. Method of 7 radicals. M.: AST, 2019. 240 p.
11. Ekman P. Facial Expression and Emotion // American Psychologist. № 48 (4). 1993, pp 384-392.
12. Statement Validity Assessment (SVA) – 2020 [электронный ресурс] URL: <http://criminal-justice.iresearchnet.com/forensic-psychology/statement-validity-assessment-sva/> (accessed 13.01.2022).

Сбитнева Ольга Юрьевна,

МВД Донецкой народной республики (г. Донецк, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»

e-mail: Sbitneva.olga2019@gmail.com

Sbitneva Olga Your'evna,

The Ministry of Internal Affairs of the Donetsk People's Republic (Donetsk, Russia), Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

ЭФФЕКТИВНАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ – ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

EFFECTIVE SELF-REGULATION IS AN ESSENTIAL ELEMENT OF PERSONAL SAFETY

Аннотация. Статья посвящена проблеме совершенствования регуляции поведения сотрудников силовых ведомств. Показано, что негативные переживания, которые не могут быть выражены в социально приемлемой форме, приводят к перенапряжению нервной системы, а в последствии, к негативным психическим состояниям личности. Акцент сделан на том, что навыки саморегуляции являются залогом продуктивной активности и способствуют соблюдению личной безопасности в условиях незащищенности от внешних воздействий.

Ключевые слова: психика, эмоции, действие, человек, регуляция.

Abstract. The article is devoted to the problem of improving the regulation of the behavior of law enforcement officers. It is shown that negative experiences that cannot be expressed in a socially acceptable form lead to overstrain of the nervous system, and subsequently, to negative mental states of the individual. Emphasis is placed on the fact that self-regulation skills are the key to productive activity and contribute to personal safety in conditions of vulnerability from external influences.

Keywords: psyche, emotions, action, person, regulation.

На протяжении многих веков перед россиянами встают вопросы государственного масштаба, характеризующиеся комплексом острых противоречий политического, экономического и социального характера. Человек, общество и государство – это идеологическая триада национальной безопасности. Именно защищенность жизненно важных интересов личности является первоосновой национальной безопасности. При этом жизненно важными интересами выступают те потребности, удовлетворение которых обеспечивает возможность раз-

вития человека, в то время как в роли угрозы выступает совокупность факторов, которые создают опасность жизненно важным интересам личности, а впоследствии, обществу и государству. Сегодня в связи с проводимой СВО и введением санкций россияне, претерпевая значительные отрицательные влияния экономических перемен, изменения социокультурной ситуации, постоянно испытывает не только стрессовые состояния, но и консолидируются перед угрозами.

Безопасность всегда напрямую связана с защитой процесса реализации интересов, сохранением духовных и материальных ценностей, в то время как поработанная негативными эмоциями личность становится уязвимой, в результате, пропадает основной элемент ее устойчивости – психологическая безопасность.

В современных условиях очень сложно защищать основные объекты национальной безопасности, а именно личность – ее права и свободы. Еще Наполеон говорил: «Есть два рычага, которыми можно двигать людей – страх и личный интерес» [цит. по 4]. Страх порождает огромное количество негативных эмоций, а в связи с этим актуальной становится проблема саморегуляции негативных психических состояний личности. В первую очередь, это относится к деятельности представителей профессий особого риска [3]. Упорная систематическая психотренировка поможет им освоить оптимальный способ реагирования на происходящие события.

Эмоциональное благополучие, положительный эмоциональный климат могут предотвращать эскалацию астенических переживаний. Если человек испытывает эмоциональное благополучие, то он эффективнее работает, его ценности становятся более значимыми, активная позиция – привлекательной. Положительное эмоциональное состояние является обязательным условием безопасности личности. Человек, как учил Аристотель, есть то, что он сам в себе воспитывает, вырабатывает благодаря своим регулярным поступкам [1].

Подлинная психологическая культура человека проявляется в способности использовать приемы саморегуляции для достижения определенных психологических состояний, которые в свою очередь призваны обеспечить психологический и эмоциональный комфорт личности. Поэтому человека всегда волновала проблема управления эмоциями. Как полагал древнегреческий философ Аристипп, одним из таких критериев является стремление к удовольствию, т.к. оно «является целью, к которой нужно стремиться непременно, обходя стороной ситуации, угрожающие неприятным переживаниям [2]. Учитывая, что человеческая психика может быть подвержена срывам, когда отказывается адекватно перерабатывать негативную информацию, получаемую извне, актуальными становятся превентивные меры. В связи с этим развитие навыков саморегуляции становится основным источником восстановления жизненных ресурсов и понимается как психологическая способность человека к целенаправленной самоорганизации, к самовосстановлению и самоисцелению, что основывается также на учете и задействовании внутренних ресурсов организма.

Внутренние ресурсы – это потенциал саморегуляции, основанный и на прошлом позитивном опыте человека в разрешении травматических ситуаций.

Актуализация ресурсов, выступающих в качестве позитивного подкрепления, запускает механизм саморегуляции на уровне телесных исцеляющих процессов, которые позволяют устранить травматические симптомы. Согласно американскому исследователю Питеру Левину, «если мы будем продолжать игнорировать нашу способность активно изменять свои инстинктивные реакции, мы останемся в состоянии оцепенения, боли и несвободы» [6]. Ученый предлагает не отбрасывать свои инстинкты, а опираться на них, т.к. он рассматривает управление инстинктивным поведением как источник способности организма к саморегуляции. П. Левин писал: «Ключ к выходу, из, казалось бы, неразрешимого положения находится в нашей способности осознавать наш собственный опыт. Когда мы можем замедлять и осознавать все элементы переживаемого ощущения и чувствовать то, что сопровождает травматические образы, мы позволяем им самим разрешаться, до того, как сами погрузимся в травматическое переживание. Мы можем получить к ним доступ и начать преобразовывать побудительные мотивы, которые в противном случае, заставили бы нас снова почувствовать травматическое оцепенение» [5].

Анализ публикаций свидетельствует, что существует немало специальных техник психической регуляции и приемов саморегуляции, которые способствуют оптимизации тех или иных привычных действий. Как правило, их задачей является переключение эмоционального возбуждения на какую-либо практическую, преимущественно моторную (но иногда и умственную) деятельность. В целом, целью саморегуляции психических состояний является формирование особых ориентиров, способствующих наиболее оптимальному использованию своих физических и психических возможностей за счет специальной внутренней перестройки личности, переосмысления ею значимых аспектов жизнедеятельности, в результате чего и создается новая интегративная деятельность организма, которая концентрированно направляет все возможности личности на решение конкретных проблем.

Особое место в системе психологических механизмов саморегуляции занимает волевой механизм. К нему относят комплекс особенностей и возможностей человека, реализующихся с участием волевых процессов. Специфика функционирования данного механизма заключается в том, что человек при необходимости может произвольно, даже в крайне неблагоприятных условиях, выполнять определенные физические или психические действия, сознательно поддерживая при этом необходимый для выполнения продуктивной деятельности психический тонус. Основными компонентами волевой активности выступает умение владеть собой, своими действиями, поступками, переживаниями и чувствами, способность регулировать свое поведение в экстремальных ситуациях. Само же волевое действие – есть результат «общения с собой». Действенность волевого механизма заключается в изменении психических состояний личности и поведения, посредством преобразования смысла действия, которое происходит различными путями: посредством переоценки значимости мотива или предмета потребности, изменения социальной роли или позиции личности, что в свою очередь формирует основной элемент человеческого существования – психологическую безопасность.

Таким образом, проблематика психической регуляции убедительно доказывает актуальность специальной психологической подготовки сотрудников силовых ведомств, с развитием навыков эмоционально-волевой саморегуляции. Это обуславливает необходимость комплексного применения практическими психологами технологий обучения личного, а также совершенствования форм и методов оказания им психологической самопомощи.

Список литературы:

1. Аристотель. О душе / Пер. П.С. Попова (1937), заново сверенный с греческим оригиналом М.И. Иткиным // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1975-1984. 1975. Т. 1.
2. История философии: учебник / под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова, Д.В. Бугая. М., 2008. 783 с.
3. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
4. Тарле Е.В. Наполеон. М.: АСТ, 2010. 413 с.
5. Levine P. Nature's Lessons in Healing Trauma. Foundation for Trauma Enrichment. Lyons, 1996.
6. Levine P. Waking the Tiger: Healing Trauma. Berkeley: North Atlantic books, 1997.

References:

1. Aristotle. About the soul / Per. P.S. Popov (1937), re-checked with Greek original by MI Itkin // Aristotle. Cit.: in 4 vols. M.: Thought, 1975-1984. 1975. T. 1.
2. History of philosophy: textbook / ed. V.V. Vasilyeva, A.A. Krotov, D.V. Bugay. M.: 2008. 783 p.
3. Psychology of official activity: textbook and workshop for universities / A.V. Kokurin [et al.]; under the general editorship of A.V. Kokurin, V.E. Petrov, V.I. Ekimova, V.M. Pozdnyakov. M.: Yurayt Publishing House, 2020. 375 p.
4. Tarle E.V. Napoleon. M.: AST, 2010. 413 p.
5. Levine P. Nature's Lessons in Healing Trauma. Foundation for Trauma Enrichment. Lyons, 1996.
6. Levine P. Waking the Tiger: Healing Trauma. Berkeley: North Atlantic books, 1997.

Симонян Марина Владимировна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»
e-mail: Marina_simonian@mail.ru

Simonyan Marina Vladimirovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ, КАК ФАКТОРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПОДРОСТКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

FEATURES OF COPING STRATEGIES AS A FACTOR OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF ADOLESCENTS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи между копинг-стратегиями, которые подростки используют внутри образовательной среды, и их психологическим благополучием. Сформированы предложения по оптимизации работы с подростками.

Ключевые слова: подросток, психологическое благополучие, копинг, совладающее поведение, образовательная среда.

Abstract. The article presents the results of a study of the relationship between coping strategies that adolescents use within the educational environment and their psychological well-being. Proposals for optimizing work with adolescents have been formed.

Keywords: adolescent, psychological well-being, coping, coping behavior, educational environment.

Подростковый возраст представляет собой сложный период быстрого физического, когнитивного, эмоционального, личностного и социального развития. Изменения, происходящие с личностью подростка в этот период, имеют основополагающие последствия для его социально-психологического благополучия в дальнейшей жизни.

Как известно, современным старшим школьникам в образовательной среде приходится сортировать огромное количество информации, но часто при недостаточной в силу возраста критичности мышления. На них могут оказывать давление завышенные социальные ожидания родителей. Подростки сталкиваются с необходимостью выстраивать гармоничные отношения со сверстниками, родителями, педагогами, другими людьми из своего окружения.

Копинг-поведение есть стремление человека к разрешению стрессовой ситуации, активизация адаптивных ресурсов с целью сохранения физического, психического и социального здоровья. Психологическая ценность копинга в жизнедеятельности человека состоит в том, чтобы эффективнее адаптировать субъекта к условиям ситуации, дать силы овладеть ею, то есть нивелировать и/или редуцировать стрессовое воздействие [2, 3 и др.].

Теория совладания со стрессом Р. Лазаруса и С. Фолкмана раскрывает взаимодействие двух факторов – особенностей индивида и преодоления стресса, которое может происходить при жизни с выработкой доминирующего ориентирования человека на один из двух основных типов - эмоционально ориентированный копинг и проблемно ориентированный копинг. Данное взаимодействие проходит через два этапа – первичная субъективная оценка и вторичная когнитивная оценка. Согласно Р. Лазарусу, если субъект негативно оценивает ситуацию, то совладание с ней осуществляется с помощью высвобождения эмоций. На втором этапе происходит когнитивная оценка человеком сложившейся ситуации, причем оцениваются собственные ресурсы на основе сопоставления их с возникшей проблемой. Далее – либо разрабатываются стратегии преодоления, либо человек прибегает к социальной поддержке. При осознанном соотношении первичной и вторичной оценки появляется оптимальная реакция на стресс и вырабатывается конструктивная копинг-стратегия [1].

Понятие «психологическое благополучие» вошло в состав научных терминов уже достаточно давно и рассматривается в работах зарубежных и российских психологов, как приобретенное в процессе жизнедеятельности качество, предполагающее активность субъекта. Теоретическую основу для определения «психологического благополучия» заложил американский социолог Н. Брэдберн, считавший, что взрослый человек владеет признаками, которые

отражают состояние счастья или несчастья, субъективного чувства общего удовлетворения или не удовлетворенности жизнью».

Содержание феномена «субъективное благополучие» раскрыл американский психолог Э. Динер. По его мнению, в составе субъективного благополучия следует выделять три компонента: удовлетворение, приятные и неприятные эмоции. Э. Динер считал, что люди чаще всего оценивают происходящее с ними с точки зрения негативного или позитивного аспекта, что вызывает соответствующую эмоцию. При этом положительный аффект часто бывает тогда, когда субъективное благополучие будет отражать насколько один человек счастливее другого. Исходя из этого, он предположил равнозначность субъективного благополучия и счастья [5].

Анализ публикаций свидетельствует, что психологическое благополучие подростков означает удовлетворенность жизнью и устойчивое стабильное переживание положительных эмоций при реализации просоциальных жизненных целей и ценностей, что в сочетании с хорошей успеваемостью, развитыми социальными навыками, физическим здоровьем является прочным фундаментом будущего личности.

Если предположить, что агрессивное поведение – это копинг-стратегия, то раздражение, обида, чувство вины могут провоцировать эмоционально-ориентированную стратегию и агрессивные действия при реакции на стресс, с напористыми и импульсивными действиями. Обида и косвенная агрессия могут стимулировать поиск социальной поддержки.

Проявления повышенной личной тревожности и антивитальные проявления, в том числе суицидальные мысли, связаны с копинг-стратегиями самообвинения. Нарушение норм и правил подростком могут также являться вариантом совладающего поведения, в том числе как способ получить внимание родителей или от социума. [6].

Как известно, важнейшим аспектом развития совладающего поведения у детей является семейная среда: копирование семейных копингов, внушение, воспитание, а также родительский пример, безусловно оказывают влияние на поведение, самооценку и другие характеристики подростков [4]. В недавнем совместном исследовании ученых ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова (2020) определена зависимость выбора у младших подростков более или менее конструктивных копинг-стратегий от типа школы. В школах с высоким рейтингом и ориентированных на профилактику негативных явлений распространены стратегии, связанные с развитием самоконтроля, рефлексии, планирования; в школах с низким рейтингом – среди младших подростков доминирует конфронтация [7].

На основе анализа теоретических источников по теме нами была составлена программа эмпирического исследования, направленного на изучение психологического благополучия подростков в образовательной среде и на выявление у них копинг-стратегий. Целью исследования ставилось выявление взаимосвязи между теми копинг-стратегиями, которые подростки используют внутри образовательной среды, и их психологическим благополучием.

Эмпирическое исследование проводилось на базе ГБОУ г. Москвы. В группу для проведения исследования были отобраны 30 учеников 9 класса в возрасте 14-15 лет, из них 12 девушек и 18 юношей.

Для проведения эмпирического исследования были выбраны три методики: Опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (в адаптации Т.А. Крюковой); «Шкала психологического благополучия К. Рифф (в адаптации Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко); Опросник «Оценка нервно-психического напряжения» Т.А. Немчина.

В начале эмпирического исследования мы провели диагностику психологического благополучия современных подростков (рис. 1).

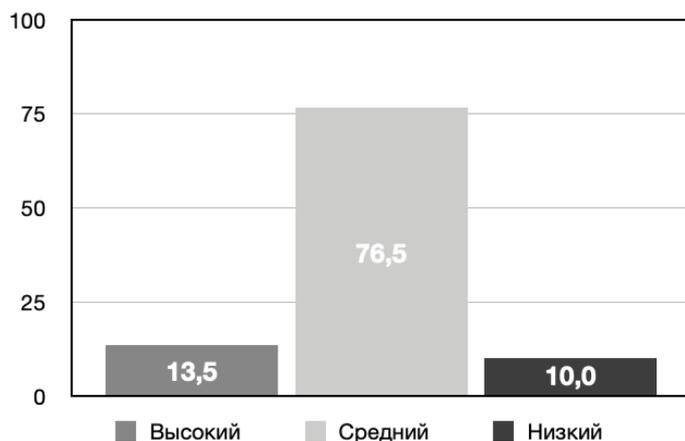

Рисунок 1 – **Выраженность психологического благополучия у подростков**

Наибольшую представленность в выборке имеют школьники со средним уровнем психологического благополучия, а также каждый десятый подросток оценил свое благополучие как высокое. По мнению педагогов, такие подростки адекватно оценивают себя и свои способности, находятся в положительных отношениях со сверстниками, а также успешны в различных видах деятельности. Для подростков с низким уровнем характерно: противоречивая самооценка, сложности в выстраивании отношений, преобладание пессимистического настроя, боязнь неудач.

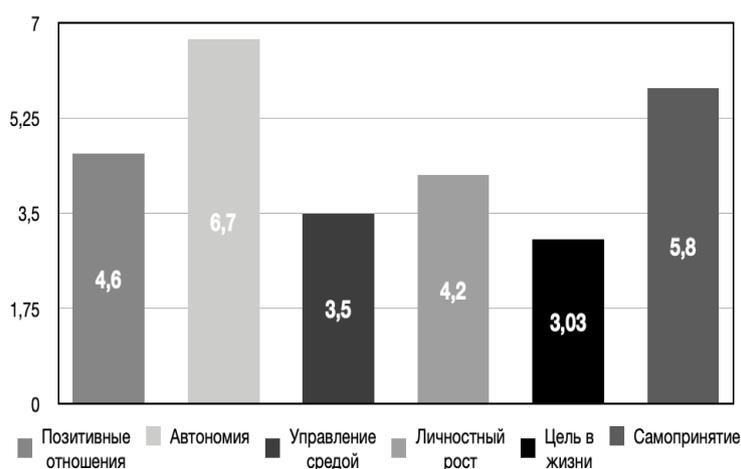

Рисунок 2 – **Выраженность отдельных компонент психологического благополучия**

Помимо уровня психологического благополучия методика «Шкала психологического благополучия» позволяет определить выраженность его отдельных субшкал (рис. 2).

Наиболее значимым параметром психологического благополучия у подростков является «Автономия». Это означает, что для школьников в этом возрасте особую значимость представляет возможность почувствовать себя самостоятельным. Далее по значимости для подростков идет ориентация «Самопринятие», то есть респондентам для удовлетворенности жизнью важно принимать себя, включая как положительные, так и отрицательные качества, но позитивно к себе относиться. Самыми незначительными подростки признают «Управление средой» и «Цель в жизни». Это объясняется, думается, тем, что в данном возрасте происходит интенсивное формирование мировоззрения и личности человека, в ходе которых одни цели сменяются другими, а изменчивость обстоятельств слабо поддается контролю.

Были исследованы у подростков также особенности нервно-психического напряжения (рис. 3).

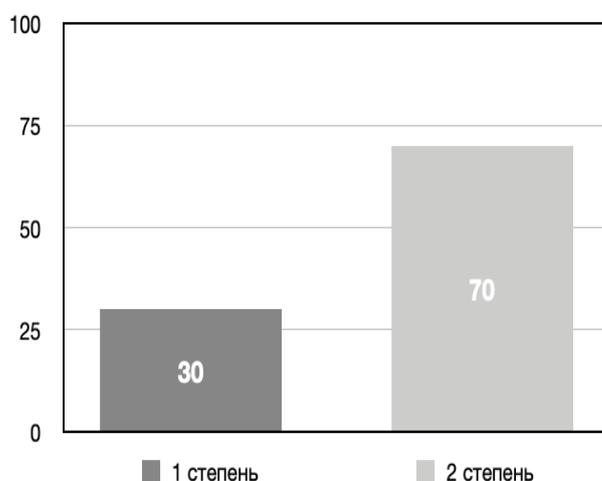

Рисунок 3 – Уровень нервно-психического напряжения в выборке

Подростки с третьей степенью выраженности нервно-психического напряжения, что радует, в нашей выборке отсутствовали. Для более двух третей опрошенных школьников из выборки характерна первая степень нервно-психического напряжения. Таких подростков можно обозначить, как склонных к небольшому проявлению тревоги. На них влияние могут оказывать ситуативные условия, но при этом они чаще всего находятся в состоянии готовности как на когнитивном и эмоциональном, так и на соматическом уровне. Почти треть подростков от общего числа выборки имеют вторую степень нервно-психического напряжения, т.е. им присуще состояние психологического комфорта.

На следующем этапе исследования подростки исследуемой группы были опрошены с использованием методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (КПСС). В котором определялись стили совладающего поведения подростков (рис. 4).

Данные обследования показывают, что подростки достаточно склонны к использованию такой стратегии копинг-поведения, как «Копинг, ориентированный на избегание проблемы или стрессогенного фактора». Это означает, что школьники вместо столкновения с проблемами и их разрешения предпочитают

уходить от источников неприятного воздействия, отвлекаться на отдых, общение с друзьями, развлечения. Такое поведение на постоянной основе оказывает деструктивное влияние на личность человека, однако в определенных ситуациях может быть уместным.

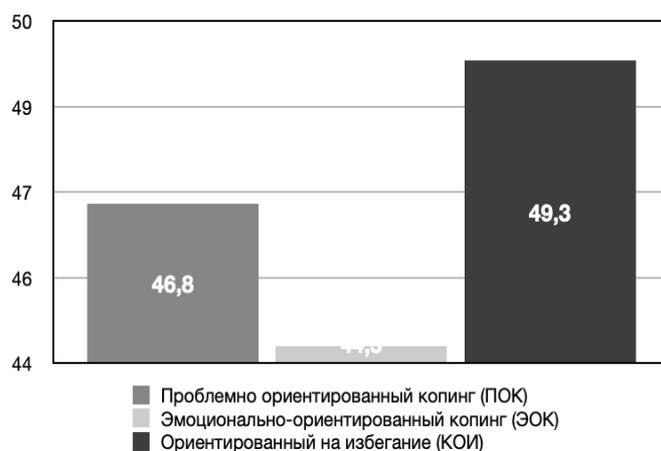

Рисунок 4 – Виды наиболее частых запросов на психологическую помощь детьми и подростками

Немного реже респонденты используют стратегию «Проблемно-ориентированный копинг», что показывает повышенное стремление подростков решать задачи, возникающие в стрессовой ситуации. Они тщательно анализируют происходящее, выделяют плюсы и минусы возможных вариантов решений и в итоге принимают оптимальное. Реже всего подростки данной выборки применяют «Эмоционально-ориентированный копинг», так как сильные эмоциональные переживания являются препятствием на пути к достижению необходимого результата. Эти данные показывают высокую рациональность подростков, которая помогает им адаптироваться в быстро меняющемся современном мире. Таким образом, подростки чаще всего стараются избегать дополнительных стрессовых нагрузок, однако при необходимости включаются в анализ возникших трудностей и пробуют свои силы для их преодоления.

Следующим шагом нашего исследования стало определение статистически значимых различий по показателям копинг-стратегий в зависимости от уровня психологического благополучия подростков. Установлено, что подростки, имеющие разный уровень психологического благополучия личности, различаются на достоверном уровне значимости $p \leq 0,05$ по стилю совладающего поведения «Эмоционально-ориентированный копинг». То есть, подростки, имеющие низкий уровень, отличаются от сверстников, у которых уровень психологического благополучия личности выше.

Испытуемые с низким уровнем психологического благополучия склонны чаще использовать эмоционально-ориентированный копинг, как стремление к чувству облегчения, в то время как более удовлетворенные жизнью подростки стремятся разрешить проблемную ситуацию «здесь и сейчас». По остальным параметрам копинг-поведения статистически значимых различий не было обнаружено.

В результате проведенного корреляционного анализа нами были получено пять корреляционных связей, 2 из которых отрицательные (обратные) и 3 – положительные (прямые). Так, между стилем совладающего поведения «Проблемно-ориентированный копинг (ПОК)» и показателями психологического благополучия «Позитивные отношения», «Личностный рост» и «Цель жизни» обнаружены положительные корреляционные связи на высоком уровне статистической значимости. Это говорит нам о том, что чем значимее социальные связи, личностный рост и цель жизни для подростка в удовлетворенности своей жизнью, тем он более склонен к выбору стратегии разрешения трудной ситуации путем изменения когнитивной оценки происходящего. Также была выявлена отрицательная достоверная корреляционная связь между показателями «Эмоционально-ориентированным копингом (ЭОК)» и «Самопринятием». Это свидетельствует о том, что чем меньше на психологическое благополучие подростка влияет его самопринятие, тем чаще его мысли и действия направлены на снижение физического или психологического воздействия стресса. Последняя отрицательная корреляционная связь, которая включает показатели «Позитивные отношения» и «Копинг, ориентированный на избегание проблемы или стрессогенного фактора» была выявлена на высоком уровне статистической значимости. Она показывает, чем меньше воздействие социальных контактов на психологическое благополучие, тем реже подросток использует копинг-стратегию избегание.

Таким образом, гипотеза о том, что от уровня психологического благополучия у подростка зависит выбор той или иной копинг-стратегии, а именно, что повышению уровня психологического благополучия подростков в образовательной среде способствуют такие копинг-стратегии, как проблемно-ориентированный копинг, а наименее эффективен эмоционально-ориентированный копинг, подтвердилась.

Психологическое благополучие подростков тесно связано с развитыми социальными связями, навыками конструктивного общения со сверстниками, наличием жизненных целей и ценностей, наличием положительных эмоций и отсутствием нервно психического напряжения. Образовательная среда является важнейшим пространством социализации подростка, а поэтому овладение способами совладания со стрессом весьма актуально для подростков-школьников, т.к. ведет к увеличению шансов на достижение положительного результата при переходе к взрослой жизни.

Обеспечение психологического благополучия подростков является социально-психологической необходимостью для этого критического периода взросления. Поэтому возникает потребность в разработке и реализации программ, способствующих психологическому благополучию обучающихся.

Список литературы:

1. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, Авантитул, 2010. 64 с.
2. Литвинова А.В., Березина Т.Н., Кокурин А.В., Екимова В.И. Психологическая безопасность обучающихся во взаимодействии с виртуальной реальностью // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 3. С. 94-104.

3. Литвинова А.В., Котенева А.В., Кокурин А.В., Иванов В.С. Проблемы психологической безопасности личности в экстремальных условиях жизнедеятельности // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 8-16.

4. Овсянникова Е.А., Ткаченко Н.С. Влияние детско-родительских отношений на выбор подростками копинг-стратегий // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 26 (197). С. 162-168.

5. Орлова Д.Г. Психологическое и субъективное благополучие: определение, структура, исследования (обзор современных источников) // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2015. № 1. С. 28-36.

6. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Преодоление эмоционального стресса подростками, воспитывающимися в семье и в детском доме // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 1993. № 1. С. 53-60.

7. Хломов К.Д., Бочавер А.А., Корнеев А.А. Копинг-стратегии и образовательная среда подростков // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 2. С. 180-199.

References:

1. Kryukova T.L. Methods of studying coping behavior: three coping scales. Kostroma: N.A. Nekrasov KSU, Avantitul, 2010. 64 p.

2. Litvinova A.V., Berezina T.N., Kokurin A.V., Ekimova V.I. Psychological safety of students in interaction with virtual reality // Modern foreign psychology. 2022. Vol. 11. № 3. pp. 94-104.

3. Litvinova A.V., Koteneva A.V., Kokurin A.V., Ivanov V.S. Problems of psychological security of the individual in extreme conditions of life // Modern foreign psychology. 2021. Vol. 10. № 1. pp. 8-16.

4. Ovsyannikova E.A., Tkachenko N.S. The influence of child-parent relations on the choice of coping strategies by adolescents // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities. 2014. № 26 (197). pp. 162-168.

5. Orlova D.G. Psychological and subjective well-being: definition, structure, research (review of modern sources) // Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series № 1. Psychological and pedagogical sciences. 2015. № 1. pp. 28-36.

6. Sirota N.A., Yaltonsky V.M. Overcoming emotional stress by adolescents brought up in a family and in an orphanage // Review of psychiatry and medical psychology. 1993. № 1. pp. 53-60.

7. Khlomov K.D., Bochaver A.A., Korneev A.A. Coping strategies and the educational environment of adolescents // Social psychology and society. 2020. Vol. 11. № 2. pp. 180-199.

Секция 3. Проблемы в оказании психологической помощи: модели и технологии интервенции

Аксенова Мария Анатольевна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), студент факультета «Экстремальная психология»

e-mail: aksenovamaria@yandex.ru

Aksenova Maria Anatolyevna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), student of the faculty of «Extreme Psychology»

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАСНИКОВ ИЗ ПРОБЛЕМНЫХ СЕМЕЙ

FEATURES OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF HIGH SCHOOL STUDENTS FROM PROBLEM FAMILIES

Аннотация. В данной статье представлены результаты изучения особенностей профессионального самоопределения обучающихся в старших классах и влияния неблагополучия семьи на характер протекания данного процесса. Семья для ребенка выступает важнейшим институтом социализации и оказывает сильнейшее влияние на выбор профессии подростка. Неблагополучие семьи может приводить к возникновению различных деформаций в процессе профессионального самоопределения старшеклассников.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, старшеклассники, неблагополучная (проблемная) семья, профессиональные деформации.

Abstract. This article presents the results of studying the features of the professional self-determination of students in high school and the impact of the family's disadvantage on the nature of this process. The family for the child is the most important institution of socialization and has a strong influence on the choice of profession of a teenager. The disadvantage of the family can lead to the emergence of various deformations in the process of professional self-determination of high school students.

Keywords: professional self-determination, high school students, dysfunctional (problematic) family, professional deformations.

Профессиональное самоопределение является важной и неотъемлемой частью социализации учеников старших классов, а также необходимым условием их успешности в дальнейшей жизни за стенами школы. Вступая в самостоятельную жизнь, выпускникам предстоит определиться с будущей профессией. Данный выбор является весьма сложным, т.к. здесь приходится учитывать множество внешних и внутренних факторов современных социальных и экономических реалий, а его последствия будут влиять на все стороны жизни и ее качество [1].

Одним из важнейших факторов, влияющих на выбор профессии является мнение, помощь и поддержка семьи. Семейное неблагополучие, в той или иной степени, безусловно влияет на профессиональное самоопределение выпускников, что мало отражено в современных исследованиях. В связи с этим возника-

ет необходимость в изучении специфики профессионального самоопределения старшеклассников из проблемных семей.

Е.А. Климов, являвшийся разработчиком основ теории индивидуального стиля личности, рассматривает профессиональное самоопределение как важнейшую составляющую психического развития человека и как процесс формирования полноценной личности, участника общественных отношений [2].

Самоопределение старшеклассника в профессиональной сфере является достаточно сложным и длительным процессом в его жизни, отражая значимые аспекты его личностного развития в целом. Данный этап проходит каждый старшеклассник в своей жизни. Уже в школе одной из основных задач является выбор профессионального пути и учебного заведения. Здесь как никогда важна помощь и поддержка со стороны родителей ученика [5].

Неблагополучие семьи оказывает сильное негативное влияние на процесс социализации подростка и, как следствие, может приводить к различным трудностям в выборе профессии у старшеклассников. По мнению В.М. Целуйко, «неблагополучная семья – это семья, в которой нарушена структура, обесцениваются или игнорируются основные семейные функции, имеются явные или скрытые дефекты воспитания, в результате чего дети, воспитывающиеся в ней, попадают в категорию «трудных» [4].

Профессиональное самоопределение старшеклассников из неблагополучных (проблемных) семей может претерпевать различного рода деформации, и такие ученики сталкиваются с серьезными проблемами, требующими помощи со стороны специалистов. Деформации профессионального самоопределения представляют собой ложный выбор профессии, не соответствующий реальным способностям и интересам ребенка [3]. Среди таких деформаций выделяют: разногласия между образцом профессии и самооценкой; различие между возможностями и требованиями определенной профессии; ошибочный выбор специальности; противоречия между осознанными и неосознанными ориентирами высокопрофессионального сознания.

Целью нашего исследования являлось изучение особенностей профессионального самоопределения старшеклассников из неблагополучных семей. Было выдвинуто предположение, что для старшеклассников из проблемных семей характерен низкий уровень готовности к выбору профессии, который обусловлен низкой осведомленности о многообразии профессий. Исследование проводилось среди учеников 10-х классов. Всего испытуемых 20 человек (10 из благополучных семей и 10 из неблагополучных семей).

В качестве диагностического материала для выявления особенностей профессионального самоопределения старшеклассников были применены следующие методики: Методика «Дифференциально-диагностический опросник» (ДДО Е.А. Климов); Опросник «Готовность учащихся к выбору профессии» (В.Б. Успенский); Для дополнительного определения благополучия /неблагополучия семьи испытуемого, а также выявления профессионального самоопределения старшеклассников была создана и применена авторская анкета «Анкета-опросник для выявления профессионального самоопределения».

Учитывались и характеристики на каждого ученика от школьного педагога-психолога.

В ходе исследования особенностей профессионального самоопределения старшеклассников из благополучных и проблемных семей были получены следующие результаты. Данные о соотношении средних показателей склонности к тому или иному типу профессии у обучающихся из благополучных и проблемных семей представлены на рис. 1.

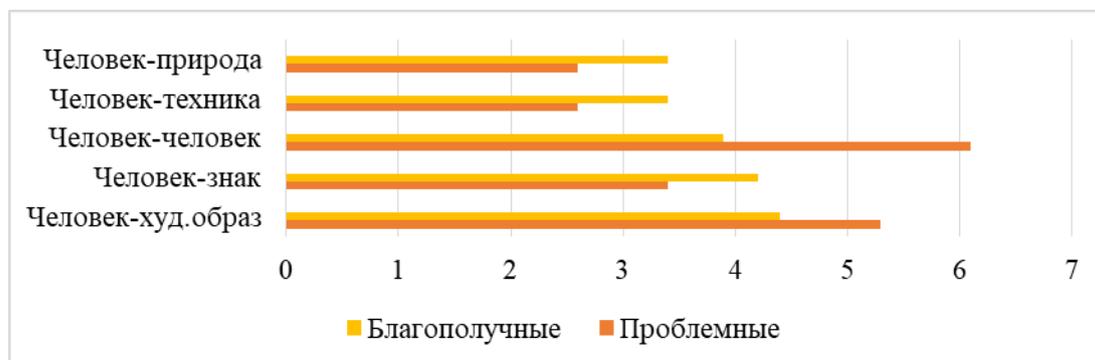

Рисунок 1 – Соотношение средних значений показателей профессиональных предпочтений старшеклассников из проблемных и благополучных семей

Из рис. 1 видно, что наибольшие различия между старшеклассниками из проблемных и благополучных семей отмечены по таким сферам профессиональной деятельности, как «человек-человек» и «человек-художественный образ», где старшеклассники из проблемных семей более склонны выбирать профессии, связанные со сферой обслуживания или творческими специальностями. Обучающиеся из благополучных семей в среднем больше выбирают технические профессии и профессии, связанные с цифровым расчетом, а также профессии, связанные с животноводством, растениеводством и лесным хозяйством.

Для выявления статистически значимых различий профессиональной направленности между группой обучающихся из благополучных семей и группой из проблемных семей использовался U-критерий Манна-Уитни (табл. 1).

Таблица 1 – Результаты выявления статистически значимых различий профессионального интереса и склонности обучающихся из благополучных и проблемных семей (методика ДДО Е.А. Климов; U-критерий Манна-Уитни)

Типология обучающихся	U _{эмп}	U _{кр} *	Средний ранг / Семьи	
			Благополучные	Проблемные
«Человек – природа»	35	27	120	90
«Человек – техника»	35,5		119,5	90,5
«Человек – человек»	16,5		71,5	138,5
«Человек – знак»	41,5		113,5	96,5
«Человек – художественный образ»	41		96	114

Примечание: *различия статически достоверны при $p \leq 0.05$.

Анализ результатов с помощью U-критерия Манна-Уитни показал, что статистически значимыми различиями между показателями обучающихся из

проблемных и благополучных семей является данные по типу «Человек-человек» (16,5). Следовательно, наше предположение о том, что обучающиеся из проблемных семей выбирают чаще профессии, связанные с взаимодействием с людьми, подтверждается и является статистически значимым отличием от обучающихся из благополучных семей.

Интересными оказались результаты изучения готовности обучающихся из благополучных и проблемных семей к выбору профессии в аспекте уровня их самоопределения по Опроснику «Готовность учащихся к выбору профессии» В.Б. Успенского (рис. 2).

Рисунок 2 – Соотношение средних показателей по уровням выраженности готовности старшеклассников из благополучных и проблемных семей к выбору профессии

У старшеклассников из проблемных семей в большинстве случаев выражена низкая готовность к выбору профессии. Также, ни один испытуемый из данной группы не показал высокую готовность. У старшеклассников из благополучных семей чаще отмечается средняя готовность к выбору профессии, т.е. у обучающихся из данной группы выше уровень понимания того, кем они хотят быть в будущем. Отмечается отсутствие показателей по шкале «неготовность».

Оценки статистической значимости различий по готовности к профессиональному выбору у старшеклассников из проблемных и благополучных семей представлены в таблице 2.

Анализ результатов исследования уровня готовности к выбору профессии обучающихся из проблемных и благополучных семей показал, что статистически достоверными различиями являются данные по шкале «низкая готовность» (18,5). Можно сделать вывод, что старшеклассники из проблемных семей имеют более низкую готовность к выбору профессии.

Таблица 2 – Оценка различий по уровню выраженности готовности к профессиональному выбору обучающихся из благополучных и проблемных семей

Уровни готовности	U _{эмп}	U _{кр} *	Средний ранг / Семьи	
			Благополучные	Проблемные
Неготовность	45	27	100	110
Низкая готовность	18,5		73,5	136,5
Средняя готовность	29,5		125,5	84,5
Высокая готовность	40		115	95

Результаты, полученные при применении авторской анкеты, позволили выявить следующие особенности:

1) старшекласники из обоих типов семей показали, что все они задумывались о выборе профессии (100%);

2) старшекласники из благополучных семей лучше знают о многообразии профессий (90%), чем старшекласники из проблемных семей (40%);

3) для старшекласников из благополучных семей на первом месте стоит такой фактор, влияющий на их профессиональный выбор, как заработок (80 %), на втором месте – личный интерес (30 %), а у старшекласников из проблемных семей – наоборот (40 % и 60 %, соответственно);

4) все старшекласники из проблемных семей (100 %) хотели бы посоветоваться с кем-либо вне семьи о выборе профессии;

5) среди учеников из благополучных семей преобладают ответы, связанные с описанием личностных качеств своей будущей личности (40 %). Также, у них чаще (20 %), чем у старшекласников из проблемных семей (10%), звучали ответы, касающиеся больших заработков;

6) на вопрос «Кем вы видите себя в будущем?», ученики из проблемных семей в 50 % случаев продемонстрировали затруднения в ответе на данный вопрос, причем 40 % из них отметили лишь примерные профессиональные предпочтения («кем-то из киноиндустрии», «государственное и муниципальное управление», «ИП», «финансист»).

Таким образом, по итогам исследования можно сделать вывод, что для старшекласников из проблемных семей характерен низкий уровень готовности к выбору профессии, причем у них выражена в низкой степени осведомленность о многообразии профессии. Дальнейшая работа по данному направлению будет строиться с целью создания программы, направленной на оказание психологической помощи детям из неблагополучных семей в их профессиональном самоопределении.

Список литературы:

1. Березина Т.Н., Литвинова А.В., Кошелева С.Н. Психолого-педагогическая безопасность виртуальных игр, рекомендуемых для младших школьников // Перспективы науки и образования. 2022. № 3 (57). С. 565-581.

2. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. 3-е издание, стереотипное. М.: Академия, 2007. 304 с.

3. Поняев А.Н. Социальные последствия деформаций профессионального самоопределения старшекласников из неблагополучных семей // Педагогика в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 марта 2021 года. Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. С. 103-106.

4. Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи: Книга для педагогов и родителей. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004.

5. Широкова Е.Ю. Влияние семьи на профессиональное самоопределение подростков // Молодой ученый. 2020. № 50 (340). С. 448-449.

References:

1. Berezina T.N., Litvinova A.V., Kosheleva S.N. Psychological and pedagogical safety of virtual games recommended for younger schoolchildren // Prospects of science and education. 2022. № 3 (57). pp. 565-581.

2. Klimov E.A. Psychology of professional self-determination. 3rd edition, stereotypical. Moscow: Akademiya, 2007. 304 p.

3. Ponyaev A.N. Social consequences of deformations of professional self-determination of high school students from disadvantaged families // Pedagogy in theory and in practice: current issues and modern aspects: collection of articles of the VIII International Scientific and Practical Conference, Penza, March 15, 2021. Penza: "Science and Education" (IP Gulyaev G.Yu.), 2021. pp. 103-106.

4. Tseluiko V.M. Psychology of a dysfunctional family: A book for teachers and parents. Moscow: VLADOS-PRESS Publishing House, 2004.

5. Shirokova E.Yu. The influence of the family on the professional self-determination of adolescents // Young scientist. 2020. № 50 (340). pp. 448-449.

Андреева Малика Мусаевна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»

e-mail: Andreeva.malika@gmail.com

Andreeva Malika Musaevna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ У ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К АГРЕССИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

FEATURES OF THE SELF-REGULATION STYLE IN ADOLESCENTS PRONE TO AGGRESSIVE BEHAVIOR

Аннотация. Статья направлена на изучение особенностей стиля саморегуляции у подростков, склонных к проявлению агрессии. Анализируются индивидуально-психологические особенности, определяющие формирование стиля саморегуляции поведения в подростковом возрасте. Материал исследования дает ориентиры по совершенствованию психологической работы в области социализации подростков.

Ключевые слова: агрессивное поведение, подростковая агрессия, стиль саморегуляции, саморегуляция поведения.

Abstract. The article is aimed at studying the peculiarities of the style of self-regulation in adolescents prone to aggression. The individual psychological features that determine the formation of the style of self-regulation of behavior in adolescence are analyzed. The material of the study provides guidelines for improving psychological work in the field of socialization of adolescents.

Keywords: aggressive behavior, teenage aggression, self-regulation style, self-regulation of behavior.

Человек, постоянно находясь во взаимодействии с окружающим миром, делает свой выбор и регулирует свою активность. Продуктивность, как исход осознанного действия, совершаемого человеком, зависит от того, насколько у индивида сформирована саморегуляция. По мнению О.А. Исайчевой, современные зарубежные авторы, такие как Ю. Куль, П. Кароли, Ж.М. Дьефендорф, понимают саморегуляцию как «...процессы, позволяющие субъекту управлять собственным поведением в изменяющихся условиях» [цит. по 2]. Только субъект, с высоким уровнем саморегуляции может эффективно управлять собственными мыслями, эмоциями и своим поведением в целом.

В подростковом периоде имеется несформированность определенных свойств личности. Эмоциональность и неуравновешенность, импульсивность в проявлении реакций, все это характерно для подросткового возраста. Кроме того, для подростков часто является нормальным решение спорных и конфликтных ситуаций путем использования вербальной и физической агрессии [3], поскольку субъектность и способы просоциального поведения недостаточно сформированы.

Исследованию взаимосвязи между особенностями саморегуляции и проявлениями агрессии у подростков уделяется большое внимание исследователями в нашей стране и за рубежом. В итоге имеются данные на разных выборках разных стран. Выявлено, что на особенности саморегуляции, которые формируются в подростковом возрасте, существенное влияние оказывает стиль семейного воспитания. Теплое, поддерживающее материнское воспитание и тесные отношения между матерью и ребенком способствуют развитию осознанной саморегуляции у подростков, причем с выработкой самоконтроля (Баумринд, 1991; Броди и Джи, 2001). С другой стороны, родительская дисциплина, связанная с давлением, оказываемым на ребенка, провоцирует у него необходимость устранять негативные эмоции, т.е. отвлекают от того, чтобы научиться их регулировать [5]. Малоэффективно и попустительское материнское воспитание, при котором способы наказаний за проступки заменяются «всепрощением».

Анализ публикаций свидетельствует, что развитие подростков в условиях диалогических отношений между матерью и ребенком существенно улучшает саморегуляцию, (исследование Мойланена и его коллег, 2010). С другой стороны, матери во время конфликтов со своими детьми могут служить и плохими примерами для выработки саморегуляции (исследование Моррис и др., 2007). Кроме того, установлено, что на проявления агрессии детьми большое влияние оказывает воспитание с помощью усиления стыда. Китайские ученые Люшен Ван и Бяо Сан Наньтунского университета провели два эксперимента, которые показали, что стыд и агрессия очень тесно связаны между собой. Данные исследования свидетельствуют, что ребенок, часто оказывавшийся в ситуациях, вызывающих стыд, накапливает энергию для последующей агрессии. Учеными сделан вывод, что воспитание подрастающего поколения с помощью усиления стыда со стороны родителей, педагогов провоцирует больше агрессии [4].

Саморегуляция играет важную роль в развитии подростков, предсказывая успех во многих областях, включая школьные и социальные отношения [1, 3]. Установлено, что на развитие способности регулировать эмоции влияют родители, сверстники и романтические партнеры.

Целью нашего исследования было выявление взаимосвязи между стилем саморегуляции и проявлением агрессивного поведения в подростковом возрасте. Было выдвинуто предположение, что стиль саморегуляции оказывает влияние на проявления агрессивности в подростковом возрасте, и чем ниже уровень осознанной саморегуляции, тем выше проявления агрессии.

Исследование проводилось на базе МБОУ СОШ г. Мытищи. Участвовало 40 учащихся 9 классов: 22 девочки и 18 мальчиков в возрасте 14-15 лет. Были

использованы методики: Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ; В.И. Моросановой), Опросник уровня агрессивности Басса-Перри и метод «Незаконченные предложения» (Гребенкин Е.В.).

При исследовании среди обучающихся общего уровня саморегуляции при помощи методики ССПМ были получены следующие данные: 17,5 % обучающихся имеют низкий уровень саморегуляции, 47,5 % – средний, 35 % – высокий, т.е. большинство подростков имеют средний уровень осознанной саморегуляции, они уже достаточно самостоятельны, могут подстраиваться под обстоятельства, адекватно реагировать на изменяющиеся условия.

По методике «Опросник уровня агрессивности Басса–Перри» выявлено, что 27,5 % обучающихся демонстрируют низкий уровень агрессивности, 47,5 % – средний, 25 % – высокий агрессивности. Близкими оказались результаты частотного анализа ориентаций на агрессию в различных ситуациях и по методике «Неоконченные предложения»: 17,5 % обучающихся индицируют высокий уровень выраженности агрессии, 47,5 % – средний уровень, 35 % – низкий.

Таблица 1 – Взаимосвязь уровня гнева и показателей шкал саморегуляции

Показатель	Критические значения			R _s	Значимость корреляции
	N	p1	p2		
Корреляция между показателями уровня гнева и шкалы планирования	40	0.31	0.4	-0.520	Имеет значимую обратную связь
Корреляция между показателями уровня гнева и шкалы моделирования	40	0.31	0.4	-0,281	Не достигает уровня статистической значимости
Корреляция между показателями уровня гнева и шкалы программирования	40	0.31	0.4	-0,519	Имеет значимую обратную связь
Корреляция между показателями уровня гнева и шкалы оценки результатов	40	0.31	0.4	-0,485	Имеет значимую обратную связь
Корреляция между показателями уровня гнева и шкалы гибкости	40	0.31	0.4	-0,596	Имеет значимую обратную связь
Корреляция между показателями уровня гнева и шкалы самостоятельности	40	0.31	0.4	-0,240	Не достигает уровня статистической значимости

Проведение корреляционного анализа (см. табл. 1) позволило установить следующую особенность – уровень гнева одновременно зависит от гибкости, умения планировать, программировать, оценивать результат и не зависит от самостоятельности и моделирования. Враждебность подростков зависит от умения планировать и оценивать результаты, а также гибкости; но моделирование и самостоятельность не влияет на показатели враждебности.

При обработке результатов и сравнения уровня саморегуляции с уровнем агрессии по методике Гребенкина «Неоконченные предложения» получили результат, показывающий зависимость уровня агрессивности от стиля саморегуляции. Чем выше уровень сформированности осознанной саморегуляции, тем ниже уровень проявления агрессии (рис. 1).

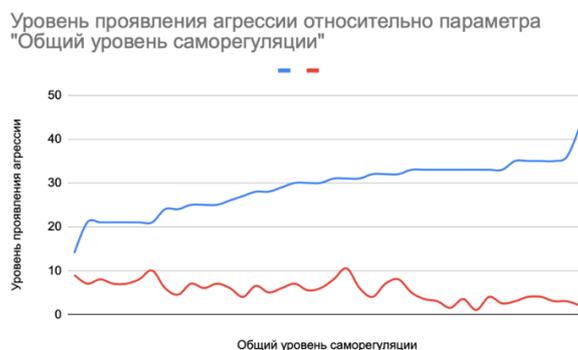

Рисунок 1 – Взаимосвязь уровня саморегуляции и уровня агрессивности (по методике Гребенкина)

При обработке результатов и сравнения уровня саморегуляции с уровнем агрессии по методике Басса-Пери получили аналогичный тренд: чем выше уровень сформированности осознанной саморегуляции, тем ниже уровень проявления агрессии (рис. 2).

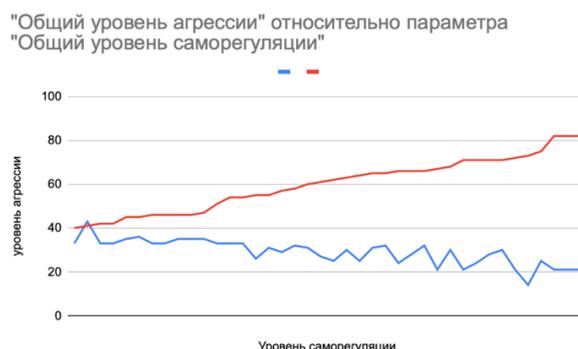

Рисунок 2 – Взаимосвязь уровня саморегуляции и уровня агрессивности (по Басса-Пери)

Подводя итоги проведенному исследованию, можно констатировать, что обучающиеся старшего подросткового возраста, имеющие высокие показатели уровня саморегуляции, наименее склонны к проявлениям агрессии в адрес окружающих. В тоже время низкий уровень саморегуляции у подростков, наоборот, заставляет более остро реагировать на ситуации, проявлять как вербальную, так и физическую агрессию. Учитывая значительный процент лиц среди подростков с недостатками саморегуляции, возникает необходимость совершенствования у них навыков самоконтроля, а также расширения круга психопрофилактических мероприятий, в том числе по психотехнологии «Управление гневом».

Список литературы:

1. Березина Т.Н., Литвинова А.В., Кошелева С.Н. Психолого-педагогическая безопасность виртуальных игр, рекомендуемых для младших школьников // Перспективы науки и образования. 2022. № 3 (57). С. 565-581.

2. Исайчева О.А. Формирование саморегуляции студентов в процессе учебной деятельности // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 2 (5). С. 114-117.

3. Петров В.Е., Ибрагимова Д.М. Формирование мотивации нравственно-правового поведения у подростка-девианта // Вестник ВИПК МВД России. Домодедово, 2011. № 3 (19). С. 22-29.

4. Liusheng Wang¹, Biao Sang. The Effect of Self-Regulation of Shame on Teenagers' Aggression // Studia Psychologica. Vol. 62. № 1. 2020 p. 58-73. <https://doi.org/10.31577/sp.2020.01.791>.

5. Thomas Ross, María Isabel Fontao. The Relationship of Self-Regulation and Aggression: An Empirical Test of Personality Systems Interaction Theory // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2007. 12. https://www.researchgate.net/publication/5822306_The_Relationship_of_Self-Regulation_and_Aggression_An_Empirical_Test_of_Personality_Systems_Interaction_Theory (дата обращения: 20.12.2022).

References:

1. Berezina T.N., Litvinova A.V., Kosheleva S.N. Psychological and pedagogical safety of virtual games recommended for younger schoolchildren // Prospects of science and education. 2022. № 3 (57). pp. 565-581.

2. Isaicheva O.A. Formation of self-regulation of students in the process of educational activity // Russian science and education today: problems and prospects. 2015. № 2 (5). pp. 114-117.

3. Petrov V.E., Ibragimova D.M. Formation of motivation of moral and legal behavior in a deviant teenager // Bulletin of the VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Domodedovo, 2011. № 3 (19). pp. 22-29.

4. Liusheng Wang¹, Biao Sang. The Effect of Self-Regulation of Shame on Teenagers' Aggression // Studia Psychologica. Vol. 62. № 1. 2020 p. 58-73. <https://doi.org/10.31577/sp.2020.01.791>.

5. Thomas Ross, María Isabel Fontao. The Relationship of Self-Regulation and Aggression: An Empirical Test of Personality Systems Interaction Theory // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2007. 12. https://www.researchgate.net/publication/5822306_The_Relationship_of_Self-Regulation_and_Aggression_An_Empirical_Test_of_Personality_Systems_Interaction_Theory (дата обращения: 20.12.2022).

Белая Марина Александровна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»
e-mail: Lmmuse@mail.ru

Belaya Marina Alexandrovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ ИЗ СЕМЕЙ РАЗНЫХ ТИПОВ

FEATURES OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF HIGH SCHOOL STUDENTS FROM DIFFERENT TYPES OF FAMILIES

Аннотация. В статье представлены результаты изучения особенностей профессионального самоопределения с точки зрения готовности к выбору профессии и мотивации ее выбора, характерные для старшеклассников из благополучных и неблагополучных семей.

Материалы исследования позволяют определить ориентиры совершенствования профориентационной работы с подростками.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, тип семьи, неблагополучная семья.

Abstract. The article presents the results of studying the features of professional self-determination in terms of readiness to choose a profession and motivation for its choice, characteristic of high school students from prosperous and disadvantaged families. The materials of the study make it possible to determine the guidelines for improving career guidance work with adolescents.

Keywords: professional self-determination, family type, dysfunctional family.

На сегодняшний день ни у кого не возникает сомнения в том, что вопрос профессионального самоопределения является важным фактором жизни человека, вектором его профессионально-личностного развития. Самоопределение представляет собой ведущий тип активности обучающихся старших классов.

Компонентами личностного самоопределения выступают такие характеристики личности, как самооценка, убеждения, ценности, обобщенные представления об окружающем мире и самом себе. Формирование личностного самоопределения подростка заключается в становлении адекватности самооценки, позитивного отношения к себе и к окружающему миру, осознание своих целей и действий [1, 5 и др.]. Основным социальным институтом, который помогает ребенку в личностном и профессиональном самоопределении является семья. При этом именно социальное благополучие семьи существенно влияет на жизнедеятельность детей. У детей из социально неблагополучных семей нередко формируется негативная «Я-концепции», отрицательные установки, неуверенность в себе, безразличное отношение к выбираемой профессии, развивается чувство беспомощности. Л.В. Калинина [3] представляет благополучную семью как социальный институт, ячейку общества, состоящую из людей, которые поддерживают друг друга социально, экономически и психологически.

На основании данных научных работ Н.В. Чурило [7] были выделены две основные модели выбора профессии старшими школьниками: обоснованное самоопределение – рациональный выбор на основе индивидуальной предрасположенности к профессии и ориентации на ее реальную востребованность со стороны общества; мнимое самоопределение, при котором собственная активность личности при выборе профессии подменяется некритическим принятием господствующих в общественном мнении ценностей отдельных профессий.

Анализ публикаций свидетельствует, что чаще всего у старших школьников из неблагополучных семей преобладает мнимая модель самоопределения. Школьники из неблагополучных семей, не чувствуя поддержки от родителей и старших членов семьи в самоопределении, выбирают будущую профессию импульсивно. Не обладая разноплановыми ориентирами самоопределения, они руководствуются при определении на ценности, связанные с престижностью профессии и финансовым благополучием. Зачастую многие из них полагают, что именно к таким специальностям у них есть интерес, но аргументировать это не могут, т.к. не обладают полной информацией о требованиях в данной сфере к личности, о трудовых обязанностях и условиях в которых предстоит работать.

Такая «спекуляция» ценностями формирует лишь иллюзию самоопределения у молодого человека.

В исследованиях современных авторов благополучие семьи рассматривается значимым фактором, но при этом отмечается, что на самоопределение старших школьников при выборе будущей профессии влияет много других факторов. С.Г. Горбатко отмечает, что быстрые изменения в современном мире влияют на предпочтения в выборе профессии. Для того чтобы новые сферы труда стали реальными альтернативами, необходимо найти личностный смысл и встроить в контекст жизненного мира современного молодого человека [2]. В условиях воспитания в благополучной семье профвыбор более достижим, нежели при воспитании в неблагополучной семье. М.С. Ковалевич, проанализировав состояние самоопределения старшеклассников из неблагополучных семей, пришла к выводу, что в сознании старшеклассников есть ориентация на высокую доходность выбираемой профессии, но нет представлений о наличии способностей к занятию именно ей.

В своих исследованиях Л.П. Петухова, Т.А. Степченко, Е.В. Елисеева [4] пришли к выводу, подростки из социально неблагополучных семей избирательно относятся к своей жизни, в большей степени отражают неуверенность к себе, к своим действиям, а поэтому часто подвергаются давлению со стороны окружающих; при этом некоторые дети сознательно отрицают возникшие проблемы, не давая вмешиваться посторонним лицам для разрешения трудностей.

О.И. Сысоевой отмечается, что недостаточное внимание к проблемам развития системы самоопределения личности при выборе профессии со стороны в первую очередь семьи, а также общества, государства приводит к обострению противоречия между информированностью школьников о мире профессий и теми реальными требованиями, которые предъявляет к работнику современный рынок труда [6]. Соответственно, подростки из неблагополучных семей могут не иметь четкого представления о собственном профессиональном и личностном самоопределении.

В связи с тем, что старшие школьники воспитываются в семьях разного типа, а значит и в разных психоэмоциональных, финансовых и жизненных условиях, процесс самоопределения обучающихся может проходить по-разному. Для того чтобы избежать появления инфантильных или асоциальных членов общества, данная проблема требует детального изучения и разрешения.

Целью нашего исследования являлось изучение особенностей профессионального самоопределения старшеклассников из благополучных и неблагополучных семей. Нами было выдвинуто предположение, что профессиональное самоопределение старшеклассников, воспитывающихся в неблагополучных семьях имеет ряд различий с профсамоопределением старшеклассников, воспитывающихся в благополучных семьях.

В исследовании приняло участие 26 испытуемых – обучающихся 8 классов, в возрасте 14-15 лет. В исследовании приняли участие 14 девочек и 12 мальчиков. В качестве психодиагностических средств использовались: Методика «Готовность к выбору профессии» (модификация опросника

А.П. Чернявской) и Опросник «Мотивы выбора профессии» (автор С.С. Груншпун).

Анализ данных, полученных в результате исследования по методике «Готовность к выбору профессии», позволил оценить степень готовности испытуемых из контрастных семей к выбору будущей профессии (рис. 1 и 2).

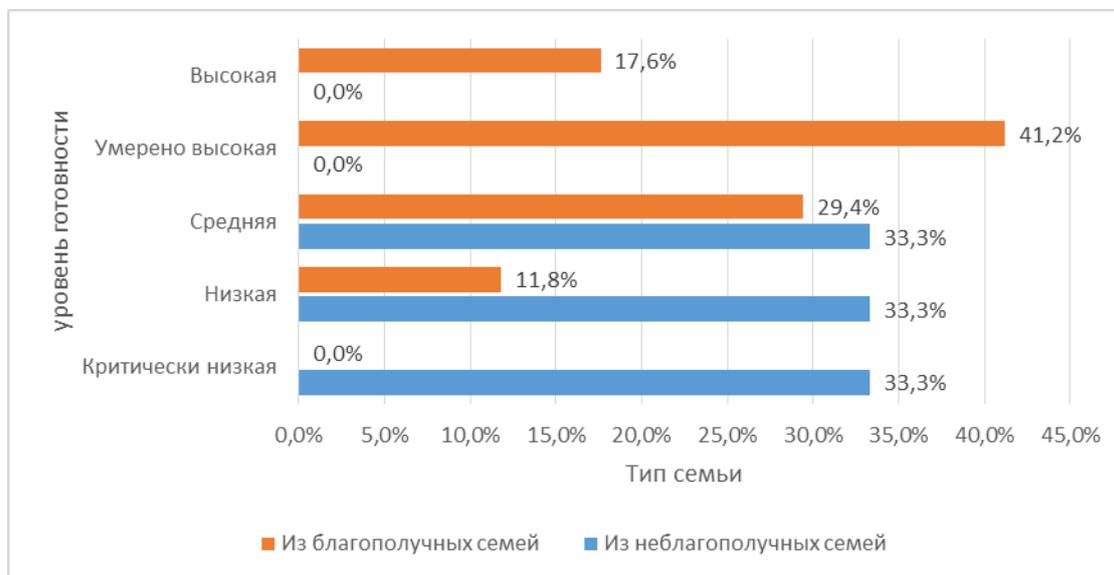

Рисунок 1 – Уровень готовности к выбору профессии старшекласников из разных типов семей

Для школьников из неблагополучных семей характерны критически низкий, низкий и средний уровень готовности – все три уровня занимают по 33,3 % от результатов, полученных в данной выборки. Для школьников из благополучных семей, напротив, наибольшую долю занимает умеренно высокий (41,2 %), средний (29,4 %), далее идет высокий уровень (17,6 %), а на последнем месте низкий уровень (11,8 %). Это притом, что критически низкого уровня готовности у испытуемых из благополучных семей вовсе не наблюдается. Из полученных результатов можно сделать вывод, что разница в степени готовности к выбору профессии для воспитывающихся в разных типах семей присутствует: у школьников, воспитывающихся в неблагополучных семьях, готовность к выбору профессии ниже, чем у их сверстников из благополучных семей.

Для старшекласников, воспитывающихся в неблагополучных семьях превалирует выраженность мотива «Финансовое благополучие», причем высокая степень выраженности наблюдается у 77,8 % испытуемых данной выборки, против 35,3 % среди выборки старшекласников из благополучных семей. Мотивы «Творчество» и «Самореализация» характерны больше для воспитывающихся в благополучных семьях (82,4 %), а высокая степень данного параметра наблюдается всего у 33,3 % испытуемых из неблагополучных семей. Приведенные результаты указывают на то, что обучающиеся из неблагополучных семей ориентируются больше на субъективное внешнее представление о финансовой привлекательности профессии, а не на собственные способности в выбранной профессии, что свидетельствует о деформации самоопределения, тогда как вос-

питывающиеся в благополучных семьях более осознанно подходят к выбору будущей профессии.

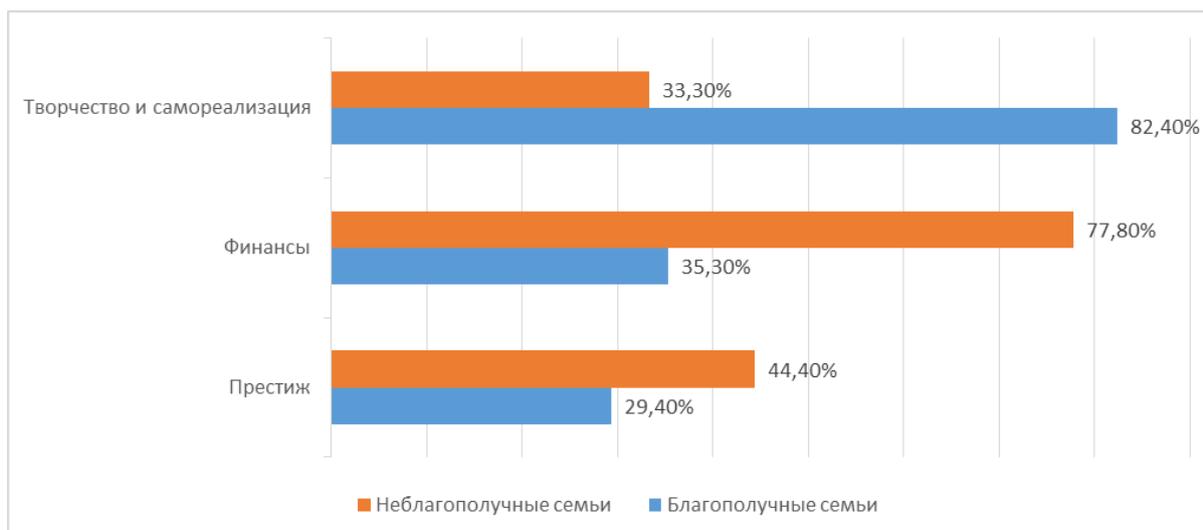

Рисунок 2 – Мотивы выбора профессии в различных типах семей

В целом, полученные в результате исследования данные свидетельствуют, что старшие школьники имеют разную степень готовности к профессиональному самоопределению в зависимости от того, в благополучных или неблагополучных семьях они воспитываются. Испытуемые из неблагополучных семей показывают более низкие показатели по всем параметрам, входящим в общую готовность к выбору профессии, а также эти испытуемые ориентируются при выборе профессии не на свои сильные стороны или на мотивацию пользы для общества, а поэтому у них, по сути, «мнимый» выбор и деформация самоопределения. Учитывая, что неблагополучие семьи отрицательно сказывается на профессиональном самоопределении старших школьников, возникает необходимость совершенствования психологического мониторинга профессионального выбора у подростков, а также подключения педагогов школы к работе с их семьями.

Список литературы:

1. Березина Т.Н., Литвинова А.В., Кошелева С.Н. Психолого-педагогическая безопасность виртуальных игр, рекомендуемых для младших школьников // Перспективы науки и образования. 2022. № 3 (57). С. 565-581.
2. Горбатко С.Г. Профессиональное самоопределение личности в процессе учебной деятельности // Психология, социология и педагогика. 2018. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://psychology.snauka.ru/2018/01/8490> (дата обращения: 24.03.2022).
3. Калинина Л.В. Профессиональное самоопределение подростков из неблагополучных семей // Экстремальная психология в экстремальном мире: Материалы I Межд. молодежного научного форума, Москва, 12-13 апреля 2019 года / Под ред. А.В. Кокурина, В.И. Екимовой, В.Е. Петрова, В.М. Позднякова. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2019. С. 317-320.
4. Петухова Л.П., Степченко Т.А., Елисеева Е.В. Психолого-педагогическое сопровождение личностного самоопределения подростков из социально неблагополучных семей // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 8 (186). С. 237-242. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2020.8.p237-242.

5. Старостина Н.Н. Профессиональное самоопределение как важная составляющая профессиональной социализации личности // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 5. С. 174-177.

6. Сысоева О.И., Сысоев М.А. Профессиональное самоопределение поколения Z в ранней юности // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/11/84725> (дата обращения: 04.06.2022).

7. Чурило Н.В. Субъективное благополучие юношей и девушек в контексте реализации индивидуальной жизненной стратегии // Психологический журнал (РБ). 2009. № 2. С. 63-70.

References:

1. Berezina T.N., Litvinova A.V., Kosheleva S.N. Psychological and pedagogical safety of virtual games recommended for younger schoolchildren // Prospects of science and education. 2022. № 3 (57). pp. 565-581.

2. Gorbatko S.G. Professional self-determination of the individual in the process of educational activity // Psychology, sociology and pedagogy. 2018. № 1 [Electronic resource]. URL: <https://psychology.snauka.ru/2018/01/8490> (accessed: 03/24/2022).

3. Kalinina L.V. Professional self-determination of adolescents from disadvantaged families // Extreme Psychology in an extreme world: Materials of the I Inter. Youth Scientific Forum, Moscow, April 12-13, 2019 / Edited by A.V. Kokurin, V.I. Ekimova, V.E. Petrov, V.M. Pozdnyakov. Moscow: Moscow State Psychological and Pedagogical University, 2019. pp. 317-320.

4. Petukhova L.P., Stepchenko T.A., Eliseeva E.V. Psychological and pedagogical support of personal self-determination of adolescents from socially disadvantaged families // Scientific notes of the P.F. Lesgaft University. 2020. № 8 (186). pp. 237-242. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2020.8.p237-242.

5. Starostina N.N. Professional self-determination as an important component of professional socialization of personality // Scientific review. Pedagogical sciences. 2017. № 5. pp. 174-177.

6. Sysoeva O.I., Sysoev M.A. Professional self-determination of generation Z in early youth // Modern scientific research and innovation. 2017. № 11 [Electronic resource]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/11/84725> (date of reference: 06/04/2022).

7. Churilo N.V. Subjective well-being of boys and girls in the context of the implementation of an individual life strategy // Psychological Journal (RB). 2009. № 2. pp. 63-70.

Демидова Любовь Николаевна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), студент факультета «Экстремальная психология»
e-mail: lubasha8109@mail.ru

Demidova Lyubov Nikolaevna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), student of the faculty of «Extreme Psychology»

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

FEATURES OF ADAPTATION OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN TO THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Аннотация. Статья представляет собой обзор результатов эмпирического исследования особенностей адаптации младших школьников в возрасте 7-8 лет к образовательной среде. Показано, что адаптированным к образовательной среде детям свойственны спокойный ровный эмоциональный фон, без внешних признаков поведенческих нарушений и склонности к проявлению признаков тревожности. Отмечается снижение эмоционально-

положительного отношения к школе. Маркерами нарушения адаптации являются признаки повышенного уровня тревожности, низкий уровень учебной мотивации, поведенческие нарушения, непринятие школьных норм и правил, сниженный эмоциональный фон настроения, непродуктивные способы взаимодействия с окружающими. Ресурс для коррекционно-психологической работы создает эмоционально-положительное отношение к школе.

Ключевые слова: младший школьник, адаптация к школе, психологические особенности, нарушение адаптации.

Abstract. The article is a review of the results of an empirical study of the peculiarities of adaptation of younger schoolchildren aged 7-8 years to the educational environment. It is shown that children adapted to the educational environment are characterized by a calm, even emotional background, without external signs of behavioral disorders and a tendency to show signs of anxiety. There is a decrease in the emotionally positive attitude towards school. Markers of adaptation disorders are signs of an increased level of anxiety, a low level of educational motivation, behavioral disorders, non-acceptance of school norms and rules, a reduced emotional mood background, unproductive ways of interacting with others. A resource for correctional and psychological work creates an emotionally positive attitude to school.

Keywords: junior student, adaptation to school, psychological characteristics, adaptation disorder.

Современное общество характеризуется ускорением темпов социального развития, что требует от человека способности быстро и адекватно адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям среды. Школа является новым пространством для ребенка, которое предъявляет к нему требования, выходящие за рамки уже имеющегося у него опыта. Адаптация к школе, с одной стороны, обеспечивает интеграцию ребенка в школьную жизнь, принятие ее норм, а с другой – самореализацию учащегося в данном сообществе за счет изменения психологических структур [1, 2, 8].

В трудах отечественных психологов описаны конструктивные варианты нормального психического развития ребенка на разных возрастных этапах, обеспечивающие процесс его адаптации в социуме. При этом адаптация рассматривается как динамический процесс перестройки функциональных систем организма, в котором на передний план выходит активность личности, носящая преобразующе-деятельностный характер [6, 7, 8, 11]. В психолого-педагогических исследованиях, посвященных младшему школьному возрасту, акцент делается на вопросах адаптации ребенка к школе, ее показателях и результатах [3, 5, 9 и др.]. Кроме того, исследуются сложности педагогического процесса для младших школьников и выявляются структуры дезадаптации, ее типичные проявления в различные периоды школьного онтогенеза [2, 4, 10, 12].

Анализ публикаций свидетельствует, что исследователи обычно выделяют следующие компоненты адаптации детей младших классов: психофизиологическая, организационная, учебно-мотивационная, психологическая, социальная [3, 10 и др.]. При этом подчеркивается, что представители младшего школьного возраста сензитивны к воздействию окружающей среды. В норме у ребенка формируются познавательные мотивы учения, рефлексия и волевые качества, происходит принятие новой позиции «школьника», раскрываются индивидуальные особенности и способности, развиваются продуктивные приемы и навыки учебной работы, происходит становление адекватной самооценки, он

способен к усвоению культурных и социальных норм, устанавливает прочные взаимоотношения со сверстниками, принимает социального взрослого – учителя, эмоционально-положительно относится к школе и учебной деятельности [5, 6, 7, 11]. Таким образом, физиологически и психологически младший школьный возраст предполагает полную готовность к смене ведущей деятельности и социальной ситуации развития. Однако сбой любой из систем онтогенетического развития ребенка при несвоевременной или непродуктивной психолого-педагогической помощи может повлечь за собой нарушение адаптации. Маркерами этого процесса являются эмоциональное неблагополучие, тревожность, поведенческие нарушения, неуспешность в учебной деятельности, сниженный уровень мотивации, нервные или соматические заболевания. Поэтому исследование адаптации является важным моментом в выявлении и предотвращении эмоциональных нарушений и поведенческих проблем [8, 10, 13].

Цель нашего научного исследования состояла в определении особенностей адаптации младших школьников к образовательной среде. Был применен ряд психодиагностических методик: Методика изучения социально-психологической адаптации к школе Э.М. Александровской (метод экспертной оценки); Тест школьной тревожности Филлипса; Анкета для определения школьной мотивации Н.Г. Лускановой; Проективный тест личностных отношений, социальных эмоций и ценностных ориентаций «Домики» О.А. Ореховой.

Обработка результатов эмпирического исследования осуществлялась с помощью программ IBM SPSS Statistics v. 21 и Microsoft Excel. Для проверки статистических различий был использован непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

Выборка исследования: учащиеся 1-х классов в количестве 45 человек, 21 девочка и 24 мальчика, в возрасте 7-8 лет (средний возраст 7,7). Исследование проходило в конце учебного года.

На основании метода экспертной оценки, были выделены 3 группы учащихся в зависимости от уровня адаптации: учащиеся с высоким уровнем адаптации – 53 % (24 чел.), учащиеся со средним уровнем адаптации – 20 % (9 чел.), учащиеся с низким уровнем адаптации – 27 % (12 чел.). Для дальнейшего изучения, были взяты две полярные группы первоклассников – дети с высоким и низким уровнем адаптации. Сопоставление значений параметров по данным группам позволило определить значимость показателей, способствующих и препятствующих адаптации.

На основании анализа внешних поведенческих проявлений у первоклассников с низким уровнем адаптации (табл. 1) отмечается снижение эмоционального благополучия и учебной деятельности, трудности усвоения школьных норм, успешности социальных контактов. Статистическая значимость различий подтверждается по всем изученным параметрам.

Признаки тревожности больше проявляются у первоклассников с низким уровнем адаптации (табл. 2). Повышенный уровень у этих детей отмечается по параметрам: общая тревожность в школе, страх самовыражения и проверки знаний, страх не соответствовать ожиданиям окружающих, низкая физиологическая сопротивляемость стрессу. Статистическая значимость достоверности

различий отмечается по критерию «переживание социального стресса». Значимость статистических различий по критериям «общая тревожность» и «низкая сопротивляемость стрессу» находятся на уровне тенденции.

Таблица 1 – Результаты сравнительного анализа показателей адаптации первоклассников к школе с высоким и низким уровнем адаптации по U-критерию Манна-Уитни (выражено в средних значениях тенденции)

Показатель	Высокий уровень адаптации (M-среднее значение)	Низкий уровень адаптации (M-среднее значение)	Уровень статистической значимости
учебная активность	4,4	1,7	0,004
усвоение знаний	3,6	2,5	0,028
поведение на уроке	4,5	1,2	0,004
поведение на перемене	4,5	2,2	0,016
взаимоотношения с одноклассниками	4,6	2,0	0,004
отношение к учителю	4,1	2,5	0,028
эмоциональное благополучие	3,6	1,5	0,008

В ходе исследования установлено, что все дети имеют эмоционально-положительное отношение к школе. Однако в зоне негативных предпочтений у детей обеих групп (больше даже у адаптированных первоклассников) находятся предметные области – русский язык и математика. Дети с низким уровнем адаптации больше предпочитают игровую деятельность, а адаптированные учащиеся больше нацелены на выполнение домашнего задания. При этом дети с нарушением адаптации имеют более высокий уровень самопринятия и эмоционального предпочтения образовательной среды, чем адаптированные первоклассники. Возможно, со стороны последних, это объясняется большими энерготратами, напряжением, повышенным уровнем притязаний. Проверка статистической значимости различий не показала достоверных результатов.

Таблица 2 – Результаты сравнительного анализа показателей тревожности первоклассников к школе с высоким и низким уровнем адаптации по U-критерию Манна-Уитни (выражено в средних значениях тенденции)

Показатель	Высокий уровень адаптации (M-среднее значение)	Низкий уровень адаптации (M-среднее значение)	Уровень статистической значимости
переживание социального стресса	25,9	45,2	0,048
общая тревожность к школе	33,4	56,5	0,109
низкая сопротивляемость стрессу	25,0	50,0	0,109

В результате эмпирического исследования было выявлено, что адаптированным к образовательной среде детям свойственен спокойный ровный эмоциональный фон, без внешних поведенческих нарушений и склонности к проявлению признаков тревожности. Эти дети активны, владеют продуктивными способами взаимоотношений с одноклассниками и учителями, успешно справляются с учебной деятельностью, имеют познавательные мотивы. Однако у

адаптированных первоклассников наблюдается снижение эмоционально-положительного отношения к школе. Можно предположить, что учащиеся с высоким уровнем адаптации не склонны к внешнему проявлению негативных эмоций, они более сдержаны, стараются не нарушать принятые правила и нормы, реализуют адаптивные паттерны поведения. Их самопринятие зависит от внешних оценок и эффективности учебной деятельности. Вместе с тем, все это может создавать внутреннее напряжение, стресс при неудачах.

У детей с нарушениями адаптации наблюдаются признаки повышенного уровня тревожности, отсутствие или эпизодичность познавательных интересов, низкий уровень учебной мотивации, поведенческие нарушения, непринятие школьных норм и правил, сниженный эмоциональный фон настроения, непродуктивные способы взаимодействия с окружающими. Вместе с тем, у них отмечается эмоционально-положительное отношение к школе, им нравится учебная деятельность, одноклассники, учителя. Данный показатель создает ресурс для коррекционно-психологической работы с данной группой учащихся, является потенциалом для их успешной адаптации к образовательной среде.

Список литературы:

1. Абдулгалимов Р.М., Абдулгалимова Г.Н., Алибекова З.Н. и др. Современные психолого-педагогические исследования – результаты, проблемы, прогнозы: Коллективная монография Кафедры Юнеско «Психология и педагогика высшего образования» МИГУП. Москва, 2017. С. 136-145.
2. Александровская Э.М. Социально-психологические критерии адаптации к школе. М.: Медицина, 2007. 235 с.
3. Безруких М.М. Трудности обучения в начальной школе: Причины, диагностика, комплексная помощь. М.: Эксмо, 2009. 464 с.
4. Беличева С.А. Диагностика школьной дезадаптации. М.: Сфера, 2015. 360 с.
5. Битянова М.Р. Адаптация ребёнка в школе: диагностика, коррекция, педагогическая поддержка. М.: Образовательный центр «Педагогический поиск», 2007. 112 с.
6. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
7. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. М.: Издательство Юрайт, 2019. 160 с.
8. Дубровина И.В. Психологическое благополучие школьника в системе современного образования. Учебное пособие. М.: Нестор-История, 2016. 180 с.
9. Лусканова Н.Г. Методы исследования детей с трудностями в обучении. М.: Фоллиум, 2013. 64 с.
10. Литвиненко Н.В. Адаптация школьников в критические периоды развития к образовательной среде: дис...д-ра. псих. наук. Самара: Оренбургский государственный педагогический университет. 2009. 425 с.
11. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития, детство, отрочество. Учебник для студентов психолого-педагогических факультетов вузов. М.: Академия, 2004. 456 с.
12. Овчарова Р.В. Практическая психология в начальной школе. М.: Сфера, 2004. 240 с.
13. Розенова М.И. Неосознаваемые установки отношения родителей к детям: монография. Омск: Изд-во ФГБОУ ВПО ОмГАУ им. П.А. Столышина, 2011. 160 с.

References:

1. Abdulgalimov R.M., Abdulgalimova G.N., Alibekova Z.N., etc. Modern psychological and pedagogical research – results, problems, forecasts: A collective monograph of the UNESCO Chair «Psychology and Pedagogy of Higher Education» MIGUP. Moscow, 2017. pp. 136-145.

2. Alexandrovskaya E.M. Socio-psychological criteria of adaptation to school. M.: Medicine, 2007. 235 p.
3. Bezrukikh M.M. Learning difficulties in primary school: Causes, diagnosis, comprehensive care. M.: Eksmo, 2009. 464 p.
4. Belicheva S.A. Diagnostics of school maladaptation. M.: Sphere, 2015. 360 p.
5. Bityanova M.R. Adaptation of a child at school: diagnostics, correction, pedagogical support. M.: Educational center «Pedagogical search», 2007. 112 p.
6. Bozhovich L.I. Personality and its formation in childhood. St. Petersburg: Peter, 2008. 400 p.
7. Vygotsky L.S. Questions of child psychology. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 160 p.
8. Dubrovina I.V. Psychological well-being of a student in the system of modern education. Textbook. M.: Nestor-History, 2016. 180 p.
9. Luskanova N.G. Methods of research of children with learning difficulties. M.: Folium, 2013. 64 p.
10. Litvinenko N.V. Adaptation of schoolchildren in critical periods of development to the educational environment: dis...dr. psycho. sciences'. Samara: Orenburg State Pedagogical University. 2009. 425 p.
11. Mukhina V.S. Age psychology. Phenomenology of development, childhood, adolescence. Textbook for students of psychological and pedagogical faculties of universities. M.: Academy, 2004. 456 p.
12. Ovcharova R.V. Practical psychology in primary school. M.: Sphere, 2004. 240 p.
13. Rozenova M.I. Unconscious attitudes of parents to children: monograph. Omsk: Publishing House of P.A. Stolysheyn OmGAU, 2011. 160 p.

Качанкина Люмила Викторовна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»
e-mail: ludmila-287@yandex.ru

Kachalkina Lyudmila Viktorovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

**НУЖЕН ЛИ ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ
СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ?**

**IS THERE A NEED FOR A GENDER-BASED APPROACH TO THE PSYCHOLOGICAL
PREVENTION OF SUICIDAL BEHAVIOR IN ADOLESCENTS?**

Аннотация. В статье ставится проблема гендерных различий подросткового суицидального поведения. Приводятся результаты эмпирического исследования по выявлению гендерных различий суицидальных проявлений у юношей и девушек подросткового возраста. Сделаны выводы, что превентивные мероприятия по снижению суицидального риска будут более эффективными при учёте различий в суицидальных проявлениях у девушек и юношей.

Ключевые слова: подростки, суицидальное поведение, суицидальные риски, противосуицидальная мотивация, гендерные различия, гендерный подход.

Abstract. This article raises the problem of gender differences in adolescent suicidal behavior. The results of an empirical study on the identification of gender differences in suicidal manifestations in adolescent boys and girls are presented. It is concluded that preventive measures to reduce

suicidal risk will be more effective when taking into account the differences in suicidal manifestations in girls and boys.

Keywords: adolescents, suicidal behavior, suicidal risks, antisuicidal motivation, gender differences, gender approach.

Несмотря на наметившиеся тенденции к снижению самоубийств, уровень их как в мире, так и в России до сих пор остается достаточно высоким. Особую тревогу вызывает уровень смертности от суицида в подростковой и молодежной среде [1, 6 и др.]. На сегодняшний день разработан ряд теорий, концепций, подходов к изучению проблемы самоубийства.

Анализ публикаций свидетельствует, что еще в XXI веке Эмиль Дюркгейм отмечал количественные различия в суицидальном поведении между мужчинами и женщинами европейских стран. Он писал, что на одну женщину, которая лишает себя жизни, приходится примерно четыре мужчины [2]. В дальнейшем были разработаны теории, объясняющие разницу суицидального поведения у лиц мужского и женского пола: теория летальности, теория статистического шума, психопатологическая теория, теория социализации [3].

Отечественные исследователи полагают, что соотношения между мужчинами и женщинами в совершении попытки суицида варьируются от 1:10 до 1:0,67, в зависимости от региона России. В то время, как соотношение между истинными суицидами находится в пределах 4:1 [5]. В 1998 году в суицидологию вошло такое понятие, как «гендерный парадокс», согласно которого у женщин прослеживается высокий уровень суицидальной активности, а смертность от суицидов в разы меньше, чем у мужчин [4].

В последние годы выражен определенный интерес к рассмотрению данной темы в научных исследованиях. Но, как показывает анализ публикаций, зачастую узкий спектр применяемых методик, недостаточные по объему выборки, а также нечеткий дизайн исследований приводят к противоречивым результатам. Как отмечают Ю.В. Попов и А.А. Пичиков, научные работы о гендерных различиях суицидальных проявлений в настоящий момент не имеют систематичности и не раскрывают эту проблему в полном объеме [3]. В связи с этим возникает необходимость продолжить исследования по выявлению гендерных различий суицидального поведения у подростков и лиц молодого возраста. Результаты исследований можно будет использовать для разработки гендерного подхода в профилактике суицидальных проявлений, что сделает превентивные мероприятия целевыми и более эффективными.

Нами было проведено эмпирическое исследование с целью определения различий между суицидальными намерениями и рисками, а также особенностями противосуицидальной мотивации у подростков мужского и женского пола. В исследовании участвовали 48 старшеклассников одной из школ Юго-Восточного округа г. Москвы (15 юношей и 33 девушки, средний возраст составил 16,3 года).

Для исследования были использованы следующие методики: «Опросник суицидального риска» (модификация Т.Н. Разуваевой), тест «Противосуици-

дальняя мотивация» (Ю.Р. Вагин), методика «Психодиагностика суицидальных намерений» у детей (ПСН «В»; В. Войцех, А.А. Кучер, В.П. Костюкевич).

Анализ результатов эмпирического исследования (табл. 1) показывает, что уровень практически всех показателей суицидального риска был выше у девушек по сравнению с юношами.

Таблица 1 – Средние значения показателей суицидального риска в сравнении по гендерному признаку

Показатели	Девушки	Юноши	max значение	p
Демонстративность	1,5	0,5	6.0	0,068
Аффективность	4,1	1,5	6.6	0,003
Уникальность	1,5	0,5	6.0	0,089
Несостоятельность	4,0	2,1	7.5	0,089
Социальный пессимизм	3,1	2,0	6.0	0,180
Слом культурных барьеров	2,7	2,3	6.9	0,583
Максимализм	2,6	2,6	6.4	1,000
Временная перспектива	1,4	1,3	6.6	0,913
Антисуицидальный фактор	4,7	5,8	6.4	0,440

Самый высокий уровень статистической достоверности различий ($p=0,01$) был получен по показателю «Аффективность», то есть девушки по сравнению с юношами более склонны к аффективным реакциям, у них доминируют эмоции над интеллектуальным контролем в оценке ситуации, они проявляют большую готовность реагировать именно эмоционально при возникновении психотравмирующей ситуации. Следует отметить, что у девушек также более, чем у юношей, проявляются такие риск-факторы суицидального поведения, как демонстративность, уверенность в своей уникальности и несостоятельность.

Таблица 2 – Средние значения показателей противосуицидальных мотивационных комплексов в сравнении по гендерному признаку

Показатели	Девушки	Юноши	P
Провитальная	8,1	5,8	0,05
Религиозная	6,4	3,8	0,05
Этическая	11,2	10,2	0,91
Моральная	7,4	9,4	0,74
Эстетическая	7,5	8,2	0,66
Нарциссическая	12,9	13,2	0,58
Когнитивной надежды	12,6	11,4	0,50
Временной инфляции	12,4	12,0	0,58
Финальной неопределенности	7,7	7,2	0,82

Большинство показателей противосуицидальных мотивационных комплексов (табл. 2) и у девушек, и у юношей находится на среднем уровне и выше среднего (при максимальном значении показателей 15 баллов). Это говорит о том, что у подростков есть мотивационный ресурс для преодоления суицидальных проявлений при возникновении психотравмирующих ситуаций.

Гендерные различия в антисуицидальной мотивации проявляются только на уровне статистических тенденций в отношении большей религиозной и провитальной антисуицидальной мотивации девушек.

Средние значения показателей суицидальных намерений в сравнении по гендерному признаку представлены в Таблице 3. Из нее видно, что девушки-подростки почти в 6 раз чаще юношей-подростков испытывают недоверчивость, пессимизм, мнительность, тревожность. Чувство обиды и жалости к себе юноши вообще не проявляют, тогда как у девушек показатель на среднем уровне. Смена настроения у подростков женского пола происходит в 2 раза чаще, чем у подростков мужского пола, а чувство вины за происходящее - почти в 3 раза чаще. Отвечая на вопросы экзистенциального характера, девушки гораздо чаще не осуждали суицидентов и оправдывали за их выбор, а также соглашались с тем, что жизнь в какой-то момент может потерять смысл и ценность.

Таблица 3 – Средние значения показателей суицидальных намерений в сравнении по гендерному признаку

Показатели	Девушки	Юноши	P
Недоверчивость, пессимизм, мнительность, беспокойство, тревожность	1,18	0,20	0,140
Чувство обиды, жалости к себе	0,73	0,001	0,051
Конфликты с одноклассниками	0,64	0,60	0,913
Конфликты с родителями	1,00	0,80	0,661
Частая смена настроения	0,82	0,40	0,221
Чувство вины за происходящее	1,18	0,40	0,089
В некоторых ситуациях жизнь может потерять ценность для человека	1,09	0,60	0,319
Можно оправдать людей, выбравших добровольную смерть	1,36	1,00	0,377
Я не осуждаю людей, которые совершают попытки уйти из жизни	1,36	0,80	0,221

Проверка статистических гипотез показала наличие различий по трем мотивационным факторам: девушки чаще, чем юноши испытывают обиду и жалость к себе ($p=0,05$), а также склонны переживать чувство вины по поводу происходящего, более недоверчивы, тревожны и мнительны, чем юноши, что проявляется на уровне статистических тенденций.

Выводы исследования. Было установлено, что существуют гендерные различия суицидальных рисков и намерений у старшеклассников. С учетом полученных данных к разработке профилактических программ по предотвращению суицидальных рисков среди подростков необходимо подходить дифференцированно, то есть учитывать специфику риск-факторов у подростков-юношей и подростков-девушек, что позволит сделать превентивные мероприятия более эффективными. Кроме того, саму диагностическую процедуру желательно проводить с учетом возрастных и гендерных особенностей: юноши-подростки, находясь в окружении ровесников, относятся к исследованию несерьёзно, демонстративно-небрежно, что порой не дает возможности выявить ис-

тинную картину. По нашим наблюдениям юноши ведут себя более ответственно и искренне, участвуя в диагностике лишь в индивидуальном порядке.

Список литературы:

1. Екимова В.И., Вецель А.Н., Розенова М.И. Влияние детско-родительских отношений на социометрический статус старшеклассников в группе сверстников // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18. № 1. С. 113-123.
2. Орлова Н.А. Гендерные аспекты самоубийств // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 35-37.
3. Попов Ю.В., Пичиков А.А. Суицидальное поведение у подростков // Монография. СПб.: СпецЛит, 2017. 366 с.
4. Розанов В.А. К вопросу о гендерном парадоксе в суицидологии – современный контекст // Суицидология. 2021. Т. 12. № 1 (42). С. 80-108.
5. Уманский М.С., Зотова Е.П. Суицидальные попытки: соотношение мужчин и женщин // Девиантология. 2018. № 2 (1). С. 30-35.
6. World Health Organization. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240026643>. Дата обращения – 11.11.2022.

References:

1. Ekimova V.I., Vetsel A.N., Rozanova M.I. The influence of child-parent relations on the sociometric status of high school students in a peer group // Cultural and historical psychology. 2022. Vol. 18. № 1. pp. 113-123.
2. Orlova N.A. Gender aspects of suicide // Theory and practice of social development. 2015. № 20. pp. 35-37.
3. Popov Yu.V., Pischikov A.A. Suicidal behavior in adolescents // Monograph. SPb.: SpetsLit, 2017. 366 p.
4. Rozanov V.A. On the issue of the gender paradox in suicidology – a modern context // Suicidology. 2021. Vol. 12. № 1 (42). pp. 80-108.
5. Umansky M.S., Zotova E.P. Suicidal attempts: the ratio of men and women // Deviantology. 2018. № 2 (1). pp. 30-35.
6. World Health Organization. 2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240026643>. Date of application – 11.11.2022.

Кожина Татьяна Дмитриевна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»
e-mail: kozhinova_tatyana@mail.ru

Kozhinova Tatiana Dmitrievna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАНИЯ У ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

PECULIARITIES OF COPING STRATEGIES ADOLESCENTS WITH DEVIANT BEHAVIOR

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого являлось выявить особенности стратегий совладающего поведения подростков со склонностью к различным формам девиантного поведения. В работе выявлен репертуар используемых копинг-стратегий подростков, оценена их адаптивность. Установлены достовер-

ные различия в копинг-стратегиях подростков с маловыраженной и выраженной склонностью к девиантному поведению.

Ключевые слова: подростковый возраст, девиантное поведение, копинг-стратегии, совладающее поведение.

Abstract. The article presents the results of an empirical study, the purpose of which was to identify the characteristics of the coping behavior strategies of adolescents with a tendency to various forms of deviant behavior. The work reveals the repertoire of coping strategies used by adolescents, their adaptability is assessed. Significant differences in the coping strategies of adolescents with mild and severe propensity to deviant behavior were established.

Keywords: adolescence, deviant behavior, coping strategies, coping behavior.

Проблема девиантного поведения подростков всегда являлась одной из ключевых в исследованиях ученых. Подростки сталкиваются с проблемами в силу особенностей онтогенетического развития, характеризующегося преодолением критического периода, резкими физиологическими изменениями, что делает их в данный возрастной период наиболее уязвимыми к различного рода девиациям в поведении [5]. Согласно Е.В. Змановской, девиантное поведение – это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией [1].

Стратегии совладающего поведения – это особый вид поведения человека, позволяющее субъекту справиться со стрессом или трудной жизненной ситуацией с помощью осознанных действий и направлено на активное взаимодействие с ситуацией – ее изменение (когда она поддается контролю) или приспособление к ней (в случае, когда ситуация не поддается контролю) [6]. И.В. Михайлычева выявила взаимосвязь копинг-стратегий и поведения человека – использование адаптивных копингов ведет к социально-адаптивному поведению. Но если у человека недостаточно ресурсов для использования адаптивного копинга, то это ведет к дезадаптивному совладающему поведению, что, в свою очередь, является причиной возникновения девиантного поведения [4].

В нашем исследовании будем опираться на классификацию девиантного поведения, включающую в себя: социально желаемое, делинквентное, аддиктивное, агрессивное, суицидальное [3].

Исследовательская работа была проведена на базе Государственного бюджетного образовательного учреждения города Москвы «Школа № 1788». Выборка составила 40 учащихся 7-9 классов в возрасте от 13 до 15 лет (средний возраст = 14,25).

Целью исследования явилось изучение особенностей стратегий совладающего поведения подростков с девиантным поведением. Объект – стратегии совладания как психологический феномен. Предмет – стратегии совладания у подростков с девиантным поведением.

Гипотеза исследования состояла в предположении, что подростки со склонностью к различным формам девиантного поведения используют неадаптивные стратегии совладания (бегство-избегание, дистанцирование, копинг на избегание, эмоционально-ориентированный копинг).

В исследовании были использованы следующие методики: Опросник диагностики склонности к девиантному поведению Э.В. Леус для; Методика диагностики способов совладающего поведения Р.С. Лазаруса (в адаптации Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтяк); Методика диагностики копинг-поведения в стрессовых ситуациях» (CISS С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер; в адаптации Т.А. Крюковой) [2].

Выборка была разделена на две группы в соответствии с выраженностью склонности к девиантному поведению. В первую группу (группа А) вошли подростки с маловыраженной склонностью к девиантному поведению (с ситуативной предрасположенностью к социально обусловленному поведению), во вторую группу (группа Б) были отнесены подростки с выраженной склонностью к девиантному поведению (с ситуативной предрасположенностью к двум и более формам девиантного поведения, а также со сформированной моделью девиантного поведения). Количество подростков в группе А составило 21 человек (53 %), в группе Б 19 человек (47 %).

Проведено сравнение данных о склонности подростков из контрастных групп к девиантному поведению, полученных по методике Э.В. Леус (рис. 1).

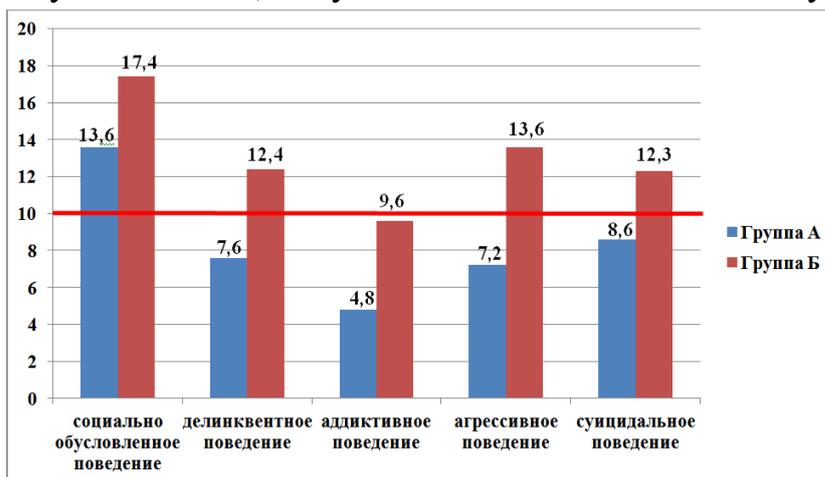

Рисунок 1 – Показатели выраженности форм девиантного поведения в сравнении по двум группам

Проведена проверка статистической достоверности различий показателей форм девиантного поведения между группами А и Б по методу U-критерия Манна-Уитни. В результате обнаружены достоверные различия ($p \leq 0,05$) по показателям социально обусловленного и агрессивного поведения, а также различия на уровне статистической тенденции по показателям делинквентного ($p=0,07$) и аддиктивного поведения ($p=0,1$) у подростков с выраженной склонностью к девиантному поведению (группа Б). По показателю суицидального поведения достоверных различий не выявлено.

В целом данные свидетельствуют (рис. 1), что подростки с выраженной склонностью к девиантному поведению намного слабее подвержены социально обусловленному поведению, что указывает на риск правонарушений в будущем. Также эти подростки агрессивнее подростков с маловыраженной склонностью к девиантному поведению. Возможно, они используют агрессивное пове-

дение как форму реагирования на неблагоприятные жизненные ситуации или как способ достижения каких-то целей.

Установлено, что у подростков обеих групп еще не сформирован репертуар адаптивных копинг-стратегий (рис. 2). Проверка статистической достоверности различий показателей копинг-стратегий между контрастными группами по методу U-критерия Манна-Уитни показала, что достоверных различий в использовании копингов у подростков с маловыраженным и выраженным девиантным поведением не выявлено. Это говорит о том, что у респондентов еще не сформирован репертуар используемых копинг-стратегий, но их совладающее поведение характеризуется полярностью.

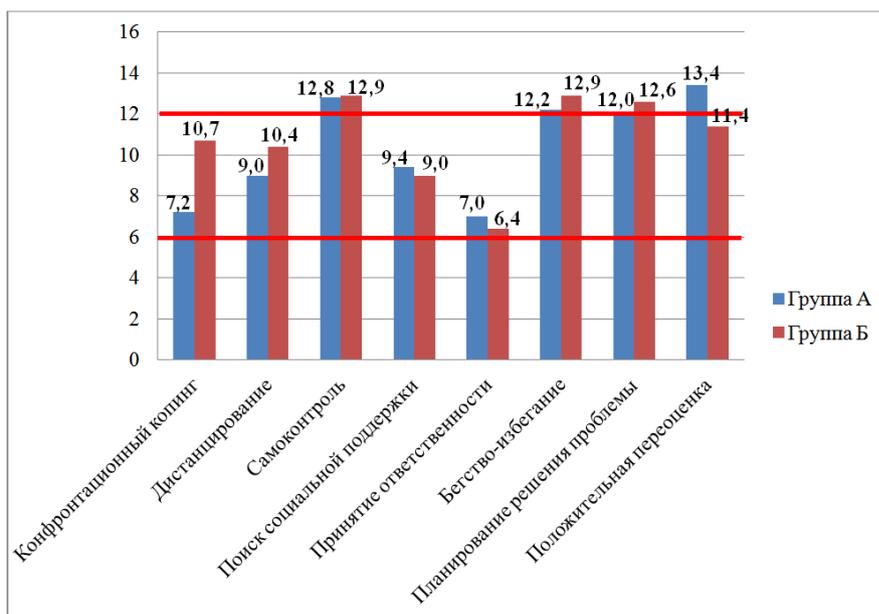

Рисунок 2 – Показатели адаптивности копинг-стратегий в сравнении по двум группам

Анализировались показатели копинг-поведения в стрессовых ситуациях в сравнении по двум группам (с маловыраженным и выраженным девиантным поведением, рис. 3).

В обеих группах подростков больше ориентация на использование копинга на решение задачи (рис. 3). Далее идет копинг на избегание. Эмоционально-ориентированный копинг используется подростками реже остальных. Результаты сравнительного анализа показателей копинг-поведения в стрессовых ситуациях между двумя группами по U-критерию Манна-Уитни показали достоверные различия ($p \leq 0,05$) по показателю субшкалы «Социальное отвлечение», относящемуся к избеганию. Подростки с маловыраженной склонностью к девиантному поведению намного чаще делятся своими переживаниями с близкими людьми, обращаются за помощью к окружающим, в отличие от подростков с выраженной склонностью к девиантному поведению.

Для проверки достоверности взаимосвязей между переменными в двух группах был проведен корреляционный анализ Спирмена. Ниже представим данные по подросткам с выраженной склонностью к девиантному поведению, указав статистически достоверные ($p \leq 0,05$) корреляционные связи (табл. 1).

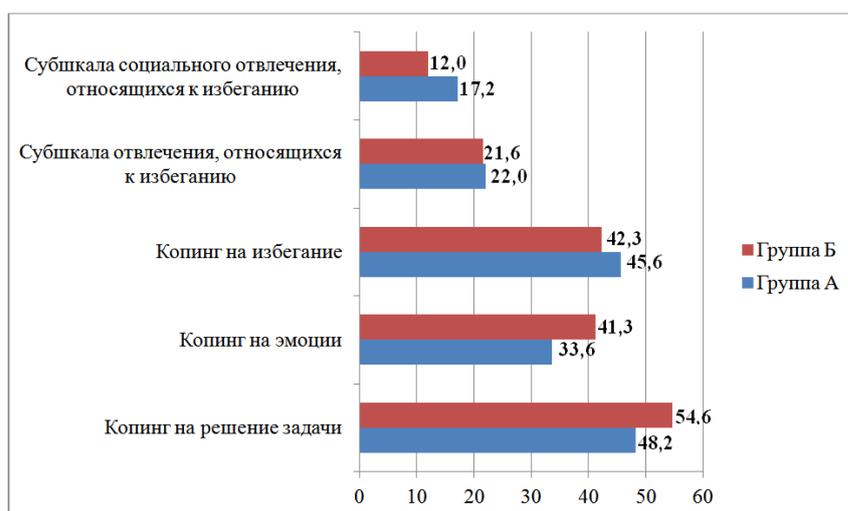

Рисунок 3 – Показатели копинг-поведения в стрессовых ситуациях в сравнении по двум группам

Показатель социально обусловленного поведения коррелирует с конфронтационным и эмоционально-ориентированным копингом (табл. 1). Представляется, что подростковая реакция группирования приводит к образованию спонтанных групп, в которых складывается свой деструктивный стиль поведения.

Таблица 1 – Статистически достоверные ($p \leq 0,05$) прямые корреляционные связи в группе Б у подростков с выраженной склонностью к девиантному поведению

Показатель 1	Показатель 2	r	p
Социально обусловленное поведение	Конфронтационный копинг	0,80	0,031
Социально обусловленное поведение	Эмоционально-ориентированный копинг	0,83	0,020

В целом, проведенное исследование свидетельствует, что у подростков обеих групп еще не сформирован репертуар адаптивных копинг-стратегий. Подростки в группе Б (с выраженной склонностью к девиантному поведению) склонны использовать и относительно адаптивный конфронтационный и неадаптивный эмоционально-ориентированный копинги. В психологической работе с подростками необходимо выявлять их отношения в классном коллективе, а также имеющиеся разногласия между подростками и взрослыми, которые импульсивно проявляются вовне. Ведь когда подросткам не получается разрешить возникшую проблему, то из-за социальной незрелости личности демонстрируются такие реакции, как внешняя и внутренняя агрессия, фиксация на неудаче, раздражение и др.

Список литературы:

1. Змановская Е.В. Психология девиантного поведения: структурно-динамический подход: автореф. дис. ... канд. псих. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. 31 с.
2. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. 112 с.

3. Леус Э.В., Соловьев А.Г., Сидоров П.И. Диагностика девиантного поведения несовершеннолетних // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2012. № 9. С. 12-22.

4. Михайлычева И.В. Копинг-поведение младших подростков с различными рисками девиантного поведения: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Кострома: Гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2008. 19 с.

5. Розенова М.И., Екимова В.И., Огнев А.С., Лихачева Э.В. Страх как кризис психического здоровья в условиях глобальных рисков и перемен // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 17-26.

6. С овладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 474 с.

References:

1. Zmanovskaya E.V. Psychology of deviant behavior: a structural and dynamic approach: abstract. dis. ... cand. psycho. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 31 p.

2. Kryukova T.L. Psychology of coping behavior. Kostroma: Publishing House of the N.A. Nekrasov KSU, 2004. 112 p.

3. Leus E.V., Soloviev A.G., Sidorov P.I. Diagnostics of deviant behavior of minors // Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University, 2012. № 9. pp. 12-22.

4. Mikhailycheva I.V. Coping-behavior of younger adolescents with various risks of deviant behavior: abstract. dis. ... cand. psycho. sciences'. Kostroma: State University named after N.A. Nekrasov, 2008. 19 p.

5. Rozenova M.I., Ekimova V.I., Ognev A.S., Likhacheva E.V. Fear as a mental health crisis in conditions of global risks and changes // Modern foreign psychology. 2021. Vol. 10. № 1. pp. 17-26.

6. Coping behavior: Current state and prospects / Edited by A.L. Zhuravlev, T.L. Kryukova, E.A. Sergienko. M.: Publishing house «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences», 2008. 474 p.

Кузьмина Татьяна Ивановна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), доцент кафедры специальной психологии и реабилитологии, член правления АНО ЦППГ «Ветер», кандидат психологических наук
e-mail: ta-1@list.ru

Kuzmina Tatiana Ivanovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), associate professor of the department of special psychology and rehabilitation, member of the board of ANO TSPPG «Wind», Ph.D

Матковская Екатерина Николаевна,

Межрегиональная общественная организация поддержки и содействия ветеранам специальных отрядов быстрого реагирования и других специальных подразделений (г. Липецк, Россия), советник председателя
e-mail: kusraevae@mail.ru

Matkovskaya Ekaterina Nikolaevna,

Interregional public organization for support and assistance to veterans of special rapid response units and other special units (Lipetsk, Russia), adviser to the chairman

К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ ЦЕНТРОВ ЭКСТРЕМАЛЬНО-КРИЗИСНОЙ ПОДГОТОВКИ И РЕАБИЛИТАЦИИ

ON THE ISSUE OF CREATING CENTERS FOR EXTREME CRISIS TRAINING AND REHABILITATION

Аннотация. В статье обосновывается необходимость и целесообразность создания центров экстремально-кризисной подготовки и реабилитации на территории субъектов Российской Федерации с учетом складывающейся военно-политической обстановки. Описывается специфика направлений подготовки и деятельности, реализуемой в рамках центра, его структура и штатное расписание. Материал направлен на совершенствование работы с персоналом в экстремальных условиях.

Ключевые слова: специальная военная операция, экстремально-кризисная подготовка, реабилитация, сотрудники силовых структур, военнослужащие, участники боевых действий, добровольцы.

Abstract. The article substantiates the necessity and expediency of creating centers of extreme crisis training and rehabilitation on the territory of the subjects of the Russian Federation, taking into account the current military-political situation. The specifics of the areas of training and activities implemented within the center, its structure and staffing are described. The material is aimed at improving work with personnel in extreme conditions.

Keywords: special military operation, extreme crisis training, rehabilitation, law enforcement officers, military personnel, combatants, volunteers.

На сегодняшний день на территориях Республики Крым, Краснодарского края, Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской, Ростовской областей и г. Севастополя, а также в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Центрального федерального округа и Южного федерального округа, в которых в соответствии с Указом Президента РФ от 19.10.2022 № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756», введен режим (средний уровень реагирования и уровень повышенной готовности соответственно), в рамках которого высшие должностные лица (органы исполнительной власти) указанных субъектов Российской Федерации осуществляют полномочия по проведению мобилизационных мероприятий в сфере экономики, в органах исполнительной власти этих субъектов РФ и органов местного самоуправления отдельных мероприятий по территориальной и гражданской обороне, защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также полномочия по реализации мер для удовлетворения потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и нужд населения.

На территориях Курской и Белгородской областей создаются Центры подготовки и управления народным ополчением. Автономная некоммерческая организация центр правовой поддержки граждан «Ветер» и «Межрегиональная общественная организация поддержки и содействия ветеранам специальных отрядов быстрого реагирования и других специальных подразделений» разработали проект и выступили с инициативой создания региональных «Центров экстремально-кризисной подготовки и реабилитации» (далее – Центр). Данный проект представлен и обсужден 3 ноября 2022 года в Общественной палате

Российской Федерации в рамках итогового форума «Сообщество» на заседании Круглого стола на тему «Переобучение и адаптация лиц, уволенных из Вооруженных сил и других силовых структур. Медико-психологическая адаптация военнослужащих, принимавших участие в СВО».

Необходимость и целесообразность оперативного создания таких Центров определена следующими причинами:

1. Проблема организации психологической подготовки и реабилитации участников СВО до сих пор остается не решенной. Несмотря на значимые наработки в данном направлении [2, 3, 6 и др.], методические основы психологической подготовки сформированы не в полной мере.

2. Подготовка и первичная психологическая и социальная реабилитация должны осуществляться на базе одной организации, что позволит оценивать эффективность проведенных подготовительных мероприятий, вносить коррективы в программы подготовки с учетом выявленных недочетов, получая честную и открытую обратную связь от бойцов, повысить уровень ответственности специалистов, разрабатывающих и осуществляющих программы подготовки [1, 5 и др.].

3. Актуальной остается проблема нарастания социальной напряженности и панических настроений в обществе, а также повышения индивидуального уровня тревожности среди гражданского населения, неспособности противостоять негативному информационному воздействию и стрессу в связи со стремительными изменениями ситуации на фронте и коренным изменением жизненного уклада [4, 6 и др.].

4. Свободный доступ к подготовке и реабилитации должен быть у любого, кто вернулся или только собирается отправиться на фронт: у кадрового сотрудника или мобилизованного, у добровольца, а также у членов их семей. Определенный уровень подготовки и психологической помощи в необходимом и достаточном объеме должны иметь возможность получить и гражданские лица, интересующиеся данной проблематикой или имеющие психологические проблемы в связи с изменением жизненного уклада при введении режимов разного уровня готовности на территориях их проживания и неопределенностью хода дальнейшего развития событий.

4. Уходя воевать, боец должен чувствовать, что прикрыт стратегически, оперативно-тактически, материально-технически, психологически, юридически и по-человечески, независимо от того, находится он на фронте по приказу или по личным основаниям. Бойцы, защищающие интересы и территориальную целостность нашей страны ценой своей жизни и здоровья, должны чувствовать, что помощь и поддержка им и их семьям оказывается в полной мере. Возвращаясь, боец не должен ходить по инстанциям в зачастую бесплодных попытках получить положенное, а должен иметь возможность прийти в одну организацию, которая поможет решить имеющиеся проблемы, в том числе социальные и психологические.

По сути, такой Центр – это организация «первой линии», в которую может обратиться любой человек с запросом, касающимся экстремально-кризисной подготовки или реабилитации. Центр должен стать таким местом, в

котором будут материально-технические и кадровые ресурсы для оказания помощи гражданам, мобилизованным, добровольцам, военнослужащим, сотрудникам силовых структур, участникам, ветеранам и инвалидам боевых действий, членам их семей и членам семей погибших (умерших) ветеранов боевых действий.

Отдельные элементы подготовки и реабилитации участников боевых действий плодотворно реализовывались на базе АНО ЦППГ «Ветер» в соответствии с его уставом, начиная с 2013 года. Результатом обобщенного опыта данной деятельности стали книги и учебные пособия по стрелковой, тактической и психологической подготовке: «Стреляй», «Тактика», «Сбор», «Живой» и другие, снискавшие массу положительных отзывов от профессионалов.

Организация помощи в Центре строится на следующих принципах: 1) принцип единства подготовки и реабилитации; 2) принцип организации учреждения «первой линии» до и после убытия в зону боевых действий; 3) принцип разработки индивидуального реабилитационного маршрута; 4) принцип организации Центра как площадки профессиональной реализации ветеранов.

Проект Центра предполагает внутреннее разделение на два отделения:

1. Отделение подготовки, включающее программы для граждан и программы для мобилизованных, добровольцев, военнослужащих, сотрудников силовых структур с учетом специфики работы. В данном отделении предусмотрено наличие администраторов программ подготовки, а также специалистов по психологической подготовке, юрисконсультов и специалистов постоянно действующих семинаров, которые включают проведение занятий по тактической медицине, огневой подготовке, тактике ведения боя, топографии, инженерной подготовке, радиосвязи, БПЛА, корректировке, организации службы и быта, учитывая специфику и особенности современной гибридной войны. Также предусмотрена разработка индивидуальной программы подготовки (например, по запросу подразделения).

2. Отделение реабилитации, предусматривает программы для участников, ветеранов и инвалидов боевых действий и программы для членов их семей и членов семей погибших (умерших) ветеранов боевых действий. Предусмотрено наличие администраторов программы, а также психологов и личных кураторов. В части психологической помощи – предусмотрены индивидуальное и групповое консультирование и психотерапия. Основной задачей реабилитационных мероприятий является возвращение бойца в строй или полноценная адаптация в гражданской жизни.

Отличительной особенностью Центра является наличие у каждого пришедшего на реабилитацию личного куратора, главная задача которого социальное сопровождение участника боевых действий, информирование о льготах и юридических основах статуса участника боевых действий, составление индивидуального реабилитационного маршрута в зависимости от уже имеющихся запросов и обнаружившихся в последствии проблем, поиск необходимых специалистов, запись на консультации, поиск вакансий, взаимодействие с органами государственной власти и социальными институтами для обеспечения ока-

зания услуг в данных органах и институтах вне очереди, и во избежание отписок и хождения по инстанциям. Особое внимание в реабилитационном контексте будет уделяться реабилитации бойцов, получивших инвалидность и вернувшихся из плена, реабилитации членов семей погибших бойцов.

Предусмотрен колл центр, телефон доверия, работа с обращениями граждан. В процессе от подготовки до реабилитации возможна при необходимости организация психологического сопровождения служебной деятельности.

Центр рассматривается разработчиками как площадка профессиональной реализации бойцов в мирной жизни, ведь при желании и прохождении специальной подготовки ветераны, а также бойцы, получившие инвалидность, могут быть трудоустроены в такие центры в качестве инструкторов, личных кураторов, юристов, психологов, специалистов колл центра и т.д. В конечном счете совместные усилия психологов, органов государственной власти и управления, добровольческих организаций будут способствовать созданию дополнительных психологических условий социальной реабилитации участников боевых действий.

Список литературы:

1. Васюк А.Г. Комплексные подходы к социальной реабилитации участников боевых действий и их семей // Человек. Наука. Социум. 2021. № 3 (7). С. 21-37.

2. Кузьмина Т.И. Прикладные аспекты использования психологических знаний участниками боевых действий // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2016. № 6. С. 217-226.

3. Кузьмина Т.И. Специально-психологические знания в профессиональной подготовке военнослужащих и сотрудников силовых структур // Мир образования – образование в мире. 2016. № 3 (63). С. 163-169.

4. Кулешов Р.В. Теоретико-методологические вопросы управления оперативно-боевым подразделением // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 2. С. 106-116.

5. Петрова В.Н., Пузин С.Н., Ильяхин Р.Г. Анализ потребности в профессиональной реабилитации участников боевых действий // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. 2021. № 2. С. 44-49.

6. Марьин М.И., Поздняков В.М. и др. Психологическое обеспечение специального первоначального обучения: учебно-методическое пособие. Уфа: Учебный центр МВД Республики Башкортостан, 2005. 142 с.

References:

1. Vasyuk A.G. Integrated approaches to the social rehabilitation of combatants and their families // Human. The science. Socium. 2021. № 3 (7). pp. 21-37.

2. Kuzmina T.I. Applied aspects of the use of psychological knowledge by participants in hostilities // Personality in extreme conditions and crisis situations of life. 2016. № 6. pp. 217-226.

3. Kuzmina T.I. Special psychological knowledge in the professional training of military personnel and employees of law enforcement agencies // The world of education – education in the world. 2016. № 3 (63). pp. 163-169.

4. Kuleshov R.V. Theoretical and methodological issues of operational combat unit management // Legal science and law enforcement practice. 2013. № 2. pp. 106-116.

5. Petrova V.N., Puzin S.N., Ilyukhin R.G. Analysis of the need for professional rehabilitation of combatants // Bulletin of the All-Russian Society of Specialists in medical and social expertise, rehabilitation and rehabilitation industry. 2021. № 2. pp. 44-49.

6. Maryin M.I., Pozdnyakov V.M. et al. Psychological support of special initial training: an educational and methodical manual. Ufa: Training Center of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan, 2005. 142 p.

Пронякина Анастасия Александровна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»

e-mail: pronyakina_anastasia@mail.ru

Pronyakina Anastasia Aleksandrovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

ВЛИЯНИЕ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ ДОШКОЛЬНИКА

THE INFLUENCE OF CHILD-PARENT RELATIONS ON THE EMOTIONAL AND PERSONAL DEVELOPMENT OF THE PRESCHOOLER

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, целью которого являлось изучить взаимосвязь между типом родительского отношения и эмоционально-личностным развитием дошкольника. В результате исследования 22 детей дошкольного возраста и 22 матерей, в семьях были выявлены преобладающие типы родительского отношения и достоверные различия аффективной сферы личности дошкольников. Была установлена связь между проявлением потребностей, конфликтов и установок личности детей и типом родительского отношения.

Ключевые слова: семейные отношения, эмоционально-личностное развитие дошкольника, стиль воспитания.

Abstract. The article presents the results of an empirical study, the purpose of which was to study the relationship between the type of parental attitude and the emotional and personal development of a preschooler. As a result of a study of 22 preschool children and 22 mothers, the prevailing types of parental attitude and significant differences in the affective sphere of the personality of preschoolers were revealed in families. A link was established between the manifestation of the needs, conflicts and attitudes of the personality of children and the type of parental attitude.

Keywords: family relations, emotional and personal development of a preschooler, parenting style.

Актуальность проблемы влияния семейных отношений на эмоционально-личностное развитие детей дошкольного возраста связана с тем, что часто родители не осознают свою значимость в этом процессе. Отношение родителя к своему ребенку может меняться в зависимости от семейных проблем, загруженности взрослых, стрессовых ситуаций, воспитательных традиций, отсутствия знаний о личностном развитии детей, умения принимать своего ребенка и прочее [1]. В таком случае отношение взрослых могут привести к деформации личности дошкольника и нарушению его развития.

Семья является важнейшей составляющей в жизни человека. Любые моменты, которые происходят в семье, делают людей счастливыми или наоборот, какие-то сложности или конфликты доставляют проблемы и огорчения. Отно-

шения между родителем и ребенком (детско-родительские) являются основными в формировании личностного, эмоционального и психологического здоровья детей дошкольного возраста [4].

Для полноценного детского развития ребенку важно, чтобы родители принимали и любили его таким, какой он есть, поддерживали и заботились о нем. Психологи отмечают, что дефицит родительской любви затрудняет детскую адаптацию, интеллектуальный потенциал, психическое и физическое здоровье, развитие социальной компетентности, взаимодействия с окружающими [3]. Существует большое количество причин, по которым у родителей не получается выстраивать здоровые взаимоотношения со своими детьми, причем одними из ключевых являются: собственный детский травматический опыт, конфликтные взаимоотношения между супругами, хаотичный выбор стилей воспитания или их отсутствие, материальное неблагополучие и прочее [2]. Таким образом, от того, какие в семье складываются взаимоотношения между родителями и дошкольником, от стиля воспитания, от психологической обстановки внутри семьи, зависит, каким вырастет ребенок – открытым и доброжелательным, или тревожным и агрессивным [5].

Цель исследования – изучить взаимосвязь между типом родительского отношения и эмоционально-личностным развитием дошкольника.

В качестве методов исследования были использованы разные методики: Тест-опросник родительского отношения (А.Я. Варга, В.В. Столин); Детский апперцептивный тест (САТ); Проективная методика исследования личности «Дом-Дерево-Человек». Обработка результатов эмпирического исследования осуществлялась с помощью программы Microsoft Excel и качественного анализа. Для проверки статистических гипотез был использован критерий φ^* -угловое преобразование Фишера.

В исследовании участвовало 44 человека: 22 ребенка дошкольного возраста (средний возраст 5 лет) и их родители (22 матери, средний возраст 34 года).

Результаты исследования. На первом этапе исследования были выявлены преобладающие типы родительского отношения в семьях дошкольников. В исследовании приняли участия 22 матери, которые заполняли «Тест-опросник родительского отношения». По результатам выборка была распределена на две группы преобладающих типов родительского отношения: сотрудничающий (8 человек, 36 %) и нарушенный (14 человек, 64 %).

Для оценки проявлений потребностей, конфликтов и установок личности у детей была проведена Проективная методика «Детский апперцептивный тест» (САТ). У детей из семей с сотрудничающим типом родительского отношения отмечается благоприятная обстановка в семье, т.к. выстроены доверительные и искренние детско-родительские отношения (табл. 1). В таких семьях отсутствует конфликтность, но отмечается незначительная сиблинговая ревность. В семьях с нарушенным типом выражена конфликтность между родителями, в некоторых случаях неблагоприятные отношения с отцом или матерью. Дошкольники при непослушании часто сталкиваются с родительскими наказаниями и строгостью. Важно отметить, что детским страхам больше подвержены респонденты нарушенного типа детско-родительских отношений.

Таблица 1 – Результаты диагностики детей по методике САТ

Тип детей	Соперничество между родителями; конфликтность между родителями	Отношения с отцом	Привязанность к матери; ревность	Умение справиться с агрессией (в т.ч. родительской)	Страхи	Наказания
Сотрудничающий тип	Соперничество 100%; отсутствие конфликтов 100%	Благополучные отношения 100%	Привязанность к матери 100%; сиблинговая ревность 25%; ревность к одному из родителей полностью отсутствует	100% детей умеют распознавать агрессию	Страхи отсутствуют у 25% детей; страхи одиночества и зомби присутствуют у 75% детей	100% отсутствуют наказания
Нарушенный тип	Соперничество 100%; конфликты между родителями 57%; отсутствие конфликтов 43%	Благополучные отношения 71%; неблагоприятные отношения 29%	Привязанность к матери 86%; сиблинговая ревность 14%; ревность к одному из родителей 29%	71% детей умеют распознавать агрессию	Страхи одиночества, темноты и зомби присутствуют у 86% детей	86% детей подвергаются наказаниям; 14% отсутствуют наказания

Для исследования аффективной сферы личности на детях была проведена проективная методика «Дом-Дерево-Человек» (табл. 2).

Таблица 2 – Результаты исследования аффективной сферы личности детей «сотрудничающего» и «нарушенного» типов родительского отношения

Симптомо-комплекс	Сотрудничающий тип	Нарушенный тип	Симптом	Φ критерий Фишера
Гармония с собой и окружающим миром	75%	85 %	дом пропорциональный; наличие окон и дверей; симметричное красивое дерево; большие окна	$\Phi_{эмп} = 0.434$
тревожность	25%	57%	стирание; рисование с сильным нажимом; большие глаза	$\Phi_{эмп} = 1.063$
незащищенность	75%	57%	маленький дом; линия земли	$\Phi_{эмп} = 1.608$
замкнутость	0 %	30%	тонкие линии рисунка; ветви, повернутые внутрь	$\Phi_{эмп} = 1.661м^*$
агрессивность	25%	57%	замок на двери; сильный нажим; мускулистые руки	$\Phi_{эмп} = 1.063$
враждебность	25%	43%	отсутствие окон; чрезмерно большой ствол; отсутствие рук; наличие решеток на окна	$\Phi_{эмп} = 0.608$

Проверка статистических гипотез на основании критерия χ^2 - углового преобразования Фишера (табл. 2) показала наличие достоверных различий между показателем «замкнутость» у детей с сотрудничающим и нарушенным типом родительского отношения ($\chi^2=1,661$, значимо на 5 % уровне). В семьях с нарушенным типом родительского отношения чаще воспитываются необщительные и закрытые в себе дети.

Итак, в результате эмпирического исследования была выявлена взаимосвязь между типом родительского отношения и эмоционально-личностным развитием дошкольника. В семьях с сотрудничающим типом отмечаются благоприятные детско-родительские взаимоотношения, которые выстраиваются на доверии и взаимопонимании. При урегулировании вопросов детского непослушания, родители вместо наказаний выбирают общение с ребенком, проявляя заботу и поддержку. Дошкольники воспитываются общительными и открытыми. В семьях с нарушенным типом родительского отношения дети постоянно становятся свидетелями конфликтных ситуаций между родителями, а в некоторых случаях отмечаются негативные взаимоотношения как с отцом, так и с матерью. Родители с нарушенным типом отношений часто наказывают своих детей, но дошкольники, в основном, научились справляться с агрессией, в том числе и родительской, хотя у многих присутствуют различные детские страхи, такие как одиночества, темноты и зомби.

Список литературы:

1. Богомягова О.Н. Семья как фактор риска в формировании отношений привязанности ребенка // Вестник Московской международной академии, 2021. С. 40-49.
2. Головей Л.А., Василенко В.Е., Савенышева С.С. Структура семьи и семейное воспитание как факторы развития личности дошкольника // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. С. 5-18.
3. Подольская Т.А., Гусова А.Д. Влияние семейных отношений на развитие личности ребенка // Балтийский гуманитарный журнал, 2016. С. 158-160.
4. Розенова М.И. Неосознаваемые установки отношения родителей к детям: монография. Омск: Изд-во ФГБОУ ВПО ОмГАУ им. П.А. Столышина, 2011. 160 с.
5. Фаустова И.В. Влияние нарушенных детско-родительских отношений на проявление эмоционального неблагополучия в дошкольном возрасте // Современные проблемы науки и образования. № 5. 2015. С. 51-52.

References:

1. Bogomyagkova O.N. Semen as a risk factor in the formation of attachment relations of the child // Vestnik Moskovskogo mezhdunarodnaya akademii, 2021. pp. 40-49.
2. Golovey L.A., Vasilenko V.E., Savenysheva S.S. Family structure and family education as factors of personality development of preschoolers // Social psychology and society. 2016. T. 7. pp. 5-18.
3. Podolskaya T.A., Gusova A.D. The Influence of Family Relations on the Development of the Child's Personality // Baltic Humanitarian Journal, 2016. pp. 158-160.
4. Rozenova M.I. Unconscious attitudes of parents' attitudes to children: monograph. Omsk: Izd-vo FGBOU VPO OmGAU im. P.A. Stolyshina, 2011. 160 p.
5. Faustova I.V. The influence of disturbed children's-parent relations on the manifestation of emotional distress in preschool age // Modern problems of science and education. № 5. 2015. pp. 51-52.

Розенова Марина Ивановна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, доктор психологических наук, профессор
e-mail: profi1234@yandex.ru

Rozenova Marina Ivanovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), Professor of the Department of scientific foundations of extreme psychology, Doctor of Psychological Sciences, Professor

Гукешокова Зарина Руслановна,

Центр психологического консультирования (г. Краснодар, Россия), психолог-консультант

Gukeshokova Zarina Ruslanovna,

Center for Psychological Counseling (Krasnodar, Russia), psychologist-consultant

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАХИ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

SOCIAL AND OCCUPATIONAL FEARS IN THE CONTEXT OF VOCATIONAL TRAINING

Аннотация. Феноменология страха рассмотрена в контексте проблематики профессионального развития, по отношению к периодам окончания профессионального обучения и начала трудовой деятельности. Разнообразие страхов, связанных с предметными действиями и социальными отношениями в профессии, которую осваивает субъект, рассматривается как ограничитель эффективности профессиональной адаптации и освоения профессии. Эмпирически выявлено наличие взаимосвязей профессиональных и социальных страхов с параметрами профессиональной идентичности и мотивационной готовности к деятельности у выпускников. Показано, что сформированная мотивационная готовность к деятельности способствует снижению проявлений деструктивных и дефицитарных страхов, оставляя в доминировании страхи конструктивного характера, способствующие лучшей ориентировке в реальности и адаптации к ней.

Ключевые слова: страхи профессиональные и социальные, профессиональное становление, мотивационная готовность, идентичность, субъект труда.

Abstract. The phenomenology of fear is considered in the context of the problems of professional development, in relation to the periods of completion of vocational training and the beginning of work. The variety of fears associated with objective actions and social relations in the profession that the subject is mastering is considered as a limiter of the effectiveness of professional adaptation and mastering the profession. The existence of interrelations of professional and social fears with the parameters of professional identity and motivational readiness for activity among graduates has been empirically revealed. It is shown that the formed motivational readiness for activity helps to reduce the manifestations of destructive and deficit fears, leaving fears of constructive quality in the dominance, contributing to a better orientation in reality and adaptation to it.

Keywords: professional and social fears, professional formation, motivational readiness, identity, subject of labor.

Профессионализм, профессиональная компетентность и профессиональная успешность – феномены, которые определяются совокупностью разнород-

ных факторов, важнейшими из которых выступают профессиональная подготовка, особенности личности и внутренний настрой-мотивация человека на осуществление профессиональной деятельности.

На этапе обучения и получения необходимых профессиональных знаний, умений и навыков субъект осваивает технологию и смыслы осуществления конкретного вида деятельности в мире профессий, но даже при самой совершенной системе подготовки, у человека остаются элементы сомнений и неуверенности, легко перерастающие до уровня страхов [12].

Изучение профессиональных страхов нельзя назвать избыточно изученной сферой [1, 2]: возможно, это связано с представлениями по типу «глаза боятся – руки делают», подразумевающими (в данном контексте), что по мере пребывания человека в деятельности (в частности, на конкретном рабочем месте) и постоянной неизбежной тренировки необходимых навыков, основная масса страхов уходит, а неуверенность сменяется ощущением компетентности. В основном, это справедливо и не противоречит ни элементарной логике, ни жизненному опыту, ни научным фактам, фиксированным в психологии труда, эргономике и социальной психологии. Однако для того, чтобы процесс перехода от страхов и неуверенности к ощущению своей полноценности в работе состоялся, требуется время (а в сложных видах деятельности – немалое время, иногда до нескольких лет). Проблема здесь обусловлена тем, что не каждый человек обладает достаточной мотивацией, выдержкой, волей, целеустремленностью и, даже, отвагой, чтобы «пережить» этот начальный период максимальной растерянности на этапе адаптации к профессии, к профессиональной деятельности и профессиональному месту (в том числе, к коллективу, типу отношений, специфике взаимодействия и личностям коллег). Не так уж редко случается, что столкновение с «профессиональной реальностью» («реалиями профессии») настолько кажутся человеку неприятными и критичными, что он осуществляет выбор «ухода из профессии» (или с конкретного рабочего места или организации). В этой связи, возникает несколько вопросов:

- что в большей мере обуславливает разнообразие и уровень выраженности страхов и неуверенности при «вхождении в профессию» - личностные особенности субъекта труда или уровень наличной подготовки (по типу «предупрежден, значит вооружен» (Карлос Кастанеда));

- какие страхи выражены и создают риски оставления профессии выпускниками (только что закончившими, или заканчивающими профессиональное обучение) и «новичками» (теми, кто недавно находится в профессии после обучения).

В сфере изучения страхов в особенных ситуациях и страхов, сопряженных с профессиональной деятельностью, известны работы Ю.В. Щербатых, М.В. Овсянниковой, В.П. Прядеина, А.Д. Чернавского, Д.Н. Барина, М.И. Розеновой, В.И. Екимовой, А.С. Огнева и др. [3, 4, 7, 9, 10, 11 и др.]. Особый интерес представляют страхи специалистов в сфере профессий экстремального типа, поскольку сам контекст деятельности задает столкновение с угрозами и неожиданностями [5, 6]. В литературе мы встречаем некоторое количество исследований на данную тему. Например, А.В. Коротков и

А.А. Гаянов, изучая курсантов и молодых сотрудников внутренних дел, выявили, что при первичном обращении к огнестрельному оружию, у них возникает стресс на фоне страха, связанного с осознанием своего небольшого опыта его использования вне стен учебного заведения. Полицейские не испытывают уверенности в своих силах и боятся последствий, к которым может привести использование оружия. Страх выражается в рассеянности, скованности, слабости в конечностях, чувстве потерянности, трудности фокусировки внимания [5].

Исследования И.И. Шафигуллиной [12], выполненные на выборке представителей профессий опасного профиля, куда вошли шахтеры, пилоты и моряки (как представители профессий, связанных с сильными эмоциональными переживаниями и значительными объективными рисками) показали наличие страхов (табл. 1).

Таблица 1 – Иерархия страхов у представителей профессий экстремального типа (эмпирический срез по И.И. Шафигуллиной)

Иерархический статус страхов	Профессиональные группы		
	Пилоты	Моряки	Шахтеры
1 место	Страх за здоровье и перед смертью	Потерпеть неудачу	Перед собственной гибелью
2 место	Страхи, связанные с карьерным ростом	Остаться без продовольствия	Страхи, связанные с сохранностью профессионального оборудования
3 место	Страхи ответственности за сохранность летательного аппарата	Одиночества и потери любви	Страхи утраты профессии, возможностей профессионального роста
4 место	Одиночества и потери уважения и любви	Перед гибелью	Страх голода
5 место	Потерпеть неудачу	Страхи понижения в должности; и связанные с сохранностью корабля	Страх потери любви и одиночества

В исследовании А.И. Курова [6], посвященном влиянию страха на результаты выполнения боевых приемов борьбы сотрудниками органов внутренних дел, в котором приняли участие служащие патрульной службы полиции, сотрудники следственного подразделения и группы охраны общественного порядка, наиболее контрастные результаты получились на гендерных подгруппах данной выборки (табл. 2).

Из Таблицы 2 видно, что выражена общая тенденция количественного доминирования страхов у женщин. В исследованиях по возрастной психологии этот факт практически всегда фиксируется: у девочек отмечается большее количество и большее разнообразие страхов, в сравнении с мальчиками [10].

Цель, организация и результаты исследования. Авторов настоящей статьи заинтересовало, имеет ли место взаимосвязь социальных и профессиональных страхов у выпускников с уровнем их мотивационной готовности и профессиональной идентичности. Исследование было проведено с участием выпускников-курсантов, заканчивающих один из университетов Министерства внут-

ренных дел Российской Федерации. В исследовании приняли участие 50 человек в возрасте от 21 до 24 лет (средний возраст 22,5 лет), среди которых было 22 девушки и 28 юношей.

Таблица 2 – Страхы мужчин и женщин проявленные во время тренировок с выполнением боевых приемов (по А.И. Курову)

Женщины	Мужчины
страх за оценку со стороны преподавателя	травмировать себя
страх травмировать себя	оказаться хуже сослуживцев более подготовленных
страх перед болью	потерпеть неудачу
страх испытать чувство стыда и унижения	испытать чувство стыда и унижения
страх не справиться с задачей по приобретению данных навыков	
страх получить низкую оценку от сослуживцев	
страх справиться хуже всех	

В качестве методического инструментария была применена «батарея» методик: Опросник экспресс-оценки психологической готовности военнослужащих к выполнению служебной деятельности А.Ю. Акимова; Методика изучения статусов профессиональной идентичности А.А. Азбель; Шкала страха «Я-структурного теста» Гюнтера Амона; Опросник иерархической структуры актуальных страхов личности (ИСАС) Ю. Щербатых и Е. Ивлевой; авторская разработка – Методика «Диагностика социальных и профессиональных страхов выпускников вуза» (М.И. Розенова, З.Р. Гукешокова).

Результаты исследования показывают, что у курсантов выпускного курса наиболее статически значимые связи наблюдаются между страхами и параметрами психологической готовности к профессиональной деятельности: чем выше уровень мотивационной и общей готовности к деятельности, и чем лучше сформирован показатель профессиональной идентичности, тем в меньшей степени выпускники нагружены профессиональными и социальными страхами (табл. 3).

Таблица 3 – Взаимосвязь параметров профессиональной готовности с видами и качеством страхов у курсантов-выпускников на финальном этапе обучения (n = 50)

Виды страхов и качества страха	Параметры психологической готовности к профессиональной деятельности		
	Мотивационная готовность к деятельности	Сформированность профессиональной идентичности	Уровень готовности к деятельности
Профессиональные страхи	r = -0,637	r = -0,289	r = -0,649
Социальные страхи	r = -0,836	r = -0,314	r = -0,810
Конструктивные страхи	r = 0,141	r = -0,173	r = 0,167;
Деструктивные страхи	r = -0,304	r = -0,132	r = -0,271
Дефицитарные страхи	r = -0,357	r = -0,229	r = -0,398

Примечание: выделены корреляции на уровне значимости $p \leq 0,05$.

Фиксирован и совершенно новый, причем не очевидный «навскидку» результат (табл. 3), полученный в данном исследовании: высокий уровень моти-

вационной и общей готовности к деятельности создает тенденцию нивелировки негативно-невротических (дефицитарных и деструктивных) страхов, которые искажают мышление и поведение человека. Дополнительно мы получили отрицательную корреляционную связь параметров готовности к деятельности и обобщенного показателя страхов личности ($r = -0,572$): личности, не отягощенной избыточными страхами: легче быть готовой к деятельности (но и наоборот, высокий уровень готовности к деятельности, способствует снижению страхов личности). Что из этих интерпретаций более справедливо и первично, покажут дальнейшие исследования.

Таким образом, на основе полученных результатов, мы можем констатировать:

1. Особенности проявления социальных и профессиональных страхов у курсантов-выпускников взаимосвязаны с уровнем их мотивационной и общей готовности к деятельности.

2. Уровень сформированности профессиональной идентичности может определять степень проявления социальных и профессиональных страхов у курсантов-выпускников.

3. Сфоормированная мотивационная готовность к деятельности снижает проявление деструктивных и дефицитарных страхов, но способствует «работе» конструктивных страхов.

В дальнейших исследованиях было бы интересно проверить в какой степени и каким образом социальные и профессиональные страхи интерферируют в деятельности молодых специалистов; какие ресурсы способствуют преодолению страхов-помех на этапе профессиональной адаптации.

Список литературы:

1. Акопян Л.С. Новый подход к классификации страхов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 4(6). С. 1472-1475.
2. Боброва Л.В. Способы преодоления страха в учебно-профессиональной деятельности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 1-2. С. 165-168.
3. Витковская М.И. Социальные страхи как предмет социологического исследования: автореферат дис. ... канд. социол. наук. М.: РУДН, 2006. 23 с.
4. Кузнецова Е.Н. Психологические особенности проявления страха у педагогов и врачей на уровне структур обыденного сознания: автореферат канд. дис. ... психол. наук. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. 22 с.
5. Кузьмина А.Н. Страхи в профессиональной деятельности сотрудника полиции // Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя: научно-практическое издание. Старотеряево: Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. С. 170-171.
6. Новохатский Д.А. Преодоление страха сотрудниками ОВД в профессиональной деятельности // Деятельность сотрудников органов внутренних дел при чрезвычайных обстоятельствах: материалы Межвузовской научно-практической конференции / под общ. ред. В.И. Косяченко. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2010. С. 178-181.
7. Овсянникова М.В., Якименко Т.В. Социальные страхи современной молодежи (на примере курсантов академии ФСИН России) // VI Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина: Сборник материалов. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний. 2020. С. 50-52.
8. Полякова Н.А. Страх и его преодоление сотрудниками патрульно-постовой службы полиции в условиях экстремальных ситуаций // Актуальные вопросы современной психоло-

гии, конфликтологии и управления: взгляд молодых исследователей: Сборник научных статей. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. С. 133-139.

9. Розенова М.И., Екимова В.И., Огнев А.С. и др. Страх, как кризис психического здоровья в условиях глобальных рисков и перемен // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 17-26. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100102>.

10. Розенова М.И., Екимова В.И., Кокурин А.В. и др. Стресс и страх в экстремальной ситуации // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 1. С. 94-102. DOI:10.17759/jmfp.2020090110.

11. Щербатых Ю.В., Ивлева Е.И. Психофизиологические и клинические аспекты страха, тревоги и фобий. Воронеж: Истоки, 1998. 281 с.

12. Шафигуллина И.И. Проявление эмоции страха и его влияние на профессиональное самоопределение // Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 1. С. 237-239.

References:

1. Akopyan L.S. A new approach to the classification of fears // Izvestiya Samaraskogo nauchnogo tsentr Rossiiskoi akademii nauki. 2009. Т. 11. № 4(6). S. 1472-1475.

2. Bobrova L.V. Ways to overcome fear in educational and professional activity // Actual problems of humanities and natural sciences. 2015. № 1-2. S. 165-168.

3. Vitkovskaya M.I. Social fears as a subject of sociological research: author's abstract dis. ... cand. sociol. Sciences. M.: RUDN, 2006. 23 s.

4. Kuznetsova E.N. Psychological features of the manifestation of fear in teachers and doctors at the level of structures of everyday consciousness: author's abstract cand. dis. ... psychol. Sciences. Stavropol': Izd-vo SGU, 2003. 22 s.

5. Kuzmina A.N. Fears in the professional activity of a police officer // Vestnik Moskovskogo oblastnogo branch moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotyа: nauchno-prakticheskoe izdanie. Staroteryayevo: Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot, 2016. pp. 170--171.

6. Novokhatsky D.A. Overcoming fear by OVD employees in professional activity // Activity of employees of internal affairs bodies under extraordinary circumstances: materials of the Mezhdvuzovskaya scientific-practical conference / under the general editorship of V.I. Kosyachenko. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. S. 178-181.

7. Ovsyannikova M.V., Yakimenko T.V. Social fears of modern youth (on the example of cadets of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia) // VI Pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S.I. Zlobin: Collection of materials. Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service. 2020. S. 50-52.

8. Polyakova N.A. Fear and its overcoming by the employees of the patrol and post service of the police in the conditions of extreme situations // Actual issues of modern psychology, conflictology and management: the view of young researchers: Collection of scientific articles. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2020. S. 133-139.

9. Rozenova M.I., Ekimova V.I., Ognev A.S. et al. Fear, as a crisis of mental health in the conditions of global risks and changes // Modern foreign psychology. 2021. Т. 10. № 1. S. 17-26. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100102>.

10. Rozenova M.I., Ekimova V.I., Kokurin A.V. et al. Stress and fear in the extreme situation // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2020. Т. 9. № 1. S. 94-102. DOI:10.17759/jmfp.2020090110.

11. Shcherbatykh Yu.V., Ivleva E.I. Psychophysiological and clinical aspects of fear, anxiety and phobias. Voronezh: Istoki, 1998. 281 s.

12. Shafigullina I.I. Manifestation of the emotions of fear and its influence on professional self-determination // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2013. № 1. pp. 237-239.

Рябова Анастасия Игоревна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), студент факультета «Экстремальная психология»
e-mail: anastasia0156@mail.ru

Ryabova Anastasiya Igorevna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), student of the faculty of «Extreme Psychology»

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА СЕМЬИ, В КОТОРОЙ ВОСПИТЫВАЕТСЯ РЕБЕНОК С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

FEATURES OF THE PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF THE FAMILY IN WHICH A CHILD WITH DISABILITIES IS BROUGHT UP

Аннотация. Статья направлена на изучение особенностей психологического портрета семьи, в которой воспитывается ребенок с ограниченными возможностями здоровья. Рассматриваются психологические типы родителей и родительские установки отцов и матерей. Материал носит практико-ориентированный характер.

Ключевые слова: психологический портрет семьи, ребенок с ограниченными возможностями здоровья, родительские установки, психологический тип родителей.

Abstract. The article is aimed at studying the features of the psychological portrait of the family in which a child with disabilities is brought up. Psychological types of parents and parental attitudes of fathers and mothers are considered. The material is practice-oriented.

Keywords: psychological portrait of a family, a child with disabilities, parental attitudes, psychological type of parents.

Рождение в семье запланированного ребенка сопровождается обычно радостными эмоциями со стороны родителей. Однако при рождении ребенка с ограниченными возможностями здоровья (далее - ОВЗ) радость сменяется на сильное эмоциональное потрясение, тревожность, чувство вины и другие негативные психологические эмоции. Рождение в семье ребенка с ОВЗ может привести и к структурно-деформирующим изменениям внутрисемейного климата. Исследования в этой области указывают на то, что у родителей, воспитывающих ребенка с ОВЗ, присутствуют нарушения в таких сферах, как: эмоциональная, коммуникативная, наблюдается повышенная конфликтность с окружающими людьми, сниженная самооценка и развиваются соматические нарушения [1].

Перечисленный комплекс нарушений, психологи определяют как родительский кризис. Степень его выраженности напрямую зависит от степени выраженности нарушений у новорожденного, т.к. это могут быть только физические или только ментальные нарушения, а в худшем случае, это сочетанный вариант. Также большую роль играет оказание родителям поддержки от родственников, профильных специалистов, социальных служб и др. С родителями, у которых родился особенный ребенок, происходят кардинальные изменения на

психологическом уровне, которые крайне тяжело преодолеть без специализированной психологической помощи [7]. В большинстве случаев родители пытаются находить в себе ресурсы, обращаются за помощью к психологу, проходят специальную психотерапию, после чего возвращаются к повседневной жизни и начинают заниматься развитием и воспитанием особенного ребенка.

Как показывают исследования в данной области [4, 5], пережитый ранее родителями стресс может возвращаться в виде различных переживаний, в худшем случае в виде нервных срывов, депрессии, что в свою очередь крайне негативно влияет на внутрисемейный климат, а также на общение с окружающими. В.В. Ткачева выделяет следующие психологические типы родителей [цит. по 3]:

Авторитарный тип родителей. Такой тип родителей предполагает проявления растущего стремления преодолевать возникающие проблемы, связанные с особенным ребенком. Таким родителям свойственно направлять все свои усилия на различные виды лечения ребенка, поиск лучших врачей, специалистов и медицинских организаций. Также такому типу родителей свойственна строгая форма взаимодействия с ребенком, к ребенку предъявляются завышенные требования, часто не соответствующие его психическим и физическим возможностям.

Невротический тип родителей. У данного типа родителей преобладают тревожно-мнительные и депрессивные проявления. Такие качества могут проявляться в стремлении постоянно избегать трудных жизненных ситуаций, отстраняться от решения проблем. Как правило, у такого типа родителей наблюдается чувство страха и опасения за развитие своего ребенка. Родители не могут осознать, что нарушения психики ребенка, которые при этом могут возникнуть, являются вторичными не по причине болезни, а по причине того, что родители недостаточно осведомлены об особенностях воспитания и развития такого ребенка [6]. Родители невротического типа постоянно отстраняют своего ребенка от любых возникающих перед ним трудностей, делают все за него: одевают-раздевают, кормят с ложки, не давая возможности ребенку проявить самостоятельность и научиться. Такие родители во всем идут на уступки своему ребенку. Такие взаимоотношения между родителями и ребенком носят симбиотический характер, что в дальнейшем значительно усугубляет развитие и самостоятельность ребенка [2].

Психосоматический тип родителей. Родители психосоматического типа могут обладать чертами, как и у родителей первой и второй раскрытых выше категорий, но они наиболее эмоционально изменчивы, чем родители других групп. Для них характерны частые перемены в настроении, проявления в той или иной степени деструктивных черт характера. В окружении других людей ведут себя замкнуто, стараются не показывать свои переживания, связанные с особенностями ребенка, держат в себе. Родители данного типа настолько стремятся помочь ребенку, что зачастую сами становятся специалистами, получают новую профессию, углубляются в темы особенностей заболевания и используют полученные навыки в воспитании и развитии ребенка, активно участвуют в деятельности образовательных учреждений и т.д.

Рассмотрим типы реакций, которые могут возникнуть в связи с рождением ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Психологи выделяют следующие реакции [1, 2, 6 и др.]:

Принятие. Родителями и членами семьи понимаются и принимаются особенности ребенка, грамотно оцениваются возможности ребенка, он воспринимается и к нему проявляется любовь и забота. Родители данного типа поддерживают ребенка на всех этапах становления личности, верят в возможности ребенка и его будущее. Поведение таких родителей обеспечивает наиболее эффективное социально-коммуникативное развитие ребенка.

Отрицание. Родители не в состоянии принять болезнь ребенка, долгое время отрицают нарушения физического или психического развития ребенка. Как правило, дефект ребенка сказывается на психологическом состоянии родителей, они заикливаются на успешности ребенка в какой-либо деятельности и всячески отвергают ограниченные возможности ребенка, в результате чего у ребенка возможны срывы и ухудшения в состоянии, а в дальнейшем и полный отказ от предлагаемой деятельности [6]. В связи с этим родители испытывают разочарование, а в худшем случае и полное отвержение ребенка по причине нереализованных амбиций родителей.

Чрезмерная опека. Родители и члены семьи испытывают сильное чувство жалости и сострадания к ребенку, они стараются его постоянно жалеть, защищают своего ребенка от возможных возникающих сложностей. Обычно именно мать ребенка, проявив к нему чувство сострадания, старается делать все для него. Ребенок может долгое время, а в редких случаях и всю жизнь находиться на инфантильном уровне развития, лишаясь возможности развиваться.

Скрытое отречение. Реакция родителей проявляется в убеждениях, что особенности ребенка являются позором для всей семьи. Они могут испытывать отвращение и отрицательный настрой в отношении своего ребенка. Однако психологами доказано, что подобное скрытое эмоциональное отвержение родителями, является холодностью к ребенку, что травмирует его и понижает его самооценку, и конечно нарушает развитие эмоциональной сферы как личности, так и в целом.

Отвержение. В данном случае ребенок с ограниченными возможностями здоровья принимается семьей с отвращением. Родители осознают свои враждебные чувства к ребенку. Ответственность за произошедшее и дальнейшее развитие и воспитание ребенка родители перекладывают на медицинских и педагогических специалистов, обвиняя их во всех несчастьях. Как правило, родители, испытывающие отвержение, оправдывают свое враждебное и агрессивное отношение к ребенку.

Вышеперечисленные типы родителей и их реакция на рождение особенного ребенка является одним из главных факторов для определения родительских взглядов и семьи в целом по отношению к своему ребенку. Воспитание и обучение ребенка с ограниченными возможностями здоровья – задача сложная для всех членов семьи, способная наложить отпечаток на все сферы ее функционирования. Реакция на рождение особенного ребенка, а затем стиль его воспитания более сложны по сравнению с нормотипичными детьми, вследствие чего

уровень родительского стресса оказывается довольно высоким [6]. Такого вида стресс может повлиять и на личностные особенности родителей: в большинстве случаев они становятся скрытными, избегают людных мест, т.к. стесняются своего ребенка, неохотно контактируют с окружающими. Семьи, воспитывающие ребенка с ОВЗ, склонны к повышенной раздражительности, чрезмерной заботе и опеке над ребенком, конфликтности, неустойчивой самооценки. Перечисленные характеристики вызваны трудностями воспитания особенного ребенка и повышенной нагрузкой, которая возлагается на родителей. Особенный ребенок всегда много требует от своей семьи, способен изменить самоидентичность семьи, снизить ее способность к зарабатыванию средств, сузить возможности досуга и социализации, повлиять на карьерные решения [8].

Таким образом, семьи, воспитывающие, ребенка с ОВЗ нуждаются в психологической помощи и дальнейшей поддержке. Психологическое сопровождение должно осуществляться в комплексе с другими видами помощи и желательно на базе одного центра. Первоочередной задачей психологов в работе с родителями, воспитывающими ребенка с ОВЗ, является в работе с родителями, воспитывающими ребенка с ОВЗ, является соучастие и оказание психологической поддержки, обучение толерантности и навыкам диалогической поддержки ребенка.

Список литературы:

1. Акатов Л.И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 368 с.
2. Бабкина Н.В. Саморегуляция в познавательной деятельности у детей с задержкой психического развития: учебное пособие. М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2016. 143 с.
3. Березин С.В., Евдокимова Ю.Б. Социальное сиротство: дети и родители: Материалы к курсу «Педагогическая психология». Самара: «Универс-групп», 2003.
4. Березина Т.Н. Формирование эмоциональной безопасности образовательной среды (психолого-педагогические аспекты) // Современное образование. 2015. № 1. С. 53-68.
5. Березина Т.Н., Литвинова А.В., Кошелева С.Н. Психолого-педагогическая безопасность виртуальных игр, рекомендуемых для младших школьников // Перспективы науки и образования. 2022. № 3 (57). С. 565-581.
6. Виноградова А.В. Повышение абилитационной компетентности родителей, воспитывающих детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья // Инновационные педагогические технологии: материал III Междунар. науч. конф. Казань, 2015. С. 177-179.
7. Волконская Т.Н. Возможны способы организации и содержание работы с родителями в условиях коррекционного дошкольного учреждения // Дефектология. 2014. № 7. С. 14-23.
8. Волкова А.Н., Нестерова Г.Ф. Психолого-социальная работа с инвалидами: абилитация при синдроме Дауна. СПб.: Речь, 2006. 117 с.

References:

1. Akatov L.I. Social rehabilitation of children with disabilities. Psychological foundations: Ucheb. manual for students. higher. studies. Institutions. M.: Gumanit. Ed. center VLADOS, 2003. 368 s.
2. Babkina N.V. Self-regulation in cognitive activity in children with mental retardation: a textbook. M.: Humanitarian izd. CENTER VLADOS, 2016. 143 s.

3. Berezin S.V., Evdokimova Yu.B. Social orphanhood: children and parents: Materials for the course "Pedagogical psychology". Samara: «Univers-grupp», 2003.
4. Berezina T.N. Formation of emotional safety of the educational environment (psychological-pedagogical aspects) // *Sovremennoe obrazovanie*. 2015. № 1. S. 53-68.
5. Berezina T.N., Litvinova A.V., Kosheleva S.N. Psychological and pedagogical safety of virtual games, recommended for younger schoolchildren // *Perspectives of science and education*. 2022. № 3 (57). pp. 565-581.
6. Vinogradova A.V. Enhancement of the abilitional competence of parents educating children of preschool age with disabilities // *Innovative pedagogical technologies: material III Mezhdunar. Scientific. Conf. Kazan'*, 2015. pp. 177-179.
7. Volkonskaya T.N. Possible ways of organizing and maintaining work with parents in the conditions of a correctional preschool institution // *Defectology*. 2014. № 7. S. 14-23.
8. Volkova A.N., Nesterova G.F. Psychological and social work with the disabled: habilitation in Down syndrome. SPb.: Rech', 2006. 117 s.

Семина Юлия Владимировна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»
e-mail: julietta2898@mail.ru

Semina Yuliya Vladimirovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

ВОЗРАСТНЫЕ И УЧЕБНЫЕ СТРАХИ МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

AGE AND EDUCATIONAL FEARS OF YOUNGER TEENS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Аннотация. Данная работа направлена на изучение особенностей проявления учебных страхов у младших подростков с точки зрения возрастного развития мальчиков и девочек, обучения в школе в обычное время и в период перехода на дистанционное обучение в связи с пандемией Covid19.

Ключевые слова: младший подростковый возраст, школьная тревожность, учебные страхи, гендерный тип личности, Covid-19, пандемия.

Abstract. This work is aimed at studying the peculiarities of the manifestation of educational fears in younger adolescents from the point of view of the age development of boys and girls, schooling in normal times and during the transition to distance learning in connection with the Covid19 pandemic.

Keywords: younger adolescence, school anxiety, school fears, gender personality type, Covid-19, pandemic.

В настоящее время общество живет в ситуации повышенной нестабильности во всех сферах жизнедеятельности человека. Появление нового вируса Covid-19 вывело из строя привычный уклад жизни людей и, помимо нанесенного ущерба экономике, культуре, социальной и образовательной сферам, сильно сказалось на психоэмоциональном состоянии взрослых и детей. Младшие подростки наиболее подвержены влиянию названных выше процессов, т.к. их лич-

ностное, нравственное и духовное становление происходит в условиях быстрых экономических, политических, идеологических, социальных и иных изменений. Поэтому изучение возрастных и учебных страхов в этот период является одной из важнейших задач на данном этапе.

Страх является неотъемлемым эмоциональным проявлением нашей психики и детские страхи не исключение. Многие зарубежные и отечественные ученые (С. Кьеркегор, З. Фрейд, К. Изард, Г. Крайг, Я. Френкель, Г. Бреслав, А.М. Прихожан, А.И. Захаров, Ю.В. Щербатых, Е.П. Ильин, О.М. Конькова, М.И. Розенова и др.) исследовали феномен страха, описывали различные подходы к пониманию страхов, их видов и форм проявления у людей на разных возрастных этапах, в разных обстоятельствах жизни [7, 8 и др.]. Страхи детей, также как и взрослых, являются эмоциональной реакцией на объект или явление, которые, в представлении ребенка, имеют реальную или вымышленную угрозу, опасность для их жизни и благополучия, переживается детьми как дискомфортное состояние, вызывающее испуг, ужас, желание спрятаться или убежать [2, 4]. Как показывают исследования, содержание страхов отличается у мальчиков и девочек младшего подросткового возраста, и, чем старше они становятся, тем значительнее становится эта разница [5].

В сфере изучения эмоциональных переживаний школьников, исследуются такие явления, как «школьная фобия», «школьная тревожность» и «учебные» страхи. В своих работах А.И. Захаров и Е.П. Ильин описывают термин «школьная фобия» как проявление навязчивого страха у некоторых обучающихся перед посещением школы. Такие ученики испытывают серьезные сложности адаптации, боятся не оправдать ожиданий своих родителей и имеют большое количество учебных страхов [3].

Учебные страхи рассматриваются нами с точки зрения непосредственно самой учебной деятельности на разных ступенях обучения в школе. Сюда можно отнести: страх проверки знаний, неправильного персонального выполнения задания, полученного от учителя, страх получить плохую оценку, не усвоить или не понять учебный материал, страх ошибки, ответа у доски, страх новых учителей и предметов и т.д.

Из-за особого психоэмоционального состояния младших подростков, учебные страхи могут оказывать негативное влияние как на соматическое и психологическое здоровье учеников, так и на познавательное развитие, обучение в школе, взаимоотношения и коммуникацию со сверстниками, учителями и родителями. Чрезмерное проявление учебных страхов и школьной тревожности может привести к школьной дезадаптации и дезорганизации учебной деятельности в целом [6].

В период изоляции и перехода на дистанционное обучение, связанного с пандемией Covid-19, вся образовательная ситуация изменилась, и актуализация учебных страхов зависела, в первую очередь, от характера адаптации учеников к новому виду обучения. М.С. Добрякова и О.В. Юрченко в своем исследовании раскрыли три группы трудностей, актуализирующие учебные страхи младших подростков во время адаптации к дистанционному обучению: организационные (сложности в приспособлении к новому формату уроков и взаимо-

действию с учителями), технические (сложности технической оснащенности учеников) и содержательные (сложности усвоения материала и обучения в целом) [1].

Целью нашего исследования являлось изучение особенностей учебных страхов детей младшего подросткового возраста, обучающихся в ситуации продолжающейся пандемии Covid-19, а также выявление гендерных различий в проявлении учебных страхов. Нами было выдвинуто предположение, что обучение младших подростков в период продолжающейся пандемии обнаруживает особую специфику проявления учебных страхов, а также существует связь между гендерным типом личности младших подростков (маскулинный, фемининный, андрогинный) и уровнем выраженности школьной тревожности и учебных страхов.

В исследовании приняли участие 26 обучающихся 5-го класса (13 мальчиков и 13 девочек). В качестве психодиагностических средств использовались: «Тест школьной тревожности Филлипса», Методика «Полоролевой опросник» (С. Бем) и авторская методика «Проективный опрос обучающихся младшего подросткового возраста» (о страхах в жизни, в школе и обучения во время пандемии).

Результаты диагностики школьной тревожности и учебных страхов мальчиков и девочек младшего подросткового возраста показали (рис. 1), что наибольшее количество высоких показателей было получено по шкале «Страх самовыражения» (42 %) и «Страх не соответствовать ожиданиям окружающих» (50 %), что обусловлено активным развитием самопознания и самооценки у подростков данного возраста, а также их ориентацией на выстраивание отношений со сверстниками и на значимость мнения других в оценивании своих поступков, слов, результатов.

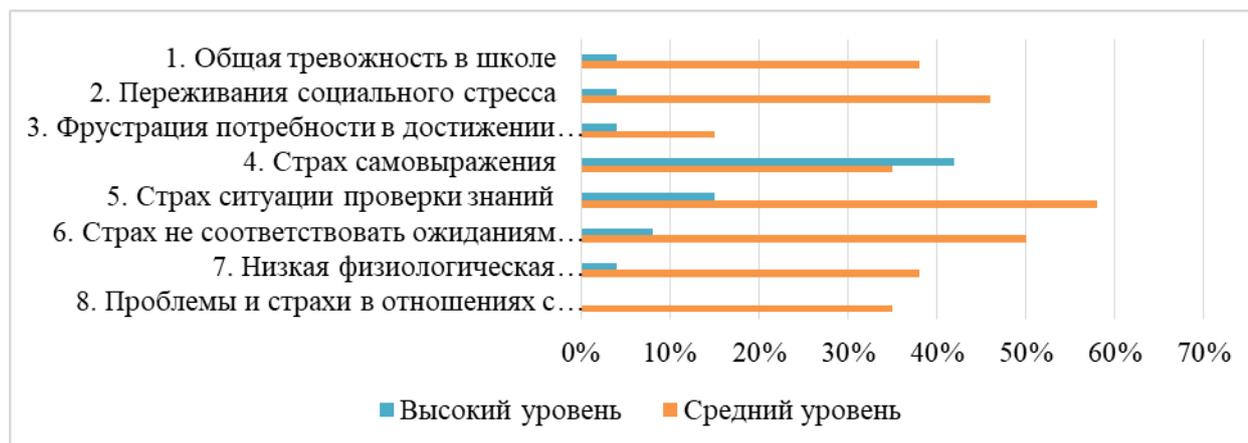

Рисунок 1 – Результаты исследования уровня школьной тревожности и учебных страхов обучающихся 5 класса по методике «Тест школьной тревожности Филлипса»

Анализ соотношения результатов у мальчиков и девочек показал (рис. 2), что мальчики больше испытывают школьные страхи, связанные с различными сторонами школьной жизни и взаимоотношениями со школьным социумом. У девочек же более выражены учебные страхи, связанные с выполнением прове-

рочных работ и, при этом, беспокойство, сопряженное с демонстрацией своих знаний и возможностей.

Рисунок 2 – Соотношение средних значений показателей школьных и учебных страхов у мальчиков и девочек младшего подросткового возраста

Для выявления уровня статистически значимых различий по полу между учебными страхами у мальчиков и девочек младшего подросткового возраста мы использовали U-критерий Манна-Уитни. Значимых различий выраженности учебных страхов у мальчиков и девочек по полу не обнаружено.

Диагностика преобладающего типа личности по гендерной составляющей (степени выраженности фемининности, маскулинности и андрогинности) у младших подростков позволила определить (рис. 3), что девочки чаще отмечали наличие у себя традиционно женских качеств, при этом, среди них часто выражена андрогинность. Среди мальчиков преобладает андрогинность (степень выраженности фемининности и маскулинности одинаков), что обусловлено активным формированием у обучающихся самосознания и самоопределения на данном возрастном этапе.

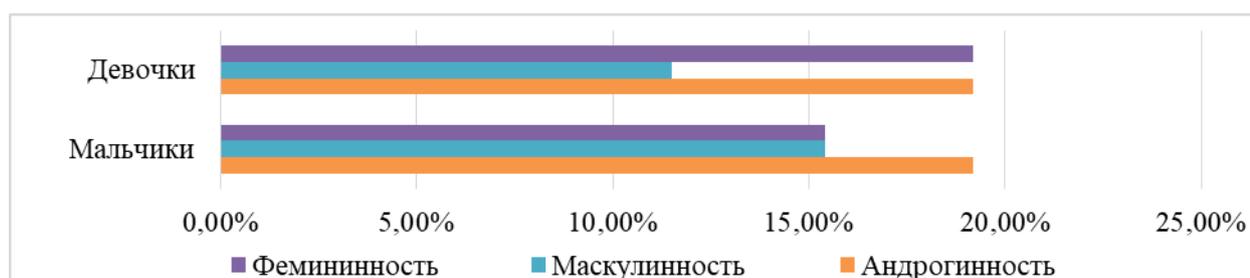

Рисунок 3 – Соотношение степени выраженности фемининности, маскулинности и андрогинности у мальчиков и девочек младшего подросткового возраста

По результатам проведения исследования по авторской методике «Проективный опрос обучающихся младшего подросткового возраста» были сделаны следующие выводы:

1) в период дистанционного обучения в пандемию и у мальчиков, и у девочек, актуализировались такие специфические учебные страхи, как «страх отвечать на камеру», «страх непонимания материала», «страх технического сбоя» и т.д.;

2) в период обычного обучения в школе ученики больше проявляют учебные страхи, связанные с публичным ответом или выполнением контрольных работ, а также школьные страхи, связанные с общением и взаимодействием с одноклассниками и учителями;

3) в жизни младших подростков больше пугают неконтролируемые глобальные процессы (такие, как война, болезнь), незнакомые люди (особенно большое скопление людей), что проявляется в большей степени у мальчиков. Девочки больше боятся за близких, а также насекомых.

Для нахождения зависимости между учебными страхами и типом личности (фемининный, маскулинный, андрогинный) мальчиков и девочек младшего подросткового возраста нами был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Определено, что «общая школьная тревожность» ($r=0.948$) и «низкая физиологическая сопротивляемость стрессу» ($r=0,675$) имеют достаточно сильную взаимосвязь с типом личности. «Переживания социального стресса» ($r=0.461$), «страх ситуации проверки знаний» ($r=0.547$), «страх не соответствовать ожиданиям окружающих» ($r=0.444$), а также «проблемы и страхи в отношениях с учителям» и ($r=0.594$) имеют слабую взаимосвязь с типом личности младших подростков. Чем больше присутствует маскулинных черт в характере и поведении учеников младшего подросткового возраста, тем больше они испытывают учебных страхов.

Таким образом, полученные в ходе всего исследования результаты позволяют сделать вывод о том, что наше предположение подтвердилось; существуют страхи, которые в процентном соотношении более часто встречаются у мальчиков, чем у девочек, и наоборот; уровень выраженности учебных страхов в младшем подростковом возрасте, главным образом, зависит не от пола обучающихся, а от типа личности (маскулинный, фемининный или андрогинный). Результаты актуализируют разработку программы профилактики школьной тревожности и учебных страхов учеников младшего подросткового возраста.

Список литературы:

1. Добрякова М.С., Юрченко О.В. Дистанционное обучение в школе: три уровня коммуникативных трудностей // Мониторинг экономики образования. 2021. № 14. С. 1-10.
2. Захаров А.И. Происхождение и психотерапия детских неврозов: Монография. СПб.: КАРО, 2016. 671 с.
3. Ильин Е.П. Психология страха. СПб.: Питер, 2017. 288 с.
4. Конькова О.М., Тишунин В.В. Детские страхи как фактор развития невротических и психосоматических заболеваний // Евразийский союз ученых. 2017. № 10-1(43). С. 31-35.
5. Макадей Л.И. Гендерные различия тревоги и страха у подростков // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 7. С. 152-157.
6. Окорочкова Н.В., Цветков И.В., Петровская М.В. и др. Изучение уровня тревожности школьников при переходе из начальной школы в среднюю // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2018. № 2 (44). С. 121-131.
7. Розенова М.И., Екимова В.И., Огнев А.С. и др. Страх как кризис психического здоровья в условиях глобальных рисков и перемен // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 17-26.
8. Розенова М.И., Екимова В.И., Кокурин А.В. и др. Стресс и страх в экстремальной ситуации // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 1. С. 94-102.

References:

1. Dobryakova M.S., Yurchenko O.V. Distance learning in school: three levels of communicative difficulties // Monitoring of the Economics of Education. 2021. № 14. pp. 1-10.
2. Zakharov A.I. Origin and psychotherapy of children's neuroses: Monograph. SPb.: KARO, 2016. 671 p.
3. Ilyin E.P. Psychology of fear. SPb.: Piter, 2017. 288 p.
4. Konkova O.M., Tishunin V.V. Children's fears as a factor in the development of neurotic and psychosomatic diseases // Eurasian Union of Scientists. 2017. № 10-1(43). pp. 31-35.
5. Makadei L.I. Gender differences of anxiety and fear in adolescents // Scientific problems of humanitarian research. 2010. № 7. pp. 152-157.
6. Okorochkova N.V., Tsvetkov I.V., Petrovskaya M.V. et al. Study of the level of anxiety of schoolchildren during the transition from primary school to secondary // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Series: Pedagogy and Psychology. 2018. № 2 (44). pp. 121-131.
7. Rozenova M.I., Ekimova V.I., Ognev A.S. et al. Fear as a crisis of mental health in the conditions of global risks and changes // Modern foreign psychology. 2021. Т. 10. № 1. pp. 17-26.
8. Rosenova M.I., Ekimova V.I., Kokurin A.V. et al. Stress and fear in an extreme situation // Modern foreign psychology. 2020. Т. 9. № 1. pp. 94-102.

Хазеева Гюзель Иршатовна,

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва, Россия), магистрант факультета «Экстремальная психология»
e-mail: nizamova.guzel@bk.ru

Khazieva Guzel Irshatovna,

Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow, Russia), undergraduate of the faculty of «Extreme Psychology»

САНОГЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ И ЕГО ВЗАИМОСВЯЗЬ СО СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬЮ

SANOGENIC THINKING OF OLDER ADOLESCENTS AND ITS RELATIONSHIP WITH STRESS RESISTANCE

Аннотация. Статья раскрывает результаты эмпирического исследования саногенного мышления старших подростков и его взаимосвязи со стрессоустойчивостью. Было установлено, что большая часть подростков показывает повышенную чувствительность к стрессам, а остальная часть находится в пределах нормы, устойчивость к стрессу не наблюдалась ни у кого из респондентов. Проверка статистических гипотез позволила сделать вывод о том, что: чем ниже стрессоустойчивость подростков, тем более у них выражены элементы психической защиты (защитная рефлексия). Достоверной взаимосвязи между показателями стрессоустойчивости и саногенного мышления не установлено. Материал направлен на совершенствование методического обеспечения работы с детьми.

Ключевые слова: саногенное мышление, стрессоустойчивость, рефлексивность, саморегуляция.

Abstract. The article is a review of the results of an empirical study of the sanogenic thinking of older adolescents and its relationship with stress resistance. It was found that most of the adolescents show increased sensitivity to stress, and the rest is within the normal range, resistance to stress was not observed in any of the respondents. The verification of statistical hypotheses allowed us to conclude that: the lower the stress resistance of adolescents, the more pronounced the elements

of mental protection (protective reflection) are. A reliable relationship between the indicators of stress resistance and sanogenic thinking has not been found. The material is aimed at improving the methodological support of work with children.

Keywords: sanogenic thinking, stress tolerance, reflexivity, self-regulation.

Современные темпы развития общества, интенсивность жизни человека, условия непрекращающихся экономических, политических, социальных и культурных реформ приводят к нестабильности в обществе и затрудняют процесс адаптации к новым сложившимся условиям существования, что вкупе выступает в роли стрессовых факторов. Проблема стрессоустойчивости личности становится все более актуальной для современной психологии [2, 6]. В связи с этим сегодня особенно остро встает вопрос психологического благополучия подрастающего поколения.

Отсутствие целенаправленного просвещения подростков о здоровом образе жизни, оставляют подростков один на один со своими проблемами [4]. Вследствие этого, важной задачей современной школы и общества в целом становится воспитание личности, способной адекватно воспринимать происходящее, позитивно мыслить и расходовать свои ресурсы, строить реальные оптимистические планы на будущее, то есть обладающей саногенным мышлением.

Саногенный означает «рождение здоровья», причем как физического, так и психического. В целом под саногенным мышлением принято понимать субъектную активность, функцией которой является при определенных обстоятельствах управление поведением и жизнью человека [1]. Овладевая саногенным мышлением, подросток учится управлять своими эмоциями, что способствует оздоровлению психики, снятию внутренней напряженности, устранению комплексов. В настоящее время проблема формирования саногенного мышления у учащихся недостаточна разработана.

Цель исследования – определить взаимосвязь саногенного мышления со стрессоустойчивостью личности в подростковом возрасте.

Методы исследования: «Когнитивно-эмотивный тест Ю.М. Орлова» (в данном тесте представлен показатель «Саногенное, реалистическое мышление», который характеризуют степень саногенности мышления испытуемого) [5]; «Тест на стрессоустойчивость Ю.В. Щербатых» [7], «Методика диагностики уровня развития рефлексивности» А.В. Карпова, В.В. Пономаревой [3].

Испытуемые: 40 подростков в возрасте от 15 до 17 лет (средний возраст 16,3), из них 26 мальчиков и 14 девочек. Статистические методы: проверка достоверности полученных результатов проводилась с использованием непараметрического критерия U-Манна-Уитни и t-критерия Стьюдента. Проверка гипотезы проводилась с помощью коэффициента корреляции Пирсона.

В результате проведенного исследования было установлено, что большая часть подростков показала повышенную чувствительность к стрессам – 79 %, а остальная часть участников (21 %) демонстрировала показатели в пределах нормы. Иначе говоря, устойчивость к стрессу не наблюдалась ни у кого из респондентов.

Достоверные различия между группами подростков со стрессочувствительностью выше и ниже среднего были выявлены по показателю защита от за-

висти и деструктивным способам преодоления стресса. Подросткам со стрессочувствительностью выше среднего свойственно переживание зависти и сравнение себя с другими, а также они более склонны к деструктивным способам преодоления стресса.

Для определения взаимосвязи между показателями исследования был использован коэффициент корреляции Пирсона (табл. 1).

Таблица 1 – Результаты корреляционного анализа показателей защитной рефлексии, стрессоустойчивости и уровня рефлексивности подростков

Показатели	РРД	РБД	Проекция на других	Защита от зависти	Уход из ситуации	p
Стрессочувствительность	-0,55		0,49			0,05
Объём защитной рефлексии при репродукции стыда		-0,55				0,05
Защита от зависти		-0,71				0,01
Защита от обиды		-0,68				0,05
Возбуждение вины в других		-0,63				0,05
Склонность все излишне усложнять, что может приводить к стрессам			0,60			0,05
Предрасположенность к психосоматическим заболеваниям					0,53	0,05

Корреляционный анализ выявил достоверную положительную взаимосвязь между склонностью все излишне усложнять и проекцией на других ($r=0,60$; $p=0,05$). Таким образом, при переносе внутреннего состояния на других людей и ситуацию, подросток не способен адекватно оценивать себя и окружающих, не чувствует ответственность за собственные мысли, поступки, вследствие чего склонен излишне усложнять, додумывать всё происходящее с ним, что впоследствии может приводить к снижению стрессоустойчивости. Вышеизложенное также подтверждается наличием положительной корреляционной связи между базовым показателем стрессочувствительности и проекцией на других ($r=0,55$; $p=0,05$).

Положительная корреляционная связь обнаружена между предрасположенностью к психосоматическим заболеваниям и уходом от ситуации ($r=0,53$; $p=0,05$). Чем более проявлен такой механизм психологической защиты как уход от ситуации (избегание и бездействие), тем большее влияние это оказывает и на физическое здоровье подростка.

Существует достоверная отрицательная взаимосвязь между стрессочувствительностью и ретроспективной рефлексивностью ($r=-0,55$; $p=0,05$). Чем более склонен подросток к анализу событий прошлого, причин произошедшего, допущенных ошибок, тем более он стрессоустойчив, способен ориентироваться в сложившейся ситуации, противостоять трудностям.

Отрицательная корреляционная связь обнаружена между рефлексивностью будущей деятельности и показателями объема защитной рефлексии при репродукции стыда ($r=-0,55$; $p=0,05$), защиты от зависти и обиды ($r=-0,71$; $p=0,01$), и возбуждения вины в других ($r=-0,63$; $p=0,05$). Склонность подростка

анализу предстоящей деятельности и к планированию своего поведения способствует снижению таких психических защит как возбуждение вины в других, защитная рефлексия при репродукции стыда, защита от зависти и обиды. Ввиду того, что психические защиты дают локально-временный эффект и создают иллюзию благополучия, а часто дают и напрямую негативные последствия, лишь развитая перспективная рефлексия дает возможность подростку осознать неконструктивные программы поведения и скорректировать их.

Исходя из полученных результатов можно сделать вывод о том, что саногенное мышление предполагает самостоятельную регуляцию человеком своих эмоциональных состояний. Стрессоустойчивость и устойчивость личности к неблагоприятным внутренним и внешним факторам – это способность контролировать свой ум, производящий образы и мысли. Таким образом, ключом к повышению стрессоустойчивости, достижению душевного равновесия, физического благополучия является осознание источника возникновения своих мыслей, чувств, эмоций, изменение этих мыслей и управление эмоциями, а именно развитие саногенного мышления.

В результате проведенного исследования большая часть подростков показала повышенную чувствительность к стрессам. Было установлено, что чем выше стрессочувствительность (ниже стрессоустойчивость) у подростков, тем более у них выражены элементы психической защиты (защитная рефлексия), а также, что чем выше стрессочувствительность у подростков (ниже стрессоустойчивость), тем менее они склонны анализировать прошлое и себя в нем, т.е. не «учатся на своих ошибках».

Список литературы:

1. Гасанова Д.И. Саногенное мышление: вопросы теории и практики // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. № 1. 2009. С. 20-25.
2. Захарова И.Н., Ершова И.Б., Творогова Т.М., Глушко Ю.Г. Стресс у детей и подростков – проблема сегодняшнего дня // Медицинский совет. 2021. С. 237-245.
3. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 77.
4. Кучкарова Ф.М. Развитие саногенного мышления у обучающихся в процессе непрерывного образования // Наука и образование сегодня. Изд-во: Олимп. № 5. 2021. С. 61-62.
5. Орлов Ю.М. Когнитивно Эмотивный Тест (КЭТ) / Составитель А.В. Ребенок. Серия: Исцеление размышлением. М.: Слайдинг, 1996-2019.
6. Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин [и др.]; под общей ред. А.В. Кокурина, В.Е. Петрова, В.И. Екимовой, В.М. Позднякова. М.: Издательство Юрайт, 2020. 375 с.
7. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. СПб.: Питер, 2006. 121 с.

References:

1. Gasanova D.I. Sanogenic thinking: questions of theory and practice // Izvestiya DSPU. Psychological and pedagogical sciences. № 1. 2009. pp. 20-25.
2. Zakharova I.N., Ershova I.B., Tvorogova T.M., Glushko Yu.G. Stress in children and adolescents – the problem of today // Medical Council. 2021. pp. 237-245.
3. Karpov A.V. Psychology of reflexive mechanisms of activity. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2004. p. 77.
4. Kuchkarova F.M. Development of sanogenic thinking among students in the process of continuing education // Science and Education today. Publishing house: Olympos. № 5. 2021. pp. 61-62.

5. Orlov Yu.M. Cognitive Emotive Test (CAT) / Compiled by A.V. Child. Series: Healing by reflection. M.: Sliding, 1996-2019.

6. Psychology of service activity: textbook and workshop for universities / A.V. Kokurin [et al.]; under the general editorship of A.V. Kokurin, V.E. Petrov, V.I. Ekimova, V.M. Pozdnyakov. M.: Yurayt Publishing House, 2020. 375 p.

7. Shcherbatykh Yu.V. Psychology of stress and methods of correction. St. Petersburg: Peter, 2006. 121 p.

Сборник статей

**ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И БЕЗОПАСНОСТЬ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОСТРЕБОВАННОСТИ
ДОСТИЖЕНИЙ ПСИХОЛОГИИ**

Материалы Международной научно-практической конференции

25 ноября 2022 года

Формат 60×90¹/₈. Гарнитура «Times».
Электронное издание. Печать по требованию.

Московский государственный психолого-педагогический университет
127051 г. Москва, ул. Сретенка, д. 29; тел.: (495) 632-90-77; факс: (495) 632-92-52